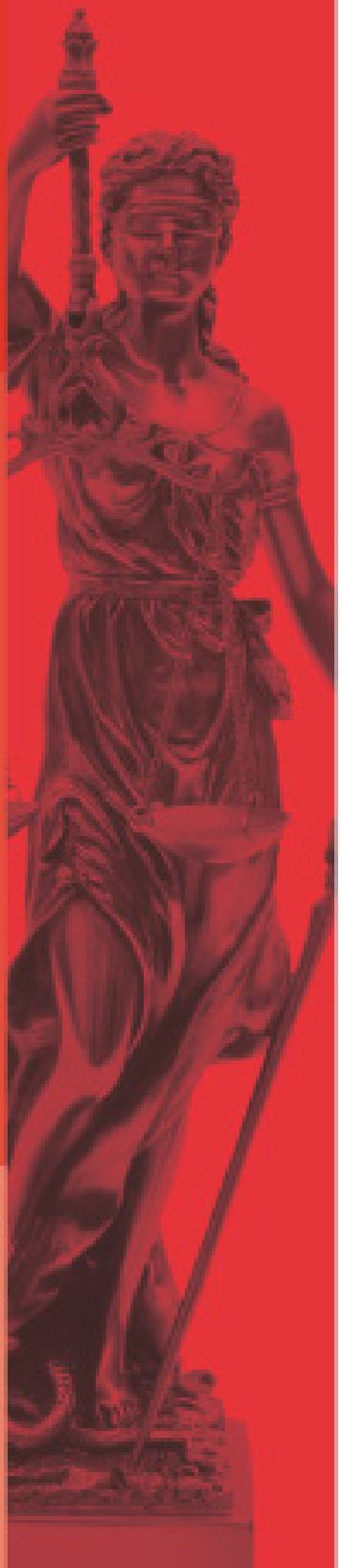
САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева



ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

Том 10 • № 3 • 2024 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

Том 10 • № 3 • 2024 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в ***Перечень ведущих рецензируемых научных изданий****, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,* ***с 30.11.2017***

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2024, Т. 10, № 3

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
5.1.4. Уголовно-правовые науки
5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор
А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
Заместитель главного редактора
О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)
Ответственный секретарь
В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:
443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3379963, 3379936
E-mail: Jjournal@inbox.ru
www: http://http://journals.ssau.ru/jjsu

Издатель: Самарский университет
Адрес издателя:
Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.
Литературное редактирование, корректура
Т. А. Мурзинова
Компьютерная верстка, макет
Т. А. Мурзинова
Информация на английском языке
М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.
Подписной индекс в объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 80309
ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. **ISSN 2410-8707**

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная
Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 30.10.2024. Дата выхода в свет 09.11.2024
Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Печ. л. 13,5.
Тираж 200 экз. (первый завод – 60 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.
www: http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.**
С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**).

Редакционная коллегия:
А. Х. Абашидзе, д-р юрид. наук, проф. (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ)
А. И. Абдуллин, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, РФ)
Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)
А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)
С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)
Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)
Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)
Л. В. Головко, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)
Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)
В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)
С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)
Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)
А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, проф. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)
Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)
В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара, РФ)
С. В. Липень, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)
В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)
В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)
К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)
Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)
Е. А. Трещева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)
И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)
А. В. Юдин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)
Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2024

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

JURIDICHESKIY VESTNIK

SAMARSKOGO UNIVERSITETA

Vol. 10 • №3 • 2024

IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS CROSSREF KIBERLENINKA

*The Journal is included by the HAC in the **List of leading scientific editions,** where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from **30.11.2017***

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year 2024, V. 10, no. 3

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.2. Public legal (State legal) sciences

5.1.3. Private legal (civilistic) sciences

5.1.4. Criminal legal sciences

5.1.5. International legal sciences

Chief editor
A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
Deputy chief editors
O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)
Executive editor
V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:
1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36
E-mail: Jjournal@inbox.ru
www: http://http://journals.ssau.ru/jjsu

Publisher and Founder: Samara National Research University
Address of Publisher:
Centre of Periodical Publications of Samara University
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.
Literatory editing, proofreading *T. A. Murzinova*
Computer makeup, dummy *T. A. Murzinova*
Information in English *M. S. Strelnikov*

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Subscription Index in the «Press of Russian»
Catalogue of Internet 80309
ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»
Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price
Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 09.11.2024.
Format 60x84/8.
Litho paper. Instant print.
Print. sheets 13,5.
Circulation 200 copies (first printing – 60 copies).
Order №

Printed on the printing house of Samara University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation
www: http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.
Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index.**

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)
A. Kh. Abashidze, Dr. of Law, professor (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, RF)
A. I. Abdullin, Dr. of Law sciences, professor (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, RF)
A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)
S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)
Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)
G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorusian State University, Minsk, Republic of Belarus)
L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)
E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)
V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)
S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)
N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)
A. V. Ivanchin, Dr. of Law, professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)
T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)
V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)
S. V. Lipen, Dr. of Law, ssociate professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)
V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)
V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)
K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)
Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)
E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)
I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)
A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)
T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2024

This works are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Караман А. А. Миротворческий контингент в Приднестровье как реализация функции государства по обеспечению безопасности граждан России за ее пределами 7

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Мамедова В. Э. Экспериментальные правовые режимы в сфере медицинской деятельности и персонифицированная медицинская информация: снижение уровня защищенности или дополнительные гарантии? 17

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Султанов А. Р. Является ли картель гражданско-правовой сделкой? 26

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Карханина Л. В. К вопросу об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества 32

Кленова Т. В., Нуркаева Т. Н. О коллизии норм об ответственности за посягательства специальных субъектов на жизнь и здоровье неродившегося или новорожденного ребенка 39

Россинский С. Б. Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте Шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) 47

Туманов А. С., Звягинцева М. С. Надругательство над Государственным флагом или Государственным гербом Российской Федерации: отдельные вопросы квалификации 55

Шуваткин А. В. Сравнительный анализ норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан на этапе окончания расследования 62

Щукина Н. П. Потенциал конститутивной криминологии в изучении служб пробации 69

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гавриленко В. А., Головейко И. В., Уткин Н. И. Актуальные вопросы теории и практики правового регулирования политики арктических государств в Арктическом регионе 80

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Марухно Е. Ю. Идентификация права Европейского Союза и его соотношение с международным публичным правом 89

Сунгатуллин А. Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: нововведения в зарубежном уголовном законодательстве 96

Требования к оформлению статей 106

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Karaman A. A. Peacekeeping forces in Transnistria, as the implementation of the state's function of ensuring the security of Russian citizens outside its borders 7

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Mamedova V. E. Experimental legal regimes in the field of medical activity and personalized medical information: a decrease in the level of protection or additional guarantees? 17

PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

Sulatanov A. R. Is a cartel a civil transaction? 26

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Karkhanina L. V. On the issue of the responsibility of convicts for evading serving sentences not related to isolation from society 32

Klenova T. V., Nurkaeva T. N. On the conflict of norms on criminal liability of special subjects for encroachment on life and health of a newborn or unborn child 39

Rossinskiy S. B. Collection of evidence vs examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday) 47

Tumanov A. S., Zvyagintseva M. S. Desecration of the State flag or the State emblem of the Russian Federation: certain issues of qualification 55

Shuvatkin A. V. Comparative analysis of the norms of the criminal procedure legislation of Russian Federation and the Republic of Kazakhstan governing the end of the investigation 62

Shchukina N. P. Potential of constitutive criminology in the study of probation services 69

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Gavrilenko V. A., Goloveiko I. V., Utkin N. I. Current issues in the theory and practice of legal regulation policy of Arctic states policy in the Arctic Region 80

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Marukhno E. Yu. Identification of the law of the European Union and its relation to public international law 89

Sungatullin A. N. Involvement of minors in committing crimes: innovations in foreign criminal legislation 96

Requirements to the design of articles 106

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-7-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

Дата поступления: 19.06.2024
рецензирования: 27.07.2024
принятия: 10.09.2024

Миротворческий контингент в Приднестровье как реализация функции государства по обеспечению безопасности граждан России за ее пределами

А. А. Караман
Международная славянская академия наук, образования искусств и культуры,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: alexman-k@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье исследованы малоизвестные и недостаточно изученные события и юридические факты, связанные между собой и предшествовавшие вводу российского миротворческого контингента в Приднестровье. В последнее время, особенно с избранием Президентом Молдовы М. Санду, резко активизировалась антироссийская риторика: со стороны органов государственной власти Республики Молдова звучат различные нападки и предпринимаются соответствующие действия по отношению к органам государственной власти, негосударственным органам и гражданам Российской Федерации. Объектом такой риторики в том числе являются и российские миротворцы, дислоцированные в Приднестровье. В Молдове требуют вывода миротворцев, при этом утверждается, что российские военнослужащие находятся на территории Молдовы якобы противоправно. Целью исследования стали выявление и разъяснение исторических и правовых предпосылок, послуживших основанием для ввода российских миротворцев в зону военного конфликта на территории Республики Молдова, а также толкование нормативного акта, регламентирующего правовой статус российских миротворцев, дислоцированных на территории Приднестровья. Предметом исследования явились юридические действия и факты, которые привели к необходимости ввода миротворцев в зону военного конфликта, научные публикации по исследуемой тематике. Использованы общенаучные и специальные методы исследования: системный, исторический, диалектический, логический, сравнительно-правовой, анализ и синтез, индукция и дедукция, толкование. Сделано заключение, что требования о выводе российских миротворцев противоречат нормам акта, в соответствии с которым они были введены.

Ключевые слова: защита граждан России как функция государства; гражданская война в Приднестровье; состояние войны Молдовы с Россией; пресечение вооруженных провокаций в отношении российских военнослужащих; разъяснение нормативного акта от 21 июля 1992 года.
Цитирование. Караман А. А. Миротворческий контингент в Приднестровье как реализация функции государства по обеспечению безопасности граждан России за ее пределами // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 7–16. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-7-16.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Караман А. А., 2024
Александр Акимович Караман – кандидат юридических наук, Советник Президента Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, 119331, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 29, офис 404.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.06.2024
Revised: 27.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Peacekeeping forces in Transnistria, as the implementation of the state's function of ensuring the security of Russian citizens outside its borders

A. A. Karaman
International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture,
Moscow, Russian Federation
E-mail: alexman-k@mail.ru

Abstract: This article examines little-known and insufficiently studied events and legal facts related to each other and preceding the entry of the Russian peacekeeping contingent into Transnistria. Recently, especially with the election of M. Sandu as President of Moldova, anti-Russian rhetoric, various attacks and actions by the public authorities of the Republic of Moldova towards public authorities, non-governmental bodies and citizens of the Russian Federation have sharply intensified. The Russian peacekeepers stationed in Transnistria are also the object of such rhetoric. In Moldova, they demand the withdrawal of peacekeepers, while it is claimed that Russian servicemen are allegedly illegally on the territory of Moldova. The purpose of the study is to clarify the historical and legal prerequisites that were the basis for the entry of Russian peacekeepers into the military conflict zone on the territory of the Republic of Moldova, as well as the interpretation of the normative act regulating the legal status of Russian peacekeepers stationed in the territory of Transnistria. The subject of the study was the legal actions and facts that led to the need to introduce peacekeepers into the zone of military conflict, scientific publications on the subject under study. The research uses general scientific and special research methods: systematic, historical, dialectical, logical, analysis and synthesis, induction and deduction, interpretation, comparative law. The results of the study led to the conclusion that the requirements for the withdrawal of Russian peacekeepers contradict the norms of the act in accordance with which they were introduced.
Key words: function of state to protect Russian citizens; civil war in Transnistria; state of war between Moldova and Russia; suppression of armed provocations against Russian military personnel; clarification of the norms of the act as of July 21, 1992.
Citation. Karaman A. A. *Mirotvorcheskii kontingent v Pridnestrov'e kak realizatsiya funktsii gosudarstva po obespecheniyu bezopasnosti grazhdan Rossii za ee predelami* [Peacekeeping forces in Transnistria, as the implementation of the state's function of ensuring the security of Russian citizens outside its borders]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 7–16. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-7-16 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Karaman A. A., 2024
Alexander A. Karaman – Candidate of Laws, Advisor to the President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture, office 404, 29, Vernadsky Avenue, Moscow, 119331, Russian Federation.

Введение

Последние годы существования СССР характеризуются несколькими конфликтами на территории Азербайджана, Грузии и Молдавии. Конфликты в Азербайджане и Грузии обоснованно можно назвать межнациональными. Конфликт в Молдавии в полной мере можно считать политическим, поскольку он разгорелся между сторонниками объединения с Румынией и сторонниками сохранения СССР. При этом в рядах противоборствующих сторон находились как молдаване, так и представители других этносов, а столкновения проходили преимущественно на территории Приднестровья. Результатом этих конфликтов стало провозглашение новых государственных образований [1], или квазигосударств [2].

О миротворческой деятельности России в Приднестровье говорят и пишут исключительно как о вмешательстве России с целью прекращения вооруженного конфликта между Приднестровьем и Молдовой. Это действительно так. Но у всей этой проблематики есть и второй аспект, практически не изученный российскими исследователями. Речь идет о конфликте между Молдовой и Россией.

Последние годы существования СССР и связанные с ними трагические события, в том числе имевшие место на территории Приднестровья в 1992 году, стали объектом исследования преимущественно историков, политологов, конфликтологов. Гораздо меньше исследований правовой направленности, хотя в ходе всех этих конфликтов, в том числе в Приднестровье, имело место массовое нарушение основных прав и свобод человека, в том числе права на жизнь и безопасность как жителей Приднестровья, так и российских военнослужащих и членов их семей.

Россия была вынуждена начать операцию по принуждению Молдовы к миру из-за неоднократных нападений и обстрелов гарнизонов 14-й Армии со стороны вооруженных формирований Молдовы. Операция по принуждению Молдовы к миру сделала невозможным дальнейшее продолжение агрессивных действий с ее стороны как против 14-й Армии, так и против Приднестровья. Таким образом был достигнут двойной эффект.

Защита безопасности граждан России как функция государства

В настоящей статье исследована деятельность органов государственной власти Российской Федерации по реализации одной из важнейших функций государства – защите безопасности граждан России. В соответствии с нормами п. 2 ст. 61 Конституции РФ Российская Федерация гарантирует своим гражданам государственную защиту и покровительство за ее пределами[1]. Формы и способы реализации такой гарантии регламентируются законодательными актами.

Закон, которым установлены компетенции и полномочия органов государственной власти России по защите интересов соотечественников, проживающих за рубежом, был принят только в

[1] Конституция Российской Федерации – принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Указ Президента Российской Федерации от 05.10.2022 № 710 «Об опубликовании текста Конституции Российской Федерации с изменениями». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48364.

1999 году[2]. Речь идет о дипломатических, экономических, социальных и культурных мерах по обеспечению прав и безопасности российских граждан, пребывающих на территории иностранных государств.

Одним из способов обеспечения безопасности граждан России за рубежом является осуществление миротворческой деятельности с применением военного контингента. В 1996 году был принят Закон, нормы подпункта 4 пункта 1 статьи 5 которого предусматривали возможность применения Вооруженных сил Российской Федерации, в том числе за пределами территории России[3]. Но в 1992 году этих нормативных правовых актов в природе еще не существовало. Впервые в истории современной России этот метод реализации защитной функции государства был апробирован в 1992 году в Приднестровье. Он успешно применяется до настоящего времени.

На момент совершения действий и событий, исследованных в настоящей статье, правоотношения в сфере обеспечения безопасности граждан России регламентировались законом, нормы статьи 2 которого гарантировали гражданам безопасность, защиту и покровительство, в том числе за ее пределами[4].

Это был сложный переходный период, обусловленный, с одной стороны, прекращением существования СССР, с другой стороны, началом реализации Российской Федерацией как суверенным и независимым государством своих внешних и внутренних функций. На тот момент еще сложно было определить принадлежность граждан бывшего Союза ССР к гражданству новых суверенных государств, поскольку таких документов, удостоверяющих гражданство, практически ни в одном из постсоветских государств еще не было.

В РСФСР был принят законодательный акт, в пункте 1 статьи 5 которого устанавливалось: «Граждане РСФСР за пределами РСФСР пользуются защитой и покровительством РСФСР[5]. При этом нормы статьи 10 содержали норму, которая устанавливала, что принадлежность к гражданству РСФСР должна была подтверждаться удостоверением личности гражданина РСФСР либо паспортом гражданина РСФСР, которых в природе еще не существовало. Нормативный акт, регламентирующий паспортизацию граждан России, был издан только в 1997 году[6].

Поэтому установить граждан Российской Федерации, находившихся на тот момент за пределами России, в том числе в МССР, позже ставшей независимой Молдовой, представляло сложность не только с технической стороны, но и с правовой.

Результатом политического конфликта между властями Молдовы, проводившими политику румынизации республики и последующее объединение с Румынией, и, с другой стороны, населением Приднестровья стало провозглашение 2 сентября 1990 года своей Республики в составе СССР[7].

Молдавско-приднестровский и молдавско-российский вооруженные конфликты 1992 года как угроза безопасности граждан России

На территории бывшей МССР располагалось достаточно большое количество воинских частей Вооруженных сил СССР, на которые стала претендовать Молдова, провозгласившая свою независимость. Большинство этих частей входили в состав 14-й общевойсковой армии (далее – 14-й Армии). Их перечень, места дислокации и состав перечислены в книге бывшего командующего этой армией [3, с. 23–25].

Руководство Молдовы еще до прекращения существования СССР открыто заявило о претензиях на все военное имущество, принадлежащее воинским частям, дислоцированным в бывшей МССР. Нормативными актами, которыми имущество Вооруженных сил СССР, находящееся на территории Молдовы, в одностороннем порядке было признано ее собственностью, стали Указ главы государства и постановление высшего исполнительного органа государственной власти[8].

За день до Беловежских соглашений руководство Молдовы направило в адрес ООН провока-

---

[2] Федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 22. Ст. 2670.

[3] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 3 июня. № 23. Ст. 2750.

[4] Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 года № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769.

[5] Закон РСФСР от 28 ноября 1991 года № 1948-I «О гражданстве РСФСР» от 28.11.1991 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 6. Ст. 243.

[6] Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 1997 г. № 232 «Об основном документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 11. Ст. 1301.

[7] Постановление Второго Чрезвычайного съезда народных депутатов всех уровней Приднестровского региона «Об образовании Приднестровской Молдавской Советской Социалистической Республики». 2 сентября 1990 года // Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики: сборник официальных документов / Научно-исследовательская лаборатория по истории Приднестровского региона Приднестровского государственно-корпоративного университета им. Т. Г. Шевченко; отв. ред. д. ю. н. В. Н. Яковлев. Тирасполь: РИО ПГКУ, 1993. С. 82–84.

[8] Постановление Правительства Республики Молдова «О мерах по реализации Указа Президента Республики Молдова от 14 ноября 1991 года «Об объявлении собственностью Республики Молдова вооружения, военной техники, другого военного имущества, принадлежащего воинским частям, дислоцированным на территории республики» № 701 от 18.12.1991 // Monitorul Oficial. 1991. № 000, 30.12. URL: web.archive.org/web/20150704235338/http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=304089&lang=2 (дата обращения: 18.06.2024).

ционное обращение, в котором говорилось, что 14-я Армия якобы ввела свои войска и начала широкомасштабную агрессию против Молдовы[9]. В действительности советские войска дислоцировались в бывшей МССР на протяжении десятилетий.

Поскольку союзное руководство оказалось неспособным урегулировать указанные конфликты правовыми методами, вскоре все они перешли в горячую или военную фазу вооруженного противостояния с большим количеством жертв и разрушений. После прекращения существования СССР миссию по обеспечению безопасности граждан, прекращению или приостановлению всех указанных вооруженных конфликтов вынуждена была взять на себя Россия. Единственным возможным способом реализации этой функции оказалось проведение миротворческих операций.

При этом Россия должна была осуществлять миротворческие операции исключительно в рамках механизма правового регулирования. Таковым признается в целом вся система правовых средств, при помощи которой государством осуществляется правовое воздействие на общественные отношения [4, с. 138, 216–217]. Естественно, что на момент прекращения существования СССР соответствующей нормативной базы, предназначенной для урегулирования правоотношений, связанных с миротворческой деятельностью, не существовало, и она создавалась буквально на ходу.

Официальной датой начала широкомасштабных боевых действий в Приднестровье считается 2 марта 1992 года. В этот день было предпринято масштабное вторжение на территорию Приднестровья вооруженных подразделений МВД Молдовы и националистических формирований, которые захватили плацдарм у села Кочиеры. Были атакованы и захвачены военный городок, казармы и военное имущество воинской части, располагавшейся в этом селе. Личный состав и члены их семей были взяты в заложники. Об этом сообщалось в газете «Красная Звезда»[10]. Воинская часть на тот момент была фактически бесхозной, поскольку вопрос подчиненности бывших советских войск на территории Молдовы еще не был решен. Через много лет о подробностях того нападения и создавшейся ситуации расскажет ее бывший командир, подполковник С. Бацура[11].

Очень точно описывает ситуацию, сложившуюся в войсках, бывший начальник военной комендатуры г. Тирасполя М. М. Бергман: «Мы оказались никому не нужными. Наступил момент, когда армия оказалась ничьей… Офицеры не знали, что делать, кому служить» [5, с. 165]. Этим и решили воспользоваться власти Молдовы.

После 2 марта 1992 года начались практически ежедневные обстрелы территории Приднестровья со стороны Молдовы. При этих хаотичных неразборчивых обстрелах под огонь попадали в том числе военные объекты и жилые городки воинских частей бывшей Советской армии. 20 марта 1992 года Верховный Совет России заслушал вопрос о ситуации в Приднестровье и принял соответствующее Постановление, в котором заявлялось, что не только военнослужащим частей, входивших в состав 14-й Армии, но и членам их семей должна быть обеспечена безопасность[12].

В истории современной России это был фактически первый официальный акт, в котором, пусть пока декларативно, обращалось внимание на необходимость обеспечения безопасности российских военнослужащих и членов их семей, дислоцированных в Приднестровье.

Так совпало, что в этот же день было создано Главное командование Объединенных Вооруженных сил СНГ[13], которое тут же договорилось с председателем правительства Молдовы о передаче ей всей армейской собственности, размещенной на территории, контролируемой властями Молдовы.

Во исполнение указанного соглашения 23 марта 1992 года был издан приказ, благодаря которому Молдова получила огромное количество оружия и боевой техники [6]. Достаточно полный перечень того, что было передано Молдове, содержится в книге М. А. Жирохова [7].

Будущее военного имущества и юрисдикции личного состава 14-й Армии было определено 1 апреля 1992 года[14]. С этого дня начался переход под юрисдикцию России военнослужащих частей и соединений 14-й Армии. Следует отметить, что к тому моменту среди офицеров, и особенно прапорщиков, было достаточно много уроженцев МССР. Часть из них уволились, другие переехали на службу в Молдову, но большинство перешли под юрисдикцию России.

После передачи Молдове всего военного имущества воинских частей, располагавшихся на подконтрольной ей территории, масштабы обстрелов Приднестровья и объектов 14-й Армии расширились. После ряда вооруженных провокаций Съезд народных депутатов России принял акт, в котором было признано необходимым незамедлительное

[9] Послание руководства Республики Молдова Его Превосходительству господину Бутросу Гали, Генеральному секретарю ООН от 6 декабря 1991 года // Гражданский мир. 1992. 30 мая.

[10] Что происходит в Дубоссарах // Красная Звезда. 1992. 3 марта.

[11] Как начиналась война. Участники событий рассказывают о первых днях молдово-приднестровской войны. 3 марта 2018 г. URL: http://mgko-moscow.ru/news/2018-03-03-1072 (дата обращения: 18.06.2024).

[12] Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об обращении Верховного Совета Российской Федерации» от 20 марта 1992 года № 2560-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. 2 апреля. № 14. Ст. 726.

[13] Решение государств-участников СНГ «О Главном командовании ОВС СНГ» от 20.03.1992 // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств.

[14] Указ Президента Российской Федерации «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации воинских частей Вооруженных Сил бывшего СССР, находящихся на территории Республики Молдова» от 01.04.1992 № 320. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/1114.

формирование миротворческих сил. При этом было признано целесообразным формирование соответствующего воинского контингента из военнослужащих 14-й Армии, уже находившихся в Приднестровье[15]. Это был первый официальный нормативный акт, в котором указывалось на необходимость создания миротворческих сил с целью обеспечения безопасности граждан.

Наиболее интенсивные обстрелы территории Приднестровья со стороны вооруженных формирований Молдовы с применением ствольной артиллерии и систем залпового огня начались 17 мая 1992 года. За первые три дня обстрелов погибли и были ранены более 80 человек. Под огонь попала в том числе воинская часть 14-й Армии – склады, казармы и городок проживания семей военнослужащих, располагавшиеся в г. Дубоссары.

Настоящий обстрел никак нельзя было назвать случайным. Военный совет 14-й Армии 19 мая 1992 года выступил с заявлением, в котором констатировался факт обстрелов, был выражен решительный протест и заявлено о праве нанести ответный огневой удар. Об этой напряженной обстановке подробно изложено в одной из документальных книг, изданных бывшими военнослужащими 14-й Армии [8].

После настоящего заявления Военного совета негативная риторика в отношении 14-й Армии достигла своего апогея. Несмотря на тот факт, что 14-я Армия еще не предприняла никаких ответных действий, 23 мая 1992 года Президент Молдовы издал нормативный акт, в котором определялись меры по защите Молдовы якобы от вооруженной агрессии Российской армии. В этот же день пресс-служба президента опубликовала заявление, в котором 14-я Армия была названа оккупационной.

27 мая 1992 года состоялось заседание парламента Молдовы, на котором выступил М. Снегур. Ссылаясь на Постановление VI Съезда народных депутатов и на Заявление Военного совета от 19 мая, М. Снегур заявил, что открытая военная агрессия России против Молдовы стала свершившимся фактом, и обратился к Украине за помощью[16].

Тем самым Президент Молдовы фактически объявил, что Молдова находится в состоянии войны с Россией. После выступления М. Снегура 27 мая 1992 года парламент Молдовы принял Постановление, в котором обвинил 14-ю Армию в агрессии и интервенции против Молдовы[17].

Таким образом, в мае 1992 года Молдова устами ее Президента и нормами двух постановлений Парламента первой заявила и признала, что она находится в состоянии войны с Россией. И это состояние войны будет продолжаться до июля 1992 года, когда одна воюющая сторона, Республика Молдова, сначала запросит, а потом 21 июля и подпишет с Россией соответствующее Соглашение.

Наиболее масштабное вторжение вооруженных формирований Молдовы на территорию Приднестровья началось 19 июня 1992 года. В этот день в правобережном городе Бендеры, как и по всему Приднестровью, проходили выпускные мероприятия в школах. С четырех сторон в город ворвались бронированные колонны формирований Республики Молдова. Большая часть города, в том числе два военных городка 14-й Армии, были захвачены, разграблены и сожжены.

На второй день Правительство РФ приняло нормативный акт, реализация норм которого высшим военным командованием России изменила весь ход дальнейших боевых действий.

Настоящее Постановление, которое практически не упоминается в других исследованиях, явилось правовой базой для высшего политического руководства и военного командования России, отдавших соответствующие поручения командованию 14-й Армии по принуждению Молдовы к миру[18]. И уже на следующий день артиллерия 14-й Армии выполнила первые залпы по скоплениям вооруженных формирований Молдовы.

М. Снегур в своей телеграмме призвал Президента России к благоразумию и невмешательству во внутренние дела Молдовы[19]. А Президиум законодательного органа Молдовы в своем обращении объявил, что 14-я Армия 21 июня перешла к крупномасштабным военным действиям, обвинил ее в развязывании геноцида против коренного населения и призвал народы, парламенты и правительства стран мира предпринять все доступные меры, направленные на пресечение агрессии, развязанной Российской Федерацией[20].

23 июня 1992 года в Приднестровье был срочно командирован полковник Гусев, оказавшийся впоследствии генерал-майором А. И. Лебедем. 27 июня 1992 года генерал-майор А. И. Лебедь сменил генерал-майора Ю. М. Неткачева на посту командующего 14-й Армией. После этого эффективность применения российских войск существенно возросла. А. В. Девятков утверждает, что в России якобы до сих пор замалчиваются эти со-

---

[15] Постановление VI Съезда народных депутатов Российской Федерации «О содействии в обеспечении прав человека в Приднестровье» от 8 апреля 1992 года № 2680-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. 23 апреля. № 17.

[16] Постановление Парламента Республики Молдова «К Верховному Совету Украины» № 1038 от 26-05-1992 // Monitorul Parlamentului. 1992. 30 мая. № 5. Ст. № 110/1.

[17] Постановление парламента Республики Молдова «О некоторых мерах по улучшению ситуации в приднестровских районах в связи с вооруженной иностранной интервенцией» от 27 мая 1992 года // Независимая Молдова. 1992. 3 июня.

[18] Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по пресечению действий против Вооруженных Сил Российской Федерации» от 20.06.1992 № 407 // Российская газета. 1992. 4 июля. № 152.

[19] Телеграмма Президента Республики Молдова Президенту России от 21 июня 1992 года // Молдова суверанэ. Дайджест. 1992. 26 июня.

[20] Обращение к народам, парламентам и правительствам стран мира Президиума парламента Республики Молдова от 22 июня 1992 г. // Независимая Молдова. 1992. 24 июня.

бытия, чтобы прикрыть «роль российских войск в поражениях армии Молдовы» [9].

Действительно, органы государственной власти России не публиковали официальные сводки о ходе операции принуждения Молдовы к миру. Но об этом достаточно подробно изложено в весьма информативной книге, соавторами которой являются бывшие подчиненные генерала А. И. Лебедя [8].

Такой резкий поворот событий заставил Президента Республики Молдова М. Снегура позвонить Б. Н. Ельцину и попросить срочной аудиенции. И уже 3 июля 1992 года в Москве состоялась встреча глав двух государств, в ходе которой были оговорены условия, решения и шаги, необходимые для прекращения боевых действий. Итогом первой в истории современной России операции по принуждению к миру стало подписание Соглашения от 21 июля 1992 года[21] (далее – Соглашения).

Из целого ряда научных и публицистических работ, изданных как в Приднестровье, так и в России, сформировалось мнение о том, что войну в Приднестровье остановил именно генерал А. И. Лебедь. Об этом, в частности, пишет М. М. Бергман, бывший начальник военной комендатуры г. Тирасполя и подчиненный генерала А. И. Лебедя [10]. О том, что основная заслуга в прекращении конфликта принадлежит командующему 14-й Армией генералу А. И. Лебедю, изложено и у А. И. Подберезкина [11], и во многих других публикациях.

Ничуть не умаляя роли А. И. Лебедя, имя которого увековечено в Приднестровье, объективности ради следует отметить, что генерал А. И. Лебедь, как человек военный, не мог без решения вышестоящего военного и политического руководства России пойти на такие действия. Этим решением было указанное выше Постановление Правительства России от 20.06.1992 № 407.

В целом ряде научных работ говорится о российском военном компоненте в приднестровской проблематике. В качестве примера можно привести упомянутые выше статьи В. А. Колосова [6] и А. В. Девяткова [9]. Более подробные данные, касающиеся вооруженного конфликта и роли России, изложены в диссертациях как В. А. Колосова [10], так и А. В. Девяткова [11].

В 1992 году события на постсоветском пространстве развивались таким образом, что Россия была вынуждена взять на себя функцию миротворца, поскольку в образовавшемся СНГ еще не существовало механизма проведения и правового регулирования миротворческих операций.

Вообще первая миротворческая операция в истории современной России началась 14 июля 1992 г. с целью прекращения боевых действий между противоборствующими сторонами на территории Южной Осетии, когда в соответствии с подписанным Соглашением в зону конфликта был введен российский военный миротворческий контингент[22].

И. В. Лактионова считает, что миротворческая активность России, которая позволила сдержать развитие военных конфликтов на постсоветском пространстве, носила самостоятельный характер [14]. Похожее мнение о том, что эти операции осуществлялись самостоятельно Россией, без какого-либо участия СНГ, а только на основе соглашений сторон, вовлеченных в конфликт, изложено в коллективной монографии [15].

Позже эту идею будет развивать С. И. Романчук, который отметит, что первые четыре миротворческие операции России на пространстве СНГ, в том числе в Приднестровье, следует квалифицировать как операции по прекращению военных действий. Между тем международное сообщество эти операции миротворческими не признает [16]. Такие односторонние действия России вполне логичны и обоснованны, поскольку Положение о Коллективных силах по поддержанию мира в СНГ будут согласованы и подписаны только в 1996 году[23].

В начале настоящей статьи подчеркивалось, что операция принуждения Молдовы к миру и ввод миротворцев в зону конфликта был обусловлен обязанностью государства по обеспечению безопасности своих граждан, в том числе за его пределами. П. В. Шамаров считает, что использование миротворчества в целом способствует превентивному снижению уровня внешних угроз и формированию системы всеобщей безопасности с учетом российских интересов [17].

Толкование Соглашения от 21 июля 1992 года

Научных публикаций, в которых был бы проведен правовой анализ как событий, предшествовавших заключению Соглашения, так и самого Соглашения, практически нет. В основном исследованы другие стороны миротворческой деятельности России – исторические и политологические. К сожалению, некоторые публикации содержат поверхностные суждения по исследуемому вопросу.

Так, в одной из коллективных статей, название которой предполагает исследование именно миротворческой операции, основное место занимают хронология переговорного процесса и его различные форматы [18]. В статье В. В. Игнатьева, нынешнего министра иностранных дел ПМР, исследованы политико-правовые основы Соглашения в контексте норм международного права [19]. Исследователи из Молдовы сделали основной упор на свою оценку политических событий

[21] Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 21 июля 1992 года // Дипломатический вестник. 1992. 15–31 августа. № 15–16.

[22] Сочинское Соглашение «О принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» от 24 июня 1992 г. // Дипломатический вестник МИД РФ. 1992. № 13–14. С. 31.

[23] Решение об утверждении Положения о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств // Бюллетень международных договоров. 1996. Май. № 5.

1992 года, виновной стороной которых они признают Россию [20].

Само Соглашение было подписано президентами Молдовы и России 21 июля 1992 года в Москве. На процедуру подписания был приглашен, хотя Соглашение не подписывал, Президент ПМР И. Н. Смирнов. Поэтому в Соглашении Приднестровье как сторона вообще не упоминается.

В. А. Колосов пишет, что в Соглашении «говорится о «трех сторонах, участвующих в урегулировании», и что вторая сторона конфликта – Приднестровье – исполняет все условия документа [6]. Однако о том, что Приднестровье является второй стороной конфликта, в Соглашении не упоминается. По мнению автора, говорить о трех сторонах можно только применительно к нормам статьи 2 Соглашения, в которой установлено, что и Объединенная контрольная комиссия, и общий миротворческий контингент формируются тремя сторонами, участвующими в урегулировании, то есть Россией, Молдовой и Приднестровьем.

Основную смысловую нагрузку несут нормы статей 1, 4 и 8.

В соответствии с нормами статьи 1 стороны, каковыми являются Республика Молдова и Российская Федерация, обязались прекратить огонь и боевые действия друг против друга. Согласно нормам статьи 4, Россия приняла на себя обязательство обеспечить нейтралитет 14-й Армии. Необходимо отметить, что нейтралитет российских войск сохраняется до настоящего времени. В статье 8 установлены нормы, определяющие моменты вступления Соглашения в силу и прекращения его действия, а также правовые последствия таких юридических действий. Исходя из этих норм, Соглашение вступило в силу с момента его подписания. Что касается момента прекращения действия, то Соглашение предусматривает два варианта: первый – по согласию сторон; второй вариант – самостоятельные действия сторон.

О том, что Республика Молдова давно требует вывода российских миротворцев, но при этом не денонсирует Соглашение от 21 июля 1992 года, пишет Н. В. Шевчук [21]. В другой своей статье он вновь возвращается к проблеме возможного прекращения миротворческого формата. Почему же этого не было сделано до настоящего времени, в статье не конкретизировано, только отмечается, что в Приднестровье опасаются прекращения действия Соглашения, поскольку это может привести к возобновлению войны [22].

Действительно, односторонний выход одного государства из Соглашения может привести к возобновлению вооруженного конфликта между сторонами, подписавшими документ, то есть Молдовой и Россией.

Заключение

Правовой, грамматический и лингвистический анализы короткого текста Соглашения позволяют сделать следующие выводы.

1. К лету 1992 года Республика Молдова, исходя из заявления ее Президента М. Снегура от 25 мая 1992 года, вела военные действия на два фронта – как против ПМР, так и против России.

2. Основной целью агрессии Молдовы была ликвидация ПМР, но параллельно с этим предпринимались агрессивные действия против воинских частей России, дислоцировавшихся на территории Приднестровья.

3. Де-юре Соглашение от 21 июля 1992 года, которое направлено на прекращение вооруженного конфликта, подписано двумя сторонами – Республикой Молдова и Россией. ПМР не является участником данного Соглашения.

4. Исполнение сторонами норм Соглашения приостановило короткую военную операцию принуждения Молдовы к миру, позволило прекратить боевые действия, развести войска и ввести смешанный контингент миротворческих сил. Параллельно Соглашение приостановило и боевые действия Республики Молдова против Приднестровья.

5. Операция принуждения Молдовы к миру была вынужденной мерой, ей предшествовали вооруженные провокации формирований Молдовы против частей 14-й Армии, заявления собраний офицеров 14-й Армии, Военного совета 14-й Армии, акты органов государственной власти России, приведенные в настоящей статье.

6. За время, прошедшее с 1992 года, ситуация в зоне безопасности значительно изменилась. Кроме военнослужащих бывшей 14-й Армии, реорганизованной в Оперативную группу войск, и членов их семей, в Приднестровье проживает более 220 тысяч граждан Российской Федерации.

7. Есть только два правовых способа или пути прекращения действия данного Соглашения и, как следствие, вывода миротворческого контингента России.

Один – по согласию сторон, что фактически означает, что прекращение боевых действий и деятельность миротворческого контингента привели к тому, что наступил устойчивый мир и что не существует угрозы возобновления боевых действий.

Второй путь заключается в том, что одна из сторон, неудовлетворенная развитием событий в рамках Соглашения, – в данном случае на это напрашивается Республика Молдова, – заявляет о своем выходе из Соглашения, что вынуждает миротворческий контингент другой стороны, то есть России, покинуть зону своего размещения.

Молдова добивается вывода российских миротворцев, поскольку их присутствие в зоне безопасности является препятствием для возможного повторения попытки силового захвата Приднестровья. Но при этом Молдова не хочет воспользоваться правом выхода из Соглашения, поскольку возможно возобновление боевых действий не только с Приднестровьем, но и с Россией, второй стороной конфликта и Соглашения от 21 июля 1992 года.

Тогда не исключено повторение прецедента, который имел место в августе 2008 года в Южной Осетии, когда вооруженное нападение Грузии на российских миротворцев завершилось не только принуждением Грузии к миру, но и признанием независимости Абхазии и Южной Осетии. Равным образом очередное принуждение Молдовы к миру может привести к признанию Россией независимости Приднестровской Молдавской Республики.

Библиографический список

1. Караман А. А. Становление новых государственных образований на территориях стран-членов Содружества Независимых Государств: историко-правовой анализ: дис. … на канд. юрид. наук. Москва: РАГС, 2000. 208 с.

2. Бердегулова Л. А. Квазигосударства на постсоветском пространстве: историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 197 с. URL: https://www.dissercat.com/content/kvazigosudarstva-na-postsovetskom-prostranstve-istoriko-pravovoe-issledovanie?ysclid=m1nj2wrfow485624964.

3. Неткачев Ю. М. Неизвестная правда о Приднестровском конфликте 1992 года: Исторический очерк глазами Командующего 14 гв. ОА как непосредственного участника трагических событий 1992 года в Молдавии. (Причины их возникновения, последствия и уроки). Новороссийск, 2019. 242 с. URL: https://djvu.online/file/G9EXES9fmr9T6?ysclid=m1njdrn84k584706486.

4. Васильев А. В. Теория права и государства: курс лекций. Москва: Издательство РАГС, 2000. 231 с.

5. Бергман М. М. На ринге эпохи: Необычайные приключения полковника Российской Армии, рассказанные им самим. Москва, 2001. 509 с. URL: https://www.academia.edu/34329350/Бергман_М_М_На_ринге_эпохи_Необычайные_приключения_полковника_Российской_Армии_рассказанные_им_самим_2001_pdf.

6. Колосов В. А. Приднестровский конфликт и миротворческие усилия России (март-август 1992 г.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 2. С. 76–78. URL: https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-vysshih-uchebnyh-zavedeniy-severo-kavkazskiy-region-obschestvennye-nauki?ysclid=m1nkct1a9l996706199.

7. Жирохов М. А. Семена распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2012. 114 с. URL: https://royallib.com/read/girohov_mihail/semena_raspada_voyni_i_konflikti_na_territorii_bivshego_sssr.html.

8. Козлов А. В., Чернобривый В. Н. Непокоренное Приднестровье. Уроки военного конфликта. Москва: Вече, 2015. 300 с. (Серия: Военные тайны XX века). URL: https://djvu.online/file/6uGvjqGxJuZvL.

9. Девятков А. В. Россия и вооруженная стадия приднестровского конфликта (1991–1992 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 108–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vooruzhennaya-stadiya-pridnestrovskogo-konflikta-1991-1992-gody-1.

10. Бергман М. М. Вождь в чужой стае. Москва: Биоинформресурс, 2004. 780 с.

11. Подберезкин А. И. Миротворческие операции ВС России: Приднестровье. URL: http://defence.mgimo.ru/?q=analitika/mirotvorcheskie-operacii-vs (дата обращения 10.06.2024).

12. Колосов В. А. СССР, Российская Федерация и Приднестровский конфликт: дис. … канд. ист. наук. Ростов, 2007. 177 с. URL: https://www.dissercat.com/content/sssr-rossiiskaya-federatsiya-i-pridnestrovskii-konflikt.

13. Девятков А. В. Политика России в отношении Приднестровской Молдавской Республики: 1992–2009 гг.: дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 190 с. URL: https://www.dissercat.com/content/politika-rossii-v-otnoshenii-pridnestrovskoi-moldavskoi-respubliki.

14. Лактионова И. В. Миротворческая деятельность России в СНГ: 1992–1999 гг.: автореф. дис. … канд. полит. наук. Москва: Московский государственный институт международных отношений, 2004. 31 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002742154.pdf.

15. Миротворческие операции в СНГ. Международно-правовые, политические, организационные аспекты / А. И. Никитин, О. Н. Хлестов, Ю. Е. Федоров, А. В. Демуренко. Москва: ЗАО «Первый печатный двор», 1998. 176 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27650785. EDN: https://elibrary.ru/xhcdhh.

16. Романчук С. И. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы: автореф. дис. … канд. полит. наук. Москва, 2015. 21 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2014_003_Romanchuk_AUTR.pdf.

17. Шамаров П. В. Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Москва, 2020. 48 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010257041/.

18. Бражалович Ф. Л., Ключников М. И., Туров Н. Л. Российская миротворческая операция в Приднестровье: прошлое и настоящее // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2016. № 2. С. 138–155. URL: https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1712; https://elibrary.ru/item.asp?id=26224490. EDN: https://elibrary.ru/wbwqgh.

19. Игнатьев В. В. Политико-правовые основы миротворческой операции на Днестре // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 63–68. URL: https://www.eurasialegal.info/index.php/mezhdunarodnoe-pravo/4216-2015-01-12-10-42-06.

20. Ковальски С. В., Анточь А. М., Скобиоалэ Н. Н. Как закончилась война: «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» // Science Time. 2019. С. 42–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-zakonchilas-voyna-soglashenie-o-printsipah-mirnogo-uregulirovaniya-vooruzhennogo-konflikta-v-pridnestrovskom-regione-respubliki.

21. Шевчук Н. В. Миротворчество в Приднестровье: невыученные уроки. Москва: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2020. 10 с. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirotvorchestvo-v-pridnestrove-nevyuchennye-uroki.

22. Шевчук Н. В. Телега впереди лошади: зачем Кишиневу выходить из российско-молдавского мирного соглашения по Приднестровью? // Россия в глобальной политике. 04.08.2022. URL: https://globalaffairs.ru/articles/telegavperedi-loshadi (дата обращения: 10.06.2024).

References

1. Karaman A. A. *Stanovlenie novykh gosudarstvennykh obrazovanii na territoriyakh stran-chlenov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv: istoriko-pravovoi analiz: dis. ... kand. yurid. nauk* [Formation of new state entities on the territories of the member countries of the Commonwealth of Independent States: historical and legal analysis: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: RAGS, 2000, 208 p. [in Russian].

2. Berdegulova L. A. *Kvazigosudarstva na postsovetskom prostranstve: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Quasi-states in the post-Soviet space: historical and legal study: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Vladimir, 2007, 197 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/kvazigosudarstva-na-postsovetskom-prostranstve-istoriko-pravovoe-issledovanie?ysclid=m1nj2wrfow485624964 [in Russian].

3. Netkachev Yu. M. *Neizvestnaya pravda o Pridnestrovskom konflikte 1992 goda: Istoricheskii ocherk glazami Komanduyushchego 14 gv. OA, kak neposredstvennogo uchastnika tragicheskikh sobytii 1992 goda v Moldavii. (Prichiny ikh vozniknoveniya, posledstviya i uroki)* [Unknown truth about the Transnistrian conflict of 1992: Historical essay through the eyes of the Commander of the 14th Guards OA as a direct participant in the tragic events of 1992 in Moldova. (Causes of their occurrence, consequences, and lessons)]. Novorossiysk, 2019, 242 p. Available at: https://djvu.online/file/G9EXES9fmr9T6?ysclid=m1njdrn84k584706486 [in Russian].

4. Vasil'ev A. V. *Teoriya prava i gosudarstva:* kurs lektsii [Theory of law and state: course of lectures]. Moscow: RAGS, 2000, 231 p. [in Russian].

5. Bergman M. M. *Na ringe epokhi: Neobychainye priklyucheniya polkovnika Rossiiskoi Armii, rasskazannye im samim* [In the ring of the epoch: Extraordinary adventures of a colonel of the Russian Army, told by himself]. Moscow, 2001, 509 p. Available at: https://www.academia.edu/34329350/Бергман_М_М_На_ринге_эпохи_Необычайные_приключения_полковника_Российской_Армии_рассказанные_им_самим_2001_pdf [in Russian].

6. Kolosov V. A. *Pridnestrovskii konflikt i mirotvorcheskie usiliya Rossii (mart – avgust 1992 g.)* [The Transnistrian conflict and Russia's peacekeeping efforts (March-August 1992)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [University news. North-Caucasian region. Social Sciences Series], 2008, no. 2, pp. 76–78. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pridnestrovskiy-konflikt-i-mirotvorcheskie-usiliya-rossii-mart-avgust-1992-g?ysclid=m1nk2x00vd926339368 [in Russian].

7. Zhirokhov M. A. *Semena raspada: voiny i konflikty na territorii byvshego SSSR* [Seeds of disintegration: wars and conflicts on the territory of the former USSR]. Saint Petersburg: BKhV-Peterburg, 2012, 114 p. Available at: https://royallib.com/read/girohov_mihail/semena_raspada_voyni_i_konflikti_na_territorii_bivshego_sssr.html [in Russian].

8. Kozlov A. V., Chernobrivyi V. N. *Nepokorennoe Pridnestrov'e. Uroki voennogo konflikta* [Unconquered Transnistria. Lessons of the military conflict]. Moscow: Veche, 2015, 300 p. (Series: Military secrets of the XX century). Available at: https://djvu.online/file/6uGvjqGxJuZvL [in Russian].

9. Devyatkov A. V. *Rossiya i vooruzhennaya stadiya pridnestrovskogo konflikta (1991-1992 gody)* [Russia and the armed stage of the Transnistrian conflict (1991–1992)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 10 (191). History, issue 39, pp. 108–112. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vooruzhennaya-stadiya-pridnestrovskogo-konflikta-1991-1992-gody-1 [in Russian].

10. Bergman M. M. *Vozhd' v chuzhoy stae* [A leader in a strange pack]. Moscow: Bioinformresurs, 2004, 780 p. [in Russian].

11. Podberezkin A. I. *Mirotvorcheskie operatsii VS Rossii: Pridnestrov'e* [Peacekeeping operations of the Russian Armed Forces: Tran snistria]. Available at: http://defence.mgimo.ru/?q=analitika/mirotvorcheskie-operacii-vs (accessed 10.06.2024) [in Russian].

12. Kolosov V. A. *SSSR, Rossiyskaya Federatsiya i Pridnestrovskiy konflikt: dis. ... kand. ist. nauk* [The USSR, the Russian Federation and the Transnistrian conflict: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Rostov, 2007, 177 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/sssr-rossiiskaya-federatsiya-i-pridnestrovskii-konflikt [in Russian].

13. Devyatkov A.V. *Politika Rossii v otnoshenii Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki: 1992–2009 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Russia's policy in relation to the Pridnestrovian Moldavian Republic: 1992–2009: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Tyumen, 2010. 190 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/politika-rossii-v-otnoshenii-pridnestrovskoi-moldavskoi-respubliki [in Russian].

14. Laktionova I. V. *Mirotvorcheskaya deyatel'nost' Rossii v SNG: 1992-1999 gg.: avtoref. dis. .. kand. polit. nauk* [Russia's peacekeeping activities in the CIS: 1992–1999: author's abstract of Candidate's of Political Sciences thesis].

Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnosheniy, 2004, 31 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002742154.pdf [in Russian].

15. *Mirotvorcheskie operatsii v SNG. Mezhdunarodno-pravovye, politicheskie, organizatsionnye aspekty. Nikitin A. I., Khlestov O. N., Fedorov Yu. E., Demurenko A. V.* [Nikitin A. I., Khlestov O. N., Fedorov Yu. E., Demurenko A. V. Peacekeeping operations in the CIS. International-legal, political, organizational aspects]. Moscow: ZAO «Pervyy pechatnyy dvor», 1998, 176 p. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=27650785. EDN: https://elibrary.ru/xhcdhh [in Russian].

16. Romanchuk S. I. *Mirotvorcheskie operatsii na postsovetskom prostranstve: kontseptual'nye podkhody: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Peacekeeping operations in the post-Soviet space: conceptual approaches: author's abstract of Candidate's of Political Sciences thesis]. Moscow, 2015, 21 p. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/ru/dis/2014_003_Romanchuk_AUTR.pdf [in Russian].

17. Shamarov P. V. *Mirotvorcheskaya deyatel'nost' v sisteme obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Peacekeeping activities in the national security system of the Russian Federation: author's abstract of Doctoral of Political Sciences thesis]. Moscow, 2020, 48 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010257041/ [in Russian].

18. Brazhalovich F. L., Klyuchnikov M. I., Turov N. L. *Rossiyskaya mirotvorcheskaya operatsiya v Pridnestrov'e: proshloe i nastoyashchee* [Russian peacekeeping operation in Transnistria: past and present]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2016, no. 2, pp. 138–155. Available at: https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1712; https://elibrary.ru/item.asp?id=26224490. EDN: https://elibrary.ru/wbwqgh [in Russian].

19. Ignat'ev V. V. *Politiko-pravovye osnovy mirotvorcheskoy operatsii na Dnestre* [Political and legal basis of the peacekeeping operation on the Dniester]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2014, no. 11 (78), pp. 63–68. Available at: https://www.eurasialegal.info/index.php/mezhdunarodnoe-pravo/4216-2015-01-12-10-42-06 [in Russian]

20. Koval'ski S. V., Antoch' A. M., Skobioale N. N. *Kak zakonchilas' voyna: «Soglashenie o printsipakh mirnogo uregulirovaniya vooruzhennogo konflikta v Pridnestrovskom regione Respubliki Moldova»* [How the war ended: «Agreement on the principles of peaceful settlement of the armed conflict in the Transnistrian region of the Republic of Moldova»]. *Science Time*, 2019, pp. 42-47. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-zakonchilas-voyna-soglashenie-o-printsipah-mirnogo-uregulirovaniya-vooruzhennogo-konflikta-v-pridnestrovskom-regione-respubliki [in Russian].

21. Shevchuk N. V. *Mirotvorchestvo v Pridnestrov'e: nevyuchennye uroki* [Peacekeeping in Transnistria: back lessons]. Moscow: Nekommercheskoe partnerstvo «Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam», 2020, 10 p. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirotvorchestvo-v-pridnestrove-nevyuchennye-uroki [in Russian].

22. Shevchuk N. V. *Telega vperedi loshadi: zachem Kishinevu vykhodit' iz rossiysko-moldavskogo mirnogo soglasheniya po Pridnestrov'yu?* [The cart is ahead of the horse: why should Chișinău withdraw from the Russian-Moldovan peace agreement on Transnistria?]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs], 04.08.2022. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/telega-vperedi-loshadi (accessed 10.06.2024) [in Russian].

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-17-25

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.72

Дата поступления: 16.07.2024
рецензирования: 18.08.2024
принятия: 10.09.2024

Экспериментальные правовые режимы в сфере медицинской деятельности и персонифицированная медицинская информация: снижение уровня защищенности или дополнительные гарантии?

В. Э. Мамедова
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mamedova.ve@ssau.ru

Аннотация: В статье рассмотрена проблема обеспечения защиты персонифицированной медицинской информации в условиях ввода экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Представлен взгляд исследователей, и дан обстоятельный авторский анализ используемых в обозначенной сфере терминов: «специальный правовой режим», «правовой эксперимент», «цифровые инновации». Проведен статистический анализ инициативных предложений по вводу экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации. Рассмотрены ключевые положения программ экспериментальных правовых режимов по направлению медицинской деятельности, и сопоставлено их содержание с требованиями общего регулирования. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что несмотря на то, что защита персонифицированной медицинской информации не является основной задачей вводимых экспериментальных правовых режимов, в рамках их предписаний эта задача решается во многом более последовательно, чем в рамках общего законодательства. Одновременно ряд положений экспериментальных правовых режимов создают риски неправомерного доступа к защищенной информации, что требует разработки дополнительных гарантий прав пациентов.

Ключевые слова: экспериментальный правовый режим; цифровые инновации; информационная безопасность; врачебная тайна; персонифицированная медицинская информация; телемедицина.
Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Концептуализация системы гарантий защиты персонифицированной информации человека при проведении медицинской диагностики и исследований» № 24-28-00794.
Цитирование. Мамедова В. Э. Экспериментальные правовые режимы в сфере медицинской деятельности и персонифицированная медицинская информация: снижение уровня защищенности или дополнительные гарантии? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 17–25. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-17-25.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мамедова В. Э., 2024

Владислава Эдуардовна Мамедова – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; старший научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.07.2024
Revised: 18.08.2024
Accepted: 10.09.2024

Experimental legal regimes in the field of medical activity and personalized medical information: a decrease in the level of protection or additional guarantees?

V. E. Mamedova
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: mamedova.ve@ssau.ru

Abstract: The article examines the problem of ensuring the protection of personalized medical information in the context of the introduction of experimental legal regimes in the field of digital innovation. The work presents the view of researchers and provides a detailed author's analysis of the terms used in the designated area: «special legal regime», «legal experiment», «digital innovation». A statistical analysis of initiative proposals for introducing experimental legal regimes in the Russian Federation was carried out. The author examined the key provisions of the programs of experimental legal regimes in the field of medical activity and compared their content with the requirements of general regulation. As a result of the study, the author came to the conclusion that despite the fact that the protection of personalized medical information is not the main task of the introduced experimental legal regimes, in many ways, within the framework of their regulations, this task is solved more consistently than within the framework of general legislation. At the same time, a number of provisions of experimental legal regimes create risks of unauthorized access to protected information, which requires the development of additional guarantees of patients' rights.
Key words: experimental legal regime; digital innovation; information security; medical confidentiality; personalized medical information; telemedicine.
Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project «Conceptualization of a system of guarantees for the protection of personalized human information during medical diagnostics and research» No. 24-28-00794.
Citation. Mamedova V. E. *Eksperimental'nye pravovye rezhimy v sfere meditsinskoi deyatel'nosti i personifitsirovannaya meditsinskaya informatsiya: snizhenie urovnya zashchishchennosti ili dopolnitel'nye garantii?* [Experimental legal regimes in the field of medical activity and personalized medical information: a decrease in the level of protection or additional guarantees?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 17–25. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-17-25 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Mamedova V. E., 2024
Vladislava E. Mamedova, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Public and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; senior researcher of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34, B. Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation..

Непрерывное развитие науки и технологий вносит многочисленные изменения в общественные отношения, и право как один из основных их регуляторов должно оперативно адаптироваться под меняющиеся условия [1, с. 8; 2, с. 1021 и др.]. При этом право встречается со сложной задачей, которая требует эффективного регулирования общественных отношений с учетом новых вызовов и неизменного сохранения должного уровня гарантированности прав и законных интересов субъектов правоотношений. В целях эффективного решения указанной задачи в 2020 году был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее – Закон № 258-ФЗ), позволяющий законодателю формировать и тестировать различные модели регулирования, учитывающие те или иные особенности сферы человеческой деятельности, не затрагивая при этом основной массив правоотношений.

Поскольку теоретическое исследование необходимо начинать с определения содержания соответствующего категориального аппарата, перейдем к анализу основных понятий. Согласно ч. 1 ст. 2 Закона № 258-ФЗ, экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций – это применение в отношении участников такого режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, предусмотренным названным законом. При этом специальное регулирование понимается как нормативное правовое регулирование, отличающееся от общего регулирования и устанавливаемое программой экспериментального правового режима в отношении его участников на определенный срок и по общему правилу на определенной территории (п. 5 ст. 2 Закона № 258-ФЗ).

Выделим основные признаки экспериментального правового режима, указанные в приведенных определениях:

1) **сфера применения** экспериментального правового режима ограничена поименованными в Законе № 258-ФЗ направлениями разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций;

2) **субъектами** выступают ограниченный круг участников экспериментального правового режима;

3) **особое содержание правового регулирования** общественных отношений устанавливается программой соответствующего режима;

4) **определенное время и ограниченная территория** действия правового режима.

В рамках исследования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций базовым выступает понятие «правовой режим», которое не является новым для правовой науки. Среди многообразий его определений допустимо выделить три подхода.

Первый подход рассматривает правовой режим как определенный комплекс юридических средств, содержание которого обусловлено спецификой предмета и статусом субъектов правоотношений. Данного подхода придерживается, например, С. А. Старостин, отмечающий, что специальный правовой режим – это особая форма правового регулирования, обусловливающая его гибкость и совершенствование, основанная на преобладании юридических запретов и позитивных обязываний и применяемая для оказания казуального нормативно-регулятивного воздействия на явления, процессы, отношения, имеющие определенную специфику, ценность или опасность для общества [3, с. 7–10]. Разделяет такой подход также И. Л. Бачило, определяющий правовой режим как нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуации, которые должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (объекта или определенной ситуации), и считающий, что правовой режим дает определение юридической природы предмета отношений и содержит требования и принципы поведения субъектов в определенной ситуации [4, с. 812] и др.

Второй подход рассматривает правовой режим как результат воздействия установленного нормативными актами комплекса юридических средств на правовые отношения. Среди сторонников этого подхода можно назвать С. А. Авакьяна, указывающего на использование понятия «правовой режим» «применительно к характеру общественных отношений после их урегулирования нормами права, статусу участников этих отношений» [5, с. 557]; Л. А. Морозову, понимающую правовой режим как результат регулятивного воздействия на общественные отношения системы юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих функционирование данного комплекса общественных отношений [6, с. 123] и др.

Третий подход в качестве одного из существенных признаков правового режима выделяет цель его установления, достижению которой должен способствовать установленный режимом комплекс юридических средств. Такой подход отражен в исследованиях следующих ученых: С. С. Алексеев понимает правовой режим как порядок регулирования, выраженный в особом сочетании взаимодействующих между собой дозволений, запретов и позитивных обязываний (комплекс правовых средств) и создающий особую направленность регулирования [7, с. 185]; Н. И. Матузов, А. В. Малько рассматривают его как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и содержащий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [8, с. 18]; Г. С. Беляева правовым режимом называет особый нормативный порядок регулирования общественных отношений на основе установленных и обеспеченных государством правовых средств, направленный на создание благоприятных условий для удовлетворения интересов субъектов права, который выражается в специфике способов и гарантий его реализации, ответственности за нарушение режимных требований и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему [9, с. 61] и др.

Первый подход представляется несколько формальным и уходящим от ответа на вопрос, чем обусловлена необходимость различий в регулировании тех или иных отношений. Оценивая второй подход, вслед за Н. И. Матузовым и А. В. Малько [8, с. 17] отметим, что он представляется чрезвычайно категоричным, сужающим содержание правового режима лишь до финальной стадии его реализации – результата правового регулирования. Полагаем, что третий подход наиболее полно отражает специфику исследуемого понятия. Действительно, установлению определенного правового режима предшествует осознание некоторой проблемы, решение которой необходимо обеспечить правовыми средствами. Разрешение такой проблемы, по сути, выступает целью правового режима, которая, в свою очередь, определяет содержание (комплекс юридических средств) соответствующего режима.

Анализируя законодательное определение экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, можно сделать вывод о том, что его конструкция в полной мере соответствует первому подходу. Таким образом, остается неясной цель установления соответствующих режимов. Однако системный анализ соответствующего нормативного правового акта позволяет отметить, что законодатель учел теоретические разработки в сфере определения понятия «правовой режим» и указал цели установления соответствующих режимов в статье 3 Закона № 258-ФЗ. Позитивно оценивая указанное положение, считаем допустимым указать, что для подчеркивания сущностной значимости целей установления соответствующих режимов было бы логичным включить указание на них, в т. ч. посредством отсылочного способа, в определение экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.

Перейдем к анализу характеристики «экспериментальный», которая отсылает к категории «правовой эксперимент». Названная категория хорошо известна отечественной науке. Ряд исследователей делает акцент на видовой связи социального и правового эксперимента, рассматривая последний как метод научного познания [10, с. 13]. Значительная часть исследований не определяют природу правового эксперимента и используют термины «проверка гипотезы» [11, с. 126], «апро-

бация» [12, с. 26; 13, с. 31; 14, с. 49]. Некоторые авторы предупреждают о чрезмерности научного подхода к пониманию правового эксперимента, указывая на первостепенность его управленческой сущности [15, с. 20]. В таком случае правовой эксперимент понимается как форма правотворческой деятельности.

Очевидно, что реальные явления общественной жизни несколько сложнее, чем умозрительно созданные модели, и рассматриваемые в теории концепты на практике могут подвергаться дивергенции. Реализация правового эксперимента (вне зависимости от природы решаемых им задач – научных или управленческих) представляется сложно осуществимой без соответствующей правотворческой деятельности. В связи с этим отождествление либо рассмотрение правового эксперимента в качестве вида правотворческой деятельности привело бы к неоправданному сужению его содержания.

Действительно, целью правового эксперимента выступает, как правило, проверка той или иной гипотезы (научной, управленческой или иной). Рассмотрение деятельности законодателя исключительно в качестве научной не соответствует действительности, что в первую очередь обусловлено основными функциями законодателя. Однако полностью исключать научную составляющую правового эксперимента недопустимо. Полагаем, что в настоящее время правовой эксперимент выступает комплексным явлением, объединяющим научную и управленческую компоненту. С одной стороны, он позволяет исследовать влияние того или иного правового режима на общественные отношения на ограниченных масштабах, выявить его преимущества и снизить риски (научная компонента). С другой стороны, он позволяет ввести «пилотное» регулирование отдельных общественных отношений в целях их упорядочения (управленческая компонента), что наиболее актуально в случаях резко изменяющихся условий (например, при пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-2019). В зависимости от конкретных условий проведения правового эксперимента та или иная его компонента может доминировать, но не исключать полностью вторую.

Все сказанное выше актуально для экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. При этом доминирующей компонентой здесь следует признать научную, поскольку в рамках указанных режимов на основе анализа влияния тех или иных способов правового воздействия на общественные отношения в сфере науки и инноваций происходит формирование правового регулирования, максимально способствующего развитию цифровых технологий.

Перейдем к рассмотрению следующего концепта – «цифровые инновации». Закон дает его определение: «новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, установленным законом, с применением технологий, перечень которых закреплен нормативными правовыми актами» (п. 2 ст. 2 Закона № 258-ФЗ).

Очевидно, что данное определение несколько казуистично, что во многом можно объяснить сложностью выявления сущностных признаков явлений, находящихся в стадии становления и развития. Полагаем, целью законодателя при формировании такой конструкции определения было не допустить искусственное ограничение сферы применения рассматриваемого понятия.

Считаем целесообразным в первую очередь проанализировать термины «инновация» и «цифровой» вне их взаимосвязи. Оба эти термина остаются во многом дискуссионными. По данным ВЦИОМ, 45 % опрошенных под инновацией понимают внедрение современных технологий; 19 % – использование достижений науки и техники (научно-технический прогресс); 9 % – нововведения; 15 % затруднились ответить [16]. Инновации (в широком смысле слова) и прогресс входят в качестве компонента образа новых технологий в представлении 19 % россиян, а цифровизация и компьютеризация – 18 % [17].

Согласно п. 146 Руководства Осло «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям», инновация – это «введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях» [18]. Судя по всему, представленное определение учитывалось российским законодателем при формулировании понятия «цифровые инновации». В пункте 148 Руководства Осло отмечается, что минимальным признаком инновации является требование того, чтобы продукт, процесс, метод маркетинга или организации был новым (или значительно улучшенным) для практики данного предприятия [18]. Таким образом, сущностный признак инновации отвечает не на вопрос «что?», а на вопрос «какой?». Новизна является конституирующим свойством инновации, в связи с чем точное определение явления (продукт, процесс, метод либо нечто иное), к которому относится данный признак, не выступает определяющим для правового регулирования.

Переходя к анализу понятия «цифровой», отметим, что законодатель определяет его через две характеристики: технологию, с помощью которой создана инновация, и сферу применения инновации. Обе характеристики раскрываются казуистично посредством перечисления. Стоит отметить, что ряд ученых используют аналогичный подход при, например, определении понятия «цифровые технологии» [19, с. 3]. При этом как в научной литературе, так и в нормативной правовой базе наблюдается некоторая несогласованность при использовании терминов «цифровой» и «электронный». В целом

обоснованной видится позиция основоположника концепции «цифровой экономики» Д. Тапскотта, выделявшего признак digitization, означающий особую форму информации – цифровую [20]. Нормативное определение цифровых технологий встречается только в ГОСТ Р 33.505-2003, который соответствует подходу Д. Тапскотта и понимает их как «технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой» [21].

Большой интерес в связи с затронутым вопросом представляет исследование, проведенное К. Ю. Волковой, В. В. Зверевичем, в ходе которого ученые проанализировали значительный массив научных и нормативных текстов в целях выявления соотношения понятий «цифровой» и «электронный» [22]. Ученые пришли к выводу, что, хотя изначально термин «цифровой» действительно включал в себя обозначенное выше понимание, в настоящее время термины «цифровой» и «электронный» в России используются как синонимы. В связи с этим полагаем, что законодателю следовало бы либо провести нормативную демаркацию между указанными понятиями, либо перейти к использованию одного из них в качестве основного.

Отметим, что определение инновационных технологий посредством перечисления может привести к необоснованному ограничению сфер возможного применения специальных режимов и негативно сказаться на развитии таких сфер. Однако вполне вероятно, что закрепление именно такого перечня законодателем обусловлено их особой значимостью для развития российского общества.

Список направлений, по которым могут устанавливаться экспериментальные правовые режимы, открытый. При этом в законе поименовано восемь направлений, одним из которых выступает медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность. Отметим, что данное направление является одним из наиболее популярных среди инициаторов предложений по установлению соответствующих режимов. Согласно Реестру экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций [23], ведение которого, согласно п. 3 ч. 1 ст. 19 Закон № 258-ФЗ, осуществляется Министерством экономического развития Российской Федерации, из 200 инициативных предложений, поданных по состоянию на 18.04.2024, 56 разработаны в сфере медицинской деятельности. Необходимо отметить, что в настоящее время установлено всего 14 экспериментальных правовых режимов, два из которых относятся к медицинской деятельности. 13 апреля 2024 года было сообщено о подведении итогов первого из четырнадцати экспериментальных правовых режимов, им оказался проект медицинской направленности «Персональные медицинские помощники» [24].

Как было отмечено выше, экспериментальный правовой режим предполагает некоторые исключения из общего режима правового регулирования, направленные на упрощение ведения определенного вида деятельности, связанной с технологическими инновациями. Следует однозначно позитивно оценивать стремление законодателя создать оптимальные условия для развития передовых сфер человеческой деятельности. Однако медицинская деятельность имеет дело со специальным видом информации – персонифицированной медицинской информацией, которая в силу высокой значимости своего содержания подлежит особой защите. В связи с этим в рамках экспериментальных правовых режимов недопустимо отступать от высоких требований конфиденциальности указанной информации.

Проанализируем программы установленных экспериментальных правовых режимов с точки зрения соотношения их положений о защите персонифицированной медицинской информации с общими требованиями законодательства [25; 26].

Содержание указанных программ позволяет выделить две группы отступлений от общего регулирования с точки зрения их возможного воздействия на уровень защиты персонифицированной медицинской информации.

В первую группу следует включить положения, заслуживающие позитивной оценки и предоставляющие более высокий уровень гарантий защиты медицинской информации по сравнению с общим регулированием.

Сюда в первую очередь следует отнести обозначенную в общих чертах в Постановлении Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 модель распределения обязанностей по защите соответствующих данных между основными субъектами правоотношений: медицинская организация, оператор медицинской информационной системы, разработчик такой системы. Тем самым медицинская организация во многом освобождается от выполнения тех функций, техническое сопровождение которых исключительно ее силами затруднено, при этом такие функции возлагаются на субъектов, чьи организационные ресурсы соответствуют уровню поставленных задач. Так, к обязанностям разработчика относится определение информации, подлежащей защите от неправомерного доступа, а в обязанности оператора медицинской информационной системы включается организация мероприятий по аттестации системы по требованиям защиты информации.

В Постановлении Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 указаны минимальные технические требования к медицинской информационной системе. Считаем, что установление единого минимального стандарта технических требований к медицинской информационной системе может выступить основным средством обеспечения достаточного уровня защиты медицинской информации.

Также особо следует отметить, что в Постановлении Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276

произведена более детальная оценка рисков утечки информации, в связи с чем основные положения о защите персонифицированной медицинской информации изложены в нем более системно и могли бы быть использованы для институционализации указанной сферы в общем регулировании.

Ко второй группе мы отнесли те положения, которые, с одной стороны, направлены на развитие сферы, в которой реализуется экспериментальный режим, а с другой стороны, создают некоторые угрозы защите персонифицированной медицинской информации и, по нашему мнению, требуют ввода «компенсирующих» гарантий.

К этой группе допустимо отнести положения Постановления Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164, предпринимающие попытку решить проблему идентификации сторон медицинских правоотношений отличными от установленных в общем регулировании способами, в частности, названа СМС-идентификация и иные идентификаторы. Осознавая ограничительное воздействие применения исключительно федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – ФГИС ЕСИА), полагаем, что следует признать обязательным информирование пациентов о рисках использования иных способов идентификации с предоставлением пациенту выбора предпочтительного для него вида идентификатора.

Отступления от общих правил оформления информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и иных медицинских документов могут вызвать риски их подписания неуполномоченными лицами, в связи с чем допустимым представляется установление требования о возможности подписания таких документов только с помощью усиленной квалифицированной электронной подписи либо ФГИС ЕСИА.

Вызывает некоторые вопросы предусмотренный Постановлением Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 процесс обезличивания персональных данных пациента. В частности, программа не содержит указания на метод обезличивания, который следует использовать медицинской организации. Не установлено, в чью компетенцию входит вопрос о выборе такого метода. Такая пробельность регулирования может снижать уровень гарантий защиты персонифицированной медицинской информации.

Итак, целью установления специального правового режима должно служить решение некоторой проблемы, которая определяет комплекс юридических свойств, составляющих содержание такого режима. Цели ввода экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций служат развитие определенных научных направлений и внедрение научных разработок в экономику.

Правовой эксперимент, как правило, включает в себя как научную, так и управленческую компоненты. При этом в экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций превалирует научная составляющая.

Медицинская сфера является одной из самых популярных среди инициаторов ввода таких режимов. При вводе экспериментальных правовых режимов в медицинской сфере следует учитывать особый характер охраны медицинской информации (в частности, режим врачебной тайны). Действующие режимы содержат ряд положений, рецепция которых общим регулированием могла бы позитивно сказаться на уровне защищенности медицинской информации пациентов. Например, к таким положениям относятся модель распределения обязанностей по защите соответствующей информации между субъектами в зависимости от их роли в правоотношениях, минимальные технические требования к МИС и т. д.

При этом ряд положений вызывает обеспокоенность в связи с возможным возрастанием рисков неправомерного доступа к медицинской информации и требует более обстоятельного анализа и ввода дополнительных гарантий.

Библиографический список

1. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2019. 36 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37001988. EDN: https://www.elibrary.ru/vuuurr.

2. Kolosova N. M. Modern Model of Genomic and Other Research Regulations // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, no. 6. P. 1020–1027. DOI: https://doi.org/10.17516/1997-1370-0611. EDN: https://www.elibrary.ru/dsdydg.

3. Старостин С. А. Классификация административно-правовых режимов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 3–10. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44451471. EDN: https://www.elibrary.ru/yphumn.

4. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва: Юристь, 2001. 1272 с. URL: https://go.11klasov.net/17754-juridicheskaja-jenciklopedija-otv-red-topornin-bn.html.

5. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. Москва: Юстицинформ, 2015. 656 с. URL: https://lib.tau-edu.kz/wp-content/uploads/2020/08/avakyan_sa_konstitucionnyj_leksikon.pdf.

6. Морозова Л. А. Конституционное регулирование в СССР. Москва, 1985. 143 с.

7. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. Москва: Юрид. лит., 1989. 288 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20659585. EDN: https://www.elibrary.ru/rkclef.

8. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1 (212). С. 16–29. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23283851. EDN: https://www.elibrary.ru/tpnnrh.

9. Беляева Г. С. Правовой режим: проблема определения понятия и установления признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1 (22). С. 59–62. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17587970. EDN: https://www.elibrary.ru/ouwvbv.

10. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 24 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004380709.pdf?ysclid=m0p2v9th2y130312888.

11. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. Москва: Юрид. лит., 1974. 184 с. URL: https://studfile.net/preview/9022805/.

12. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского и И. С. Самощенко. Москва: Юрид. лит., 1988. 301 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29317126. EDN: https://www.elibrary.ru/yrofhr.

13. Мельниченко Р. Г. Правовой эксперимент как метод «умного правового регулирования» на примере российской адвокатуры // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 3. С. 30–34. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.5.

14. Тепляшин П. В., Токманцев Д. В. Теоретические основы криминологического эксперимента // Научный компонент. 2019. № 2 (2). С. 48–53. DOI: https://doi.org/10.51980/2686-939X_2019_2_48. EDN: https://www.elibrary.ru/btubzj.

15. Сивицкий В. А., Сорокин М. Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30. DOI: https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30. EDN: https://www.elibrary.ru/xrjvzj.

16. Опрос ВЦИОМ: Инновации в России: от идей – к практике. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/innovaczii-v-rossii-ot-idej-k-praktike?ysclid=lolkdiwrjh323520133&cHash=a77f47f9c4ab51ef3f71f3ac506272cb.

17. Опрос ВЦИОМ: Технологии будущего и будущее технологий. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego-i-budushchee-tekhnologii.

18. Руководство Осло «Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям». Москва, 2010. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

19. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 44 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44270253. EDN: https://www.elibrary.ru/irnczh.

20. Tapscott D. The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996. 342 p. URL: https://archive.org/details/digitaleconomypr00taps/page/n5/mode/2up.

21. ГОСТ Р 33.505-2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 29.07.2003 № 255-ст). Москва: ИПК «Издательство стандартов», 2003. URL: https://cmirad.ru/docs/2018_05_24/S97Ke746sYDH8DS8ZfhZBrar9.pdf?ysclid=m0p6w4cd1a944815808.

22. Волкова К. Ю., Зверевич В. В. Цифровой или электронный (Digital vs Electronic) // Научные и технические библиотеки. 2020. № 12. С. 159–172. DOI: https://doi.org/10.33186/1027-3689-2020-12-159-172. EDN: https://www.elibrary.ru/nterlm.

23. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/

24. Минэкономразвития считает успешными итоги эксперимента по персональным медицинским помощникам. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_schitaet_uspeshnymi_itogi_eksperimenta_po_personalnym_medicinskim_pomoshchnikam.html

25. Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации ‘‘Персональные медицинские помощники’’» // Собрание законодательства РФ. 19.12.2022. № 51. Ст. 9237. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212150019?ysclid=m0p87zwpur820272243/.

26. Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // Собрание законодательства РФ. 24.07.2023. № 30. Ст. 5693.

References

1. Khabrieva T. Ya. *Pravo v usloviyakh tsifrovizatsii* [Law in the conditions of digitalization]. Saint Petersburg: SPbGUP, 2019, 36 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37001988. EDN: https://www.elibrary.ru/vuuurr [in Russian].

2. Kolosova N. M. Modern Model of Genomic and Other Research Regulations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 1020–1027. DOI: https://doi.org/10.17516/1997-1370-0611. EDN: https://www.elibrary.ru/dsdydg.

3. Starostin S. A. *Klassifikatsiya administrativno-pravovykh rezhimov* [Classification of administrative regimes]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2020, no. 11, pp. 3–10. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44451471. EDN: https://www.elibrary.ru/yphumn [in Russian].

4. *Yuridicheskaya entsiklopediya. Otv. red. B. N. Topornin* [Topornin B. N. (ed.) Legal encyclopedia]. Moscow: Yurist", 2001, 1272 p. Available at: https://go.11klasov.net/17754-juridicheskaja-jenciklopedija-otv-red-topornin-bn.html [in Russian].

5. Avakyan S. A. *Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [Constitutional lexicon: dictionary of constitutional legal terms]. Moscow: Yustitsinform, 2015, 656 p. Available at: https://lib.tau-edu.kz/wp-content/uploads/2020/08/avakyan_sa_konstitucionnyj_leksikon.pdf [in Russian].

6. Morozova L. A. *Konstitutsionnoe regulirovanie v SSSR* [Constitutional regulation in the USSR] Moscow, 1985, 143 p. [in Russian].

7. Alekseev S. S. *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit., 1989, 288 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20659585. EDN: https://www.elibrary.ru/rkclef. [in Russian].

8. Matuzov N. I., Malko A. V. *Pravovye rezhimy: Voprosy teorii i praktiki* [Legal regimes: Questions of theory and practice]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie], 1996, no. 1 (212), pp. 16–29. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23283851. EDN: https://www.elibrary.ru/tpnnrh [in Russian].

9. Belyaeva G. S. *Pravovoi rezhim: problema opredeleniya ponyatiya i ustanovleniya priznakov* [Legal regime: problem of defining the concept and establishing characteristics]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law Institute], 2012, no. 1, pp. 59–62. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17587970. EDN: https://www.elibrary.ru/ouwvbv [in Russian].

10. Eltsov V.N. *Pravovoi eksperiment v sovremennoi Rossii: problemy effektivnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tambov, 2009, 24 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004380709.pdf?ysclid=m0p2v9th2y130312888 [in Russian].

11. Lazarev V. V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in the law and ways to eliminate them]. Moscow: Yurid. lit., 1974, 184 p. Available at: https://studfile.net/preview/9022805/ [in Russian].

12. *Pravovoi eksperiment i sovershenstvovanie zakonodatel'stva. Pod red. V. I. Nikitinskogo i I. S. Samoshchenko* [Nikitinsky V. I., Samoshchenko I. S. (eds.) Legal experiment and improvement of legislation]. Moscow: Yurid. lit., 1988, 301 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29317126. EDN: https://www.elibrary.ru/yrofhr [in Russian].

13. Melnichenko R. G. *Pravovoi eksperiment kak metod «umnogo pravovogo regulirovaniya» na primere rossiiskoi advokatury* [Legal Experiment As a Method of «Smart Legal Regulation» Through the Example of the Russian Bar Association]. *Legal Concept = Pravovaya paradigm*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 30–34. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.5 [in Russian].

14. Teplyashin P. V., Tokmantsev D. V. *Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo eksperimenta* [Theoretical foundations of criminological experiment]. *Nauchnyi component*, 2019, no. 2 (2), pp. 48–53. DOI: https://doi.org/10.51980/2686-939X_2019_2_48. EDN: https://www.elibrary.ru/btubzj [in Russian].

15. Sivitsky V. A., Sorokin M.Yu. *Pravovoi eksperiment i razvitie prava* [Legal experiment and development of law]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 4, pp. 15–30. DOI: https://doi.org/10.17323/2072-8166.2016.4.15.30. EDN: https://www.elibrary.ru/xrjvzj [in Russian].

16. *Opros VTsIOM: Innovatsii v Rossii: ot idei – k praktike* [VTsIOM survey: Innovations in Russia: from ideas to practice]. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/innovaczii-v-rossii-ot-idej-k-praktike?ysclid=lolkdiwrjh323520133&cHash=a77f47f9c4ab51ef3f71f3ac506272cb [in Russian].

17. *Opros VTsIOM: Tekhnologii budushchego i budushchee tekhnologii* [VTsIOM survey: Technologies of the future and the future of technologies]. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego-i-budushchee-tekhnologii [in Russian].

18. *Rukovodstvo Oslo «Rekomendatsii po sboru i analizu dannykh po innovatsiyam»* [Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data]. Moscow, 2010. Available at: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru [in Russian].

19. Kartskhiya A. A. *Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya tsifrovykh tekhnologii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Civil law model of regulation of digital technologies: Doctoral of Law's thesis]. Moscow, 2019, 44 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44270253. EDN: https://www.elibrary.ru/irnczh [in Russian].

20. Tapscott D. The digital economy: promise and peril in the age of networked intelligence. New York: McGraw-Hill, 1996, 342 p. Available at: https://archive.org/details/digitaleconomypr00taps/page/n5/mode/2up.

21. *GOST R 33.505-2003. Gosudarstvennyi standart Rossiiskoi Federatsii. Edinyi rossiiskii strakhovoi fond dokumentatsii. Poryadok sozdaniya strakhovogo fonda dokumentatsii, yavlyayushcheisya natsional'nym nauchnym, kul'turnym i istoricheskim naslediem (prinyat i vveden v deistvie Postanovleniem Gosstandarta Rossii ot 29.07.2003 № 255-st)* [GOST R 33.505–2003. State standard of the Russian Federation. United Russian insurance fund of documentation. The order of creation of insurance fund of documentation copies being a national scientific, cultural and historical heritage (adopted and put into effect by the Resolution of the State Standard of Russia dated July 29, 2003 № 255-st)]. Moscow: IPK Izdatel'stvo standartov, 2003. Available at: https://cmirad.ru/docs/2018_05_24/S97Ke746sYDH8DS8ZfhZBrar9.pdf?ysclid=m0p6w4cd1a944815808 [in Russian].

22. Volkova K. Yu., Zverevich V. V. *Tsifrovoi ili elektronnyi (Digital vs Electronic)* [Digital vs Electronic]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* [Scientific and Technical Libraries], 2020, no. 12, pp. 159–172. DOI: https://doi.org/10.33186/1027-3689-2020-12-159-172. EDN: https://www.elibrary.ru/nterlm [in Russian].

23. *Reestr eksperimental'nykh pravovykh rezhimov v sfere tsifrovykh innovatsii* [Register of experimental legal regimes in the field of digital innovation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov [in Russian].

24. *Minekonomrazvitiya schitaet uspeshnymi itogi eksperimenta po personal'nym meditsinskim pomoshchnikam* [The Ministry of Economic Development considers the results of the experiment on personal medical assistants successful]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_schitaet_uspeshnymi_itogi_eksperimenta_po_personalnym_medicinskim_pomoshchnikam.html [in Russian].

25. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 09.12.2022 № 2276 «Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovykh innovatsii i utverzhdenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovykh innovatsii po napravleniyu meditsinskoi deyatel'nosti s primeneniem tekhnologii sbora i obrabotki svedenii o sostoyanii zdorov'ya i diagnozov grazhdan v otnoshenii realizatsii initsiativy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii «Personal'nye meditsinskie pomoshchniki»* [Resolution of the Government of the Russian Federation as of 09.12.2022 No. 2276 «On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovation and approval of the Program of the experimental legal regime in the field of digital innovation in the direction of medical activity using technologies for collecting and processing information on the health status and diagnoses of citizens in relation to the implementation of the initiative of socio-economic development of the Russian Federation "Personal medical assistants"»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 19.12.2022, no. 51, Article 9237. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212150019?ysclid=m0p87zwpur820272243 [in Russian].

26. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.07.2023 № 1164 «Ob ustanovlenii eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovykh innovatsii i utverzhdenii Programmy eksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere tsifrovykh innovatsii po napravleniyu meditsinskoi deyatel'nosti, v tom chisle s primeneniem telemeditsinskikh tekhnologii i tekhnologii sbora i obrabotki svedenii o sostoyanii zdorov'ya i diagnozakh grazhdan»* [Resolution of the Government of the Russian Federation as of 18.07.2023 No. 1164 «On the establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovation and approval of the Program of an experimental legal regime in the field of digital innovation in the direction of medical activity, including the use of telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information on the health status and diagnoses of citizens»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 24.07.2023, no. 30, Article 5693. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307200023?ysclid=m0p8er4php560826274 [in Russian].

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.132.6

Дата поступления: 21.05.2024
рецензирования: 17.07.2024
принятия: 10.09.2024

Является ли картель гражданско-правовой сделкой?

А. Р. Султанов
Представительство «Пепеляев групп» в Республике Татарстан, г. Нижнекамск, Российская Федерация
E-mail: a.sultanov@pgplaw.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрена проблема все чаще встречающейся в исковых заявлениях прокурора квалификации картелей как сделок, подлежащих признанию ничтожными. Поскольку такая квалификация приводит к существенным имущественным взысканиям, ее подтверждение или опровержение имеет важный практический характер. Поставленная проблема рассмотрена через призму доктрины и практику Верховного Суда РФ и других судов. По мнению автора, квалификация картеля, определенного законодателем в качестве правонарушения, как сделки носит искусственный характер и не имеет правовых оснований. В ГК РФ не предусмотрено такой сделки, как картель, а поскольку картель является нарушением запрета, установленным в антимонопольном законодательстве, то к нему неприменимо правило ГК РФ о допустимости заключения сделок, не предусмотренных законом. Автор полагает, что функция прокуратуры не должна включать в себя пополнение бюджета. Появление такой функции может стать причиной отклонения от обеспечения законности.
Ключевые слова: картель; правонарушение; сделка; квалификация; толкование; прокуратура; Верховный Суд РФ.
Цитирование. Султанов А. Р. Является ли картель гражданско-правовой сделкой? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 26–31. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Султанов А. Р., 2024
Айдар Рустэмович Султанов – адвокат, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, руководитель Представительства «Пепеляев групп» в Республике Татарстан, 125047, Российская Федерация, г. Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, 39, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.05.2024
Revised: 17.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Is a cartel a civil transaction?

A. R. Sultanov
Representative office of Pepeliaev Group in the Republic of Tatarstan, Nizhnekamsk, Russian Federation
E-mail: a.sultanov@pgplaw.ru

Abstract: This article examines the problem of the increasingly common qualification of the cartel in the statements of claim of the prosecutor as transactions subject to recognition as null and void. Since such a qualification leads to significant property penalties, its confirmation or refutation is of an important practical nature. The problem is considered through the prism of the doctrine and practice of the Supreme Court of the Russian Federation and other courts. According to the author, the qualification of the cartel, defined by the legislator as an offense, in the transaction, is artificial in nature, and has no legal basis. The Civil Code of the Russian Federation does not provide for such a transaction as a cartel, and since the cartel is a violation of the prohibition established in the antimonopoly legislation, the rule of the Civil Code of the Russian Federation on the admissibility of transactions not provided for by law does not apply to it. The author believes that the function of the prosecutor's office should not include replenishment of the budget. The appearance of such a function may cause deviations from the rule of law.
Key words: cartel; offense; transaction; qualification; interpretation; prosecutor's office; Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Sultanov A. R. *Yavlyaetsya li kartel' grazhdansko-pravovoy sdelkoy?* [Is a cartel a civil transaction?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 26–31. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sultanov A. R., 2024
Aydar R. Sultanov – lawyer, Candidate of Legal Sciences, honored lawyer of the Republic of Tatarstan, head of the Representative office «Pepeliaev group» in Tatarstan, blrd. 1, 39, 3rd Tverskaya-Yamskaya Street, Moscow, 125047, Russian Federation.

Закон есть единение разумных и дальнозорких против близоруких.

Рудольф фон Иеринг. «Цель в праве»

Данный вопрос возник в результате ознакомления с рядом исковых заявлений прокуроров о признании картеля сделкой, противоречащей основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), и взыскании полученного дохода в федеральный бюджет на основании ч. 3. ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции». Ранее к толкованию данной санкции мы уже обращались, полагая ее публично-правовой, а не гражданско-правовой санкцией [1, с. 148]. Верность такого толкования стала очевидна после изменений в данную норму, внесенных ФЗ от 05.10.2015 № 275-ФЗ в п. 3 ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции» и установивших, что данная форма ответственности выступает исключительно альтернативой административному наказанию.

Вопросов, порождаемых указанными исками прокуратуры, безусловно, больше [2, с. 62], но в данной статье мы затронем лишь проблему, обозначенную в названии статьи.

Гражданский кодекс РФ не предусматривает такой сделки, а правовое определение понятия «картель» дано в ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – закон № 135-ФЗ), в которой под картелем понимается соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке.

Сам термин «картель» законодатель использовал в указанном законе именно в целях применения в сфере антимонопольного законодательства, поскольку оно содержит состав административного правонарушения, сформулированный в виде запрета в императивной норме права.

Данная дефиниция также используется в КоАП РФ и УК РФ, но не в ГК РФ.

В части 1 ст. 8 ГК РФ установлено: «Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему».

Поскольку в ГК РФ не предусмотрено такой сделки, как картель, и поскольку картель является нарушением запрета установления в законе о конкуренции, то к нему неприменимо правило ГК РФ о допустимости заключения сделок, не предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Под неправомерным действием понимается волевое поведение, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями. Неправомерные действия подразделяются на преступления и проступки, к которым относятся и картельные соглашения.

Недействительной сделкой признается лишь действие, совершенное в виде сделки, в котором законом или судом установлено нарушение хотя бы одного условия действительности последней, не способное породить те гражданско-правовые последствия, наступления которых желали бы его субъекты.

Нельзя признать недействительной сделкой то, что не является сделкой. Установление картеля в публичном праве для привлечения к административной или уголовной ответственности не делает его гражданско-правовой сделкой.

Таким образом, картельное соглашение является неправомерным действием, а не сделкой, т. е. юридическим фактом совсем иной правовой природы.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции под картелем подразумевается соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке.

Вместе с тем п. 18 ст. 4 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что под соглашением понимается договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

Как следует из Разъяснений № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых согла-

шений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3), Закон о защите конкуренции содержит более широкое понятие соглашения, не ограниченное только понятием соглашения в форме гражданско-правового договора. Поэтому антиконкурентные соглашения не подлежат оценке с точки зрения соответствия требованиям, которые предъявляются гражданско-правовым законодательством к форме договоров (сделок). В данных разъяснениях антимонопольный орган напрямую указывает, что антиконкурентные соглашения являются правонарушением.

Дополнительно стоит отметить, что в доктрине также существует позиция, выражающаяся в том, что соглашение по смыслу антимонопольного законодательства не равнозначно понятию гражданско-правового договора, поэтому для разрешения тех или иных вопросов, связанных с соглашением, пользоваться нормами ГК РФ недопустимо [3, с. 225]. Это подтверждает, что картель – это разновидность правонарушения, а не сделка.

Аналогичную позицию изложил и Президиум ВАС РФ, который подтвердил, что при оценке факта правонарушения в сфере антимонопольного законодательства в форме антиконкурентного соглашения статьи 154, 160, 432, 434 ГК РФ применению не подлежат (Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009).

Нельзя также не отметить, что картельные соглашения в целом лишены признаков гражданско-правового договора (сделки). Так, согласно ч. 1 ст. 2 ГК РФ, предметом гражданского права являются имущественные и неимущественные отношения, которые складываются по поводу принадлежности, использования и перехода средств производства, предметов потребления и других материальных благ. Иными словами, данные отношения имеют товарно-денежную форму, для большинства из них характерен стоимостный и эквивалентно-возмездный характер.

Картельные соглашения лишены данных признаков – они направлены на выстраивание стратегии поведенческого характера между хозяйствующими субъектами – конкурентами с целью ограничения конкуренции.

Однако некоторые ученые полагают, что «с точки зрения гражданского законодательства картельное соглашение может расцениваться в качестве организационного договора, содержание которого заключается в установлении его сторонами условий, создающих возможность совместной реализации рыночной власти при условии проведения участниками картеля единой и согласованной рыночной политики, приводящей к последствиям, указанным в пп. 1–5 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК» [4].

При этом отмечается, что в большинстве своем организационные сделки имеют безвозмездный характер, а потому последствия их признания недействительными, как правило, не могут иметь имущественного содержания. Соответственно, возникает вопрос целесообразности квалификации картеля как ничтожной сделки, если последствия такого признания будут лишь констатацией факта незаконности, что гораздо более эффективно устанавливать в решении антимонопольного органа.

Полагаем, что важнейшим элементом юридического состава сделки (а также любого юридического действия) является цель действия. Согласно ст. 153 ГК РФ, цель сделки – установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т. е. цель сама по себе правомерная.

Очевидно, что цель картеля не является «правовой» целью в силу ее противоправного характера и высокой степени общественной опасности.

Кроме того, характерной чертой гражданско-правового договора (сделки) является возможность его сторон в судебном порядке осуществить защиту нарушенного субъективного права, т. е. стороны наделены мерами государственной защиты. Участники же картельных соглашений лишены таких мер защиты, поскольку в силу закона они запрещены [5, с. 5–9].

Однако некоторые ученые, доказывающие, что картель – это сделка, указывают отсутствие судебной защиты в качестве особенности картельных соглашений [6], не замечая, что тем самым признают отсутствие гражданско-правовой природы картеля.

Надо отметить, что вопрос о том, может ли быть картель сделкой, был поднят в первых же исках прокуроров о признании картеля недействительной сделкой. Несмотря на это, суды часто уклонялись от оценки доводов о правовой природе картеля.

Так, например, воспроизведя довод о том, что картель не является гражданско-правовой сделкой, Арбитражный суд Владимирской области в деле № А11-7191/2023 принял решение от 24.07.2024 об отказе в иске прокурору без оценки данного довода.

Возможно, ситуация изменилась благодаря тому, что накопилась критическая масса таких исков и данный вопрос попал во внимание аппарата Уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей, который дал свое заключение для одного из дел по иску прокурора.

Так, в Решении Арбитражного суда Приморского края от 29.07.2024 по делу № А51-5741/2024 аргументация аппарата Уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей была воспроизведена: «...невозможно применить последствия недействительности сделки по оспариваемому (картельному) соглашению в виде взыскания полученного дохода, поскольку действия ответчиков направлены на получение результата, изъятого из гражданского оборота, и совокупность их действий в зависимости от состава подлежат регулированию антимонопольным, административным либо уголовным законодательством».

В судах общей юрисдикции до недавнего времени, несмотря на обилие судебной практики, данный вопрос внимательно не рассматривался.

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 N 9-КГ24-7-К1 проблема возможности толкования картеля как гражданско-правовой сделки получила надлежащий анализ и оценку.

Вначале Верховный Суд РФ воспроизвел общие положения о сделках:

«…сделками в соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по смыслу статьи 153 Гражданского кодекса при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)».

Затем Верховный Суд РФ проанализировал положения Федерального закона «О защите конкуренции»: «Согласно пункту 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции, соглашением по данному закону является договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

В соответствии с частью 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к: установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращению или прекращению производства товаров; отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Согласно положениям статьи 37 указанного Закона, за нарушение антимонопольного законодательства должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностные лица иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также должностные лица государственных внебюджетных фондов, коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Затем Верховный Суд РФ напомнил, что, согласно статье 14.32 КоАП РФ, заключение соглашения, ограничивающего конкуренцию, признается правонарушением.

Ключевой вывод Верховного Суда РФ фактически совпадает с нашей точкой зрения, изложенной выше, и мы надеемся, что она станет практикообразующей:

«…любой вид сделки представляет собой действия участников гражданских правоотношений, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, которые при определенных обстоятельствах могут приобрести признаки недействительности и стать неправомерными.

Картель же сам по себе является заведомо неправомерным действием (правонарушением), не имеющим цели возникновения, изменения, прекращения гражданских правоотношений. Целью такого соглашения является не возникновение гражданских прав, а получение конкурентного преимущества на товарном рынке, как правило, влекущее заключение желаемых участниками картеля гражданско-правовых договоров».

Примечательно, что в Верховный Суд РФ в своем Определении оценил требования прокурора как попытку пересмотра решения антимонопольного органа:

«Квалификация спорных правоотношений как картеля уже была дана в решении Комиссии УФАС по Нижегородской области от 2 июня 2021 г., а требования прокурора по сути направлены на пересмотр указанного решения УФАС по Нижегородской области».

Таким образом, согласно подходу Верховного Суда РФ, прокурор, заявляя иск, в котором квалифицирует картель как гражданско-правовую сделку, фактически лишь выражает несогласие с квалификацией, данной Решением антимонопольного органа. Безусловно, такое несогласие не может быть выражено подачей иска о признании сделки недействительной, а лишь путем оспаривания решения антимонопольного органа в установленном для этого порядке.

Впрочем, очевидно, что для переквалификации картеля как антимонопольного правонарушения в гражданско-правовую сделку никаких правовых оснований нет. Кроме того, цель такой перекваа-

лификации – признание ее затем недействительной – показывает искусственность такой квалификации. В руки просится бритва Оккама[1] – Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem.

Практика признания сделкой того, что сделкой не является, с тем, чтобы потом применить гражданско-правовые последствия недействительности сделок, порождена либо желанием пополнить бюджет[2], либо признанием неэффективности действий антимонопольного органа.

Очевидно, что вторая цель не достигается путем подачи прокуратурой своего иска. Законодатель попытался предупредить подобные ситуации в ч. 2 ст. 26, ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: «Органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций». Прокурор должен использовать другие меры реагирования – протесты и пр.

Первая цель, внешне благородная, на самом деле крайне разрушительна для правопорядка. Очевидно, что если орган, призванный защищать правопорядок, начнет «близоруко» заниматься пополнением бюджета, то у него, безусловно, произойдет подмена целей. Тот, кто имеет цель пополнить бюджет, весьма скоро перестанет служить правде и справедливости. У правоохранительных органов не должно быть цели пополнения бюджета!

Сиюминутная выгода государства от быстрого пополнения бюджета может обернуться не только потерей законности как принципа действия государства, но и застоем в осуществлении предпринимательской деятельности, который через какое-то время опустошит бюджет. И самое страшное в том, что все это может обернуться потерей доверия к государству.

Еще в Древнем Риме знали, что «утрата уважения к судьям разрушает государство» (Sublata veneration magistratuum, res publica ruit). Полагаем, что это осознавалось в России при создании прокуратуры: Петр I ставил перед ней «дальнезоркую» задачу «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах неправосудия, взяточничества и беззакония».

Безусловно, переквалификация правонарушения – картеля – в сделку в целях дальнейшего признания ее недействительной не соответствует целям обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

[1] Бритва Оккама – методологический принцип, в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости.

[2] Мы не стали здесь упоминать называемую некоторыми возможную цель таких исков – довести до банкротства, чтобы потом захватить имущество, поскольку мы полагаем, что для всех очевидна противозаконность таких целей…, но такие публикации есть: Самарскую «Клинику сердца» готовят к изъятию у ее хозяина// Самарское обозрение. 15.07.2024 URL: https://oboz.info/samarskuyu-kliniku-serdtsa-gotovyat-k-izyatiyu-u-ee-hozyaina.

Библиографический список

1. Султанов А. Р. О кодификации законодательства об административных правонарушениях и антимонопольном законодательстве // Закон. 2007. № 7. С. 141–148. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559281. EDN: https://www.elibrary.ru/ibevmn.

2. Султанов А. Р. Прокурорские иски по картелям. Процессуальный аспект // Конкуренция и право. 2024. № 4. С. 62–66. URL: https://cljournal.ru/vybor/266/.

3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И.Ю. Артемьев. МГИМО МИД России, ФАС России. Москва: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2018/11/Научно-практический-комментарий-к-ФЗ-О-Защите-конкуренции-И.Ю.-Артемьев-Москва-2015.pdf.

4. Егорова М. А. Картель как разновидность сделки // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. Москва, 2017. С. 328–347.

5. Кванина В. В. О правовой сущности картеля на торгах // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 5–9. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=47103221. EDN: https://elibrary.ru/ynxqkt.

6. Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 408 с. // СПС «КонсультантПлюс». Available at: https://emelyanova-ksenia.ru/sites/default/files/grazhdansko-pravovye_posledstviya_narusheniy_antimonopolnogo_z.pdf?ysclid=m1qf0khbg0136803965.

References

1. Sultanov A. R. *O kodifikatsii zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh i antimonopol'nom zakonodatel'stve* [On the codification of legislation on administrative offenses and antimonopoly legislation]. *Zakon*, 2007, no. 7, pp. 141–148. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559281. EDN: https://www.elibrary.ru/ibevmn [in Russian].

2. Sultanov A. R. *Prokurorskie iski po kartelyam. Protsessual'nyy aspekt* [Prosecutor's lawsuits on cartels. Procedural aspect]. *Konkurentsiya i pravo* [Competition and Law], 2024, no. 4, pp. 62–66. Available at: https://cljournal.ru/vybor/266/ [in Russian].

3. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu «O zashchite konkurentsii» (postateynyy). Otv. red. I. Yu. Artem'ev. MGIMO MID Rossii, FAS Rossii* [Artemyev I.Yu. (Ed.) Scientific and practical commentary on the Federal Law «Concerning the Protection of Competition» (article by article)]. Moscow: Statut, 2016. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. Available at: https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2018/11/Научно-практический-комментарий-к-ФЗ-О-Защите-конкуренции-И. Ю.-Артемьев-Москва-2015.pdf [in Russian].

4. Egorova M. A. *Kartel' kak raznovidnost' sdelki* [Cartel as a kind of transaction]. In: *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom*: sbornik nauchnykh statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoy [Mogilevsky S. D., Egorova M. A. (eds.): collection of scientific articles of the IV International research and practical conference «Current problems of entrepreneurial and corporate law in Russia and abroad»]. Moscow, 2017. *Legal reference system «ConsultantPlus»* [in Russian].

5. Kvanina V. V. *O pravovoy sushchnosti kartelya na torgakh* [On the legal essence of a cartel in trading]. *Konkurentnoe pravo* [Competition Law], 2021, no. 3, pp. 5–9. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=47103221. EDN: https://elibrary.ru/ynxqkt [in Russian].

6. Egorova M. A. *Grazhdansko-pravovye posledstviya narusheniy antimonopol'nogo zakonodatel'stva*: monografiya [Civil consequences of violations of antimonopoly legislation: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2020, 408 p. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. Available at: https://emelyanova-ksenia.ru/sites/default/files/grazhdansko-pravovye_posledstviya_narusheniy_antimonopolnogo_z.pdf?ysclid=m1qf0khbg0136803965 [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-32-38

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.8

Дата поступления: 12.06.2024
рецензирования: 24.07.2024
принятия: 10.09.2024

К вопросу об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества

Л. В. Карханина
Самарский юридический институт ФСИН России, г. Самара, Российская Федерация
e-mail: ludakarhanina@mail.ru

Аннотация: Неотвратимость наказания выступает основным условием обеспечения эффективности его реализации. Институт ответственности лиц, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, является межотраслевым и представляет собой особую юридическую форму реагирования государства в лице уполномоченных органов и должностных лиц на поведение осужденных, не отвечающее установленным требованиям. Ядро этого института составляют положения уголовно-исполнительного законодательства. В статье автором анализируются правовые последствия уклонения лиц от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Исследовательскими задачами являлись: разграничение видов юридической ответственности за уклонение от отбывания наказаний, рассмотрение признаков, характерных для злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также анализ судебной практики по обозначенным вопросам. По результатам проведенного исследования предлагается авторская классификация осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний, выделяются признаки злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, которые различаются в зависимости от вида соответствующего наказания. Обосновывается мысль о необходимости исключения оценочной позиции судов при установлении факта злостного уклонения осужденного от отбывания наказания, а также определено, что замена неотбытой части наказания более строгим его видом и дополнение ранее установленных судом ограничений являются особыми разновидностями уголовно-исполнительной ответственности.

Ключевые слова: межотраслевой правовой институт; институт ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказания; уклонение от отбывания наказания; злостное уклонение от отбывания наказания; классификация осужденных; оценочные категории.

Цитирование. Карханина Л. В. К вопросу об ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 32–38. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-32-38.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Карханина Л. В., 2024

Людмила Владимировна Карханина – кандидат юридических наук, ученый секретарь Ученого совета, доцент кафедры профессиональных дисциплин факультета подготовки государственных и муниципальных служащих, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.06.2024
Revised: 24.07.2024
Accepted: 10.09.2024

On the issue of the responsibility of convicts for evading serving sentences not related to isolation from society

L. V. Karkhanina
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation
E-mail: ludakarhanina@mail.ru

Abstract: The inevitability of punishment is the main condition for ensuring the effectiveness of its implementation. Institute of Responsibility persons evading serving criminal sentences, is intersectoral and represents a special legal form of response of the state, represented by authorized bodies and officials, to the behavior of convicts that does not meet established requirements. The core of this institution is the provisions of penal legislation. In the article, the author analyzes the legal consequences of persons evading serving sentences not related to isolation from society. The research objectives were: differentiation of types of legal liability for evasion from serving sentences, consideration of signs characteristic of malicious evasion from serving sentences not related to isolation from society, as well as analysis of judicial practice on these issues. Based on the results of the study, the author proposes a classification of convicts evading serving sentences, identifying signs of malicious evasion from serving sentences not associated with isolation from society, which vary depending on the type of punishment in question. The idea of the need to exclude the evaluative position of the courts when establishing the fact of malicious evasion of a convicted person from serving a sentence is substantiated, and it is also determined that replacing the unserved part of the sentence with a more severe one and adding restrictions previously established by the court are special types of criminal liability.
Key words: intersectoral legal institute; institution of responsibility of convicts for evading punishment; evasion of serving a sentence; malicious evasion from serving a sentence; classification of convicts; evaluation categories.
Citation. Karkhanina L. V. *K voprosu ob otvetstvennosti osuzhdennykh za uklonenie ot otbyvaniya nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva* [On the issue of the responsibility of convicts for evading serving sentences not related to isolation from society]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 32–38. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-32-38 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Karkhanina L. V., 2024
Lyudmila V. Karkhanina – Candidate of Legal Sciences, academic secretary of the Academic Council, associate professor of the Department of Professional Disciplines of the Faculty of Training of State and Municipal Employees, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

На осужденных возлагается обязанность претерпевать определенные лишения и ограничения, свойственные уголовному наказанию, ввиду совершения ими противоправных деяний. В этой связи для обеспечения неукоснительного исполнения судебных решений в законодательстве Российской Федерации предусмотрены негативные правовые последствия для лиц, уклоняющихся либо от отбывания уголовного в целом, либо от соблюдения установленного порядка отбывания наказания.

Юридическая ответственность за уклонение осужденных от отбывания уголовных наказаний представляет собой комплексный межотраслевой институт, субинституты которого различаются в зависимости от вида реализуемого наказания.

Принимая во внимание структурные части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), можно выделить три субинститута ответственности осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний:

– ответственность осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества;

– ответственность осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, связанных с лишением свободы;

– ответственность осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовных наказаний, применяемых в отношении военнослужащих.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) тоже есть нормы об ответственности (уголовной ответственности) за уклонение от отбывания наказания (ст. 313, 314). Однако ядро этого межотраслевого института составляют положения уголовно-исполнительного законодательства России. Связано это с тем, что система юридических норм уголовно-исполнительного законодательства непосредственно направлена на регулирование общественных отношений, которые возникают на стадии реализации приговора суда, а также устанавливает требования к поведению осужденных.

В рамках настоящей статьи более подробно мы остановимся на рассмотрении субинститута ответственности осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества[1], которые исполняются уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ): лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы и ограничение свободы.

В условиях отсутствия единой концепции в реализации положений обозначенного правового субинститута возникают диаметрально противоположные теоретические подходы, а также определенные затруднения в процессе правоприменительной деятельности, о чем уже неоднократно упоминалось в юридической литературе [1–5].

К тому же, по справедливому замечанию А. В. Бриллиантова [6], понятие «злостное уклонение» является оценочным, что влечет за собой противоречивую судебную практику при фактическом наличии зачастую одних и тех же рассматриваемых оснований для замены наказания более строгим.

Осужденные к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, могут быть привлечены к следующим видам ответственности: уголовно-

[1] В 2022 году доля замен неотбытой части наказания более строгим от общего количества осужденных составила: обязательные работы – 14,6 %, исправительные работы – 39 %, ограничение свободы – 10,1 %. См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 10.04.2024).

исполнительной, уголовной, административной и гражданско-правовой.

При этом привлечение к ответственности возможно как за непосредственные нарушения установленного порядка отбывания наказания, так и за деяния, которые могут быть иным образом с ним связаны. Например, статья 58 УИК РФ не устанавливает уголовно-исполнительную ответственность осужденного за утрату и (или) порчу технических средств надзора и контроля. Но вместе с тем с осужденного может взыскиваться причиненный ущерб в соответствии с гражданским законодательством России.

Другой пример связан с привлечением осужденного к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), а равно за воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей. При этом предполагается, что подобные деяния не признаются нарушениями установленного порядка отбывания наказания, но отрицательно влияют на процесс его реализации.

Так, из постановления Можгинского районного суда Удмуртской Республики от 13 марта 2024 г. по делу № 5-27/2024 в отношении осужденного Д. начальником УИИ был составлен протокол №*** об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ. В ходе мониторинга поведения подконтрольных лиц у осужденного Д. было выявлено нарушение расписания присутствия электронного браслета. Таким образом, своими действиями Д. сделал невозможным контроль за соблюдением ограничений, установленных судом, в период нарушения расписания присутствия электронного браслета (отдаление от мобильного контрольного устройства более чем на 5 метров), тем самым воспрепятствовал сотрудникам УИС в выполнении своих служебных обязанностей по осуществлению контроля и надзора за осужденными к ограничению свободы[2].

Нормы, определяющие, какие деяния признаются нарушениями установленного порядка отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, содержатся в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации (ст. 30 УИК РФ, ч. 1 ст. 46 УИК РФ, ч. 1 ст. 58 УИК РФ). Следует подчеркнуть, что возможно выделить два уровня юридических последствий для осужденных, допускающих нарушения установленного порядка отбывания наказаний.

Первый уровень связан с применением мер воздействия со стороны УИИ, которые в большей степени являются предостерегающими, так как в поведении лица присутствуют признаки нарушений предъявляемых к нему требований. Иными словами, сотрудник УИИ предлагает осужденному обеспечить соблюдение обязательных требований уголовно-исполнительного законодательства России. Кроме этого, осужденному повторно разъясняются последствия дальнейших нарушений. Такими мерами реагирования являются: вынесение предупреждения (ч. 1 ст. 29 УИК РФ) и (или) официального предостережения (ч. 2 ст. 58 УИК РФ), установление обязанности являться на регистрацию (ч. 2 ст. 46 УИК РФ), внесение в суд представления о дополнении ранее установленных осужденному ограничений (ч. 3 ст. 58 УИК РФ).

После применения перечисленных мер воздействия сотрудник УИИ оценивает дальнейшее поведение осужденного, его отношение к назначенному наказанию и исполнению возложенных на него обязанностей.

Отдельно стоит выделить меру реагирования в виде вынесения постановления о незачете в срок времени, в течение которого осужденный занимал запрещенные должности или занимался запрещенной деятельностью. Фактически данная мера стала единственной на сегодняшний день, активно применяемой к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Рассматриваемая мера предусмотрена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». В то же время в статье 38 УИК РФ не конкретизируется ответственность осужденных за неисполнение требований приговора суда. Полагаем, что обозначенная мера не способна кардинально воздействовать на поведение осужденных и обеспечить неукоснительное исполнение ими приговора суда. Кроме этого, целесообразнее закрепить меры реагирования в УИК РФ, а не в подведомственных нормативных правовых актах.

Следует признать, что не во всех случаях предусмотренные законодательством России уголовно-исполнительные механизмы воздействия на осужденного в полной мере отвечают предъявляемым требованиям. Поэтому второй уровень связан с применением наиболее серьезных по правовым последствиям мер реагирования, так как фактически исчерпаны все первоначальные предупреждающие меры воздействия, которые не дали положительных результатов. Осужденный продолжает допускать нарушения установленного порядка отбывания наказания, и у него формируется стойкая асоциальная направленность личности. В данном случае речь идет о замене неотбытой части наказания более строгим его видом и о привлечении лица к уголовной ответственности по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 314 УК РФ.

В научных источниках сложилось весьма спорное представление о правовой природе замены неотбытой части наказания более строгим его видом

[2] Постановление Можгинского районного суда Удмуртской Республики от 13 марта 2024 г. по делу № 5-27/2024. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 11.04.2024).

[7–10]. Не вдаваясь глубоко в дискуссию по этому вопросу, отметим, что данная мера, как и дополнение осужденному к ограничению свободы ранее установленных судом ограничений, являются особой разновидностью уголовно-исполнительной ответственности, так как ее применение возможно только на стадии исполнения приговора суда.

Осужденный, допускающий нарушения, посягает на охраняемые законом интересы правосудия. При этом деяния осужденного могут быть направлены как на процесс собственно отбывания наказания, так и на его исполнение сотрудниками УИИ. В связи с этим возможно предложить следующую классификацию осужденных в зависимости от характера допущенных ими нарушений установленного порядка отбывания наказаний и от их количества:

– препятствующий исполнению наказаний путем совершения деяний, которые не являются нарушениями установленного порядка отбывания наказания, но негативно влияют на осуществление контроля или исполнение обязанностей сотрудниками УИИ;

– уклоняющийся от отбывания наказания – допускающий единичные нарушения установленного порядка отбывания наказания;

– злостно уклоняющийся от отбывания наказания – систематически допускающий нарушения установленного порядка отбывания наказания;

– особо злостно уклоняющийся от отбывания наказания – допускающий наиболее тяжкие нарушения установленного порядка отбывания наказания, в том числе единичные, или осужденный, скрывшийся с места жительства.

Для признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества, необходимо наличие соответствующих критериев, которые различаются в зависимости от вида наказания. Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, это соотношение качественных и количественных показателей. Так, качественным показателем является характеристика допущенного нарушения, например неявка в УИИ осужденного к исправительным работам. При этом уклонение от отбывания наказания может быть выражено как в активной (действие), так и пассивной (бездействие) форме.

Количественный показатель отражает необходимое число допущенных нарушений, которые указывают на неоднократность. К примеру, при отбывании исправительных работ осужденный повторно, то есть второй раз, допустил прогул на работе. Вместе с тем в уголовно-исполнительном законодательстве России предусмотрены исключения, например п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ. Полагаем, что в данном случае учитывается тяжесть подобного нарушения, в связи с этим достаточно его однократного совершения.

Во-вторых, временной показатель, в течение которого было допущено нарушение. Так, законодатель оговаривает, что при отбывании осужденным обязательных работ злостно уклоняющимся признается лицо, которое именно в течение месяца три раза нарушило трудовую дисциплину.

Особым нарушением, которое предусмотрено практически во всех видах рассматриваемых нами наказаний, является то, что осужденный скрылся с места жительства и его местонахождение не установлено в течение 30 дней. В данном случае выделяется сочетание качественного и временного показателей допущенного нарушения. При этом стоит обратить внимание на разные формулировки обозначенного нарушения. Если с места проживания скрылся осужденный к обязательным работам, то оговаривается цель – уклонение от отбывания наказания. По исправительным работам и ограничению свободы цель не устанавливается (ч. 3 ст. 46 УИК РФ, п. «в» ч. 4 ст. 58 УИК РФ). Полагаем, что указание в конструкции нарушения на цель – уклонение от отбывания наказания – необходимо исключить, так как априори считаем, что лицо, которое скрылось с места жительства, не намерено его отбывать в установленном законом порядке.

В-третьих, нарушения порядка отбывания наказания должны быть допущены без уважительных причин. В случае если имелись обстоятельства, препятствующие исполнению возложенных на осужденного обязанностей, деяние не признается нарушением. При этом в уголовно-исполнительном законодательстве России перечень достаточных и существенных оснований для признания причин уважительными не упоминается, следовательно, данная категория также является оценочной. Первичную оценку дает УИИ в результате проведения проверки по фактам допущенных осужденным нарушений, а окончательную, в случае направления представления, – суд. При этом неисполнение возложенных на осужденного обязанностей по уважительным причинам должно подтверждаться, как правило, документально.

Приведем неоднозначный пример из судебной практики. Постановлением Холмогорского районного суда Архангельской области от 13 марта 2024 г. по делу № 4-16-1/2024 неявки осужденной для отбывания наказания в виде обязательных работ признаны уважительными в связи с ее занятостью, а именно прохождением стажировки при трудоустройстве на работу. Вместе с тем обязательные работы отбываются осужденным в свободное от основной работы время (ч. 1 ст. 49 УК РФ), в связи чем остается не совсем понятным, почему суд пришел к подобному выводу.

В-четвертых, принятие со стороны УИИ мер воздействия на осужденного, среди которых выделяют вынесение предупреждения и (или) официального предостережения, установление обязанности являться для регистрации в УИИ. Подобные действия со стороны УИИ подтверждают наличие системности в действиях осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, но не во всех случаях их применение является возможным. Соответственно, если лицо скрылось с места жительства и его местонахождение не установлено, то вынести ему предупреждение объективно невозможно.

Из вышесказанного следует, что обязательным признаком злостного уклонения, характерным для всех видов рассматриваемых нами наказаний, является отсутствие у осужденного уважительных причин допущенных им нарушений. В остальных случаях признаки злостного уклонения изменяются в зависимости от наказания, но в самом общем виде их можно представить следующим образом: соотношение качественного, количественного и временного показателя допущенного нарушения + отсутствие уважительных причин + применение УИИ соответствующих мер реагирования.

Далее, анализ судебной практики по вопросу замены неотбытой части наказаний, не связанных с лишением свободы, более строгим его видом показал, что достаточно большое количество решений судов связано с отказами в удовлетворении представлений УИИ, несмотря на фактическое содержание в деяниях осужденного признаков злостного уклонения.

Так, Ф. осужден приговором Советского районного суда г. Иванова по ч. 1 ст. 157 УК РФ к 7 месяцам исправительных работ с удержанием 5 % из заработной платы в доход государства. Осужденный Ф. неоднократно допускал невыходы на исправительные работы, по вызову в УИИ не являлся, без разрешения УИИ сменил место работы, но суд пришел к выводу, что хотя в действиях осужденного формально имеются признаки нарушений порядка и условий отбывания исправительных работ, однако они не влекут в обязательном порядке замену назначенного приговором суда наказания, поскольку данных о нежелании осужденного Ф. работать и отбывать наказание в судебном заседании не установлено[3].

А. осужден 11 января 2023 г. Нарьян-Марским городским судом Ненецкого автономного округа по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 1 году исправительных работ с удержанием 10 % заработной платы в доход государства. Осужденный к исправительным работам А. не являлся по вызову в УИИ, так как злоупотреблял спиртными напитками, не обращался по предписанию для трудоустройства, потому что его потерял, в связи с чем УИИ выносила ему предупреждение более двух раз. Однако в удовлетворении представления УИИ также было отказано судом[4].

Другой пример. По приговору Индустриального районного суда г. Перми от 28 марта 2023 г. гражданин Н. осужден по ч. 3 ст. 327 УК РФ к 300 часам обязательных работ. Осужденный Н. допустил невыходы на обязательные работы более двух раз в течение месяца без уважительных причин, но суд посчитал представление УИИ преждевременным и не нашел оснований для его удовлетворения, так как в настоящее время осужденный продолжает отбывать наказание, нарушений не допускает, а также намерен отбывать наказание и в дальнейшем[5].

Поскольку замена неотбытой части наказания более строгим его видом является правом, а не обязанностью суда, складывается весьма неоднозначная ситуация, которая может негативным образом повлиять на предупреждение повторной преступности среди осужденных. Полагаем, что в случае если осужденный допускает нарушения, осознание противоправного поведения должно происходить во время вынесения ему сотрудником УИИ предупреждения и (или) официального предостережения и др. В ином случае предусмотренные законом меры реагирования теряют свое юридическое значение, то есть если лицо должных выводов для себя не сделало и продолжило уклоняться от отбывания наказания после применения соответствующих мер предупреждения, то в деяниях осужденного прослеживается стойкая криминальная направленность личности. Вместе с тем суд практически не принимает это во внимание, а оценивает поведение осужденного на момент рассмотрения соответствующего представления.

Считаем, что при наличии признаков злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества, необходимо исключить оценочную позицию судов. Замена наказания более строгим должна быть обязанностью, а не правом суда.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Юридическая ответственность за уклонение осужденных от отбывания наказаний является межотраслевой, ее ядро составляют положения уголовно-исполнительного законодательства. Отдельным субинститутом выступает ответственность осужденных за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Осужденные наряду с уголовно-исполнительной ответственностью (ст. 29 УИК РФ, ст. 46 УИК РФ, ст. 58 УИК РФ, ст. 59 УИК РФ) могут быть привлечены к уголовной (ст. 314 УК РФ), административной (ст. 19.3 КоАП РФ) и гражданско-правовой ответственности (ст. 1064 ГК РФ). При этом ответственность наступает за уклонение от отбывания уголовного наказания в целом, или за нарушение установленных уголовно-исполнительным законодательством России требований, или при совершении деяний, негативно влияющих на процесс исполнения наказания. Привлечение осужденного к ответственности реализуется с учетом вида назначенного наказания, личности осужденного, тяжести совершенного им нарушения.

Замена неотбытой части наказания более строгим его видом и дополнение ранее установленных

[3] Постановление Советского районного суда г. Иваново Ивановской области от 13 марта 2024 г. по делу № 4-17-29/2024. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 11.04.2024).

[4] Постановление Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 28 июня 2023 г. по делу № 4-17-61/2023. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 11.04.2024).

[5] Постановление Пермского районного суда Пермского края от 23 июня 2023 г. по делу № 4-17-226/2023. URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 11.04.2024).

судом ограничений являются особой разновидностью уголовно-исполнительной ответственности.

2. Предлагается классификация осужденных в зависимости от количества и характера допущенный ими нарушений:

– препятствующий исполнению наказания;

– уклоняющийся от отбывания наказания;

– злостно уклоняющийся от отбывания наказания;

– особо злостно уклоняющийся от отбывания.

3. Общим признаком злостного уклонения, характерным для всех видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, является отсутствие у осужденного уважительных причин допущенных им нарушений. В самом обобщенном виде совокупность признаков злостного уклонения можно представить как соотношение качественного, количественного и временного показателя допущенного нарушения + отсутствие уважительных причин + применение УИИ соответствующих мер реагирования.

4. При наличии совокупности признаков злостного уклонения замена наказания должна стать не правом, а обязанностью суда, что будет способствовать усилению превентивной функции уголовного наказания.

Библиографический список

1. Дворянсков И. В. К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, получения предписания для направления в колонию-поселение или не прибывших к месту отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 11–14. URL: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/62/a0/62a0ead6-7edf-493a-b3d3-a5532d339426/zhurnal_34_11-14.pdf?ysclid=m0pdvtyu6a70963942.

2. Земляницин Е. И. Проблемные вопросы ответственности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, за нарушение порядка отбывания наказания // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. И. Г. Рагозина, Ю. В. Деришев. Омск, 2017. С. 127–131. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29016488. EDN: https://www.elibrary.ru/ykzdzr.

3. Ермасов Е. В., Дегтярева О. Л., Габараев А. Ш. Особенности правового регулирования ответственности несовершеннолетних осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 1 (31). С. 123–128. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23131033. EDN: https://www.elibrary.ru/tmepbd.

4. Исаков В. С. Проблема замены обязательных и исправительных работ в связи со злостным уклонением от их отбывания на уголовное наказание в виде принудительных работ // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 50–54.

5. Колосов А. С. Наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и ответственность за уклонение от их отбывания: монография. Владимир, 2007. 142 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20083600. EDN: https://www.elibrary.ru/qxmsrn.

6. Бриллиантов А. В. Понятие «злостное уклонение» в уголовном законе // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 5 (31). С. 14–19. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20553490. EDN: https://www.elibrary.ru/rhubsl.

7. Нагибин В. Л. Ответственность лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник Пермского института ФСИН России. 2021. № 2 (41). С. 67–77. DOI: https://doi.org/10.34988/2226-2326.2021.41.2.008. EDN: https://www.elibrary.ru/lqjrxw.

8. Подройкина И. А., Поляков Н. Н. Понятие и признаки злостного уклонения от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8 (123). С. 103–105. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43137192. EDN: https://www.elibrary.ru/xpmhxr.

9. Степашин В. М. Понятие и признаки злостного уклонения от отбывания наказания как основания замены наказания более строгим // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 4 (41). С. 200–205. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22584631. EDN: https://www.elibrary.ru/tafsen.

10. Титаренко А. П. Влияние правил замены наказания при злостном уклонении осужденного от его отбывания на уголовно-исполнительные отношения // Алтайский юридический вестник. 2013. № 3 (3). С. 62–64. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21204224. EDN: https://www.elibrary.ru/rwahyt.

References

1. Dvoryanskov I. V. *K voprosu ob ugolovnoi otvetstvennosti za zlostnoe uklonenie ot obyazatel'nykh rabot, ispravitel'nykh rabot, ogranicheniya svobody, polucheniya predpisaniya dlya napravleniya v koloniyu-poselenie ili ne pribyvshikh k mestu otbyvaniya nakazaniya* [On the issue of criminal responsibility for malicious evasion of compulsory work, correctional labor, limitation of freedom, receiving orders to be sent to a colony-settlement or not arrived to the place of punishment]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction], 2016, no. 2 (34), pp. 11–14. Available at: https://jurnauka-vipe.ru/media/filer_public/62/a0/62a0ead6-7edf-493a-b3d3-a5532d339426/zhurnal_34_11-14.pdf?ysclid=m0pdvtyu6a70963942 [in Russian].

2. Zemlyanitsin E. I. *Problemnye voprosy otvetstvennosti lits, osuzhdennykh k nakazaniyam, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva, za narushenie poryadka otbyvaniya nakazaniya* [Problematic issues of responsibility of persons sentenced

to punishments not related to isolation from society for violating the order of serving a sentence]. In: *Aktual'nye problemy ugolovnoi i ugolovno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otvetstvennye redaktory I. G. Ragozina, Yu. V. Derishev* [Ragozina I. G., Derishev Yu. V. (eds.) Actual problems of criminal and criminal procedure policy of the Russian Federation: materials of the international research and practical conference]. Omsk, 2017, pp. 127–131. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29016488. EDN: https://www.elibrary.ru/ykzdzr [in Russian].

3. Ermasov E. V., Degtyareva O. L., Gabaraev A. Sh. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh, zlostno uklonyayushchikhsya ot otbyvaniya nakazanii, ne svyazannykh s izolyatsiei ot obshchestva* [Special aspects of legal control of liability of convicted juveniles who maliciously evade from serving punishment, not connected with the isolation from society]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Togliatti State University], 2015, no. 1 (31), pp. 123–128. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23131033. EDN: https://www.elibrary.ru/tmepbd [in Russian].

4. Isakov V. S. *Problema zameny obyazatel'nykh i ispravitel'nykh rabot v svyazi so zlostnym ukloneniem ot ikh otbyvaniya na ugolovnoe nakazanie v vide prinuditel'nykh rabot* [On the substitution of compulsory and corrective labour with penal labour due to malicious evasion]. *Ugolovnaya yustitsiya* [Russian Journal of Criminal Law], 2022, no. 19, pp. 50–54. DOI: http://doi.org/10.17223/23088451/19/9 [in Russian].

5. Kolosov A.S. *Nakazaniya, ne svyazannye s izolyatsiei osuzhdennogo ot obshchestva, i otvetstvennost' za uklonenie ot ikh otbyvaniya: monografiya* [Punishments unrelated to the isolation of the convicted person from society, and responsibility for evading their serving: monograph]. Vladimir, 2007, 142 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23131033. EDN: https://www.elibrary.ru/tmepbd [in Russian].

6. Brilliantov A. V. *Ponyatie «zlostnoe uklonenie» v ugolovnom zakone* [The notion of «malicious dodging» in criminal law]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2012, no. 5 (31), pp. 14–19. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20553490. EDN: https://www.elibrary.ru/rhubsl [in Russian].

7. Nagibin V. L. *Otvetstvennost' lits, osuzhdennykh k nakazaniyam i inym meram ugolovno-pravovogo kharaktera, ne svyazannym s izolyatsiei ot obshchestva* [Responsibility of persons convicted to punishments and other measures of a criminal legal nature, not related to isolation from society]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii* [Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia], 2021, no. 2 (41), pp. 67–77. DOI: https://doi.org/10.34988/2226-2326.2021.41.2.008. EDN: https://www.elibrary.ru/lqjrxw [in Russian].

8. Podroikina I. A., Polyakov N. N. *Ponyatie i priznaki zlostnogo ukloneniya ot otbyvaniya nakazanii, ne svyazannykh s lisheniem svobody* [Concept and signs of malicious evasion from serving non-custodial sentences]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2020, no. 8 (123), pp. 103–105. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43137192. EDN: https://www.elibrary.ru/xpmhxr [in Russian].

9. Stepashin V. M. *Ponyatie i priznaki zlostnogo ukloneniya ot otbyvaniya nakazaniya kak osnovaniya zameny nakazaniya bolee strogim* [The concept and characteristics of malicious evasion from punishment as a base substitution penalties more severe]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Herald of Omsk University. Series «Law»], 2014, no. 4 (41), pp. 200–205. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22584631. EDN: https://www.elibrary.ru/tafsen [in Russian].

10. Titarenko A. P. *Vliyanie pravil zameny nakazaniya pri zlostnom uklonenii osuzhdennogo ot ego otbyvaniya na ugolovno-ispolnitel'nye otnosheniya* [The effect of replacement rules for a convict's malicious avoidance from jail sentence on criminal-executive relations]. *Altaiskii yuridicheskii vestnik* [Altai Law Journal], 2013, no. 3 (3), pp. 62–64. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21204224. EDN: https://www.elibrary.ru/rwahyt [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-39-46

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.54, 343.61

Дата поступления: 16.07.2024
рецензирования: 17.08.2024
принятия: 10.09.2024

О коллизии норм об ответственности за посягательства специальных субъектов на жизнь и здоровье неродившегося или новорожденного ребенка

Т. В. Кленова
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru
Т. Н. Нуркаева
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Аннотация: С позиции российского уголовного закона жизнь и здоровье неродившегося ребенка не являются самостоятельными объектами уголовной-правовой охраны. В настоящей статье показано, что государственная власть может использовать больше возможностей для гарантирования жизни и здоровья не только беременной женщины, но и неродившегося ребенка, а также новорожденного ребенка. В статье особое внимание уделяется проблеме коллизии норм об ответственности специальных субъектов незаконного проведения искусственного прерывания беременности. При фактическом соучастии субъектов разных видов в незаконном прерывании беременности: 1) беременной женщины; 2) лица, не являющегося медицинским работником; и (или) 3) медицинского работника – квалификация содеянного должна осуществляться в соответствии с принципом индивидуальной ответственности, путем выбора одного из смежных составов преступлений с соответствующим признаком специального субъекта. Однако в настоящее время легально вопрос об основании ответственности женщины за незаконное прерывание беременности не решен, и неясно, по каким критериям в законодательстве разграничена административная и уголовная ответственность медицинских работников и иных лиц за те же деяния (ст. 6.32 КоАП РФ и ст. 123 УК РФ). За последние годы появились научные исследования, обосновывающие целесообразность криминализации ряда общественно опасных деяний, совершаемых беременными женщинами и роженицами (родильницами). Позиция авторов настоящей статьи лишь частично согласуется с высказанными предложениями. Авторы статьи не ставят под сомнение право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, но признают обоснованным уголовно-правовой запрет на искусственное прерывание беременности, когда нет обстоятельств медицинского или социального характера, исключающих или существенно снижающих общественную опасность этого деяния. В статье аргументировано, что круг предлагаемых в доктрине для целей криминализации новых видов деяний, совершаемых родильницами, неоправданно расширен, в частности, нет оснований для криминализации убийства матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания; умышленного причинения матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка, а также причинения смерти по неосторожности новорожденному ребенку матерью, находящейся в состоянии опьянения.

Ключевые слова: криминализация; систематизация уголовного закона; коллизия норм об ответственности; преступления против жизни; посягательство на жизнь и здоровье новорожденного или неродившегося ребенка; незаконное искусственное прерывание беременности; фактическое соучастие специальных субъектов.
Цитирование. Кленова Т. В., Нуркаева Т. Н. О коллизии норм об уголовной ответственности специальных субъектов за посягательство на жизнь и здоровье новорожденного или неродившегося ребенка // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 39–46. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-39-46.
Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Кленова Т. В., Нуркаева Т. Н., 2024**

Татьяна Владимировна Кленова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Татьяна Николаевна Нуркаева – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 16.07.2024
Revised: 17.08.2024
Accepted: 10.09.2024

On the conflict of norms on criminal liability of special subjects for encroachment on life and health of a newborn or unborn child

T. V. Klenova
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru
T. N. Nurkayeva
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: NurkaevaTN@yandex.ru

Abstract: From the standpoint of Russian criminal law, the life and health of an unborn child are not independent objects of criminal and legal protection. This article shows that the government can use more opportunities to guarantee the life and health of not only a pregnant woman, but also an unborn child, as well as a newborn child. The article pays special attention to the problem of conflict of norms on the responsibility of special subjects of illegal artificial termination of pregnancy. With the actual complicity of subjects of different types in the illegal termination of pregnancy: 1) a pregnant woman; 2) a person who is not a medical professional; and (or) 3) a medical worker – the qualification of the deed must be carried out in accordance with the principle of individual responsibility, by choosing one of the related elements of crimes with the corresponding sign of a special subject. However, at present, the legal question of the basis of a woman's responsibility for illegal termination of pregnancy has not been resolved, and it is not clear by what criteria the legislation differentiates the administrative and criminal liability of medical workers and other persons for the same acts (Article 6.32 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation). In recent years, scientific studies have appeared justifying the expediency of criminalizing a number of socially dangerous acts committed by pregnant women and women in labor (maternity hospitals). The position of the authors of this article is only partially consistent with the proposals made. The authors of the article do not question the right of a woman to make an independent decision on the birth of a child, but recognize as justified the criminal law prohibition on artificial termination of pregnancy when there are no circumstances of a medical or social nature that exclude or significantly reduce the public danger of this act. The article argues that the range of new types of acts committed by maternity hospitals proposed in the doctrine for the purpose of criminalization is unreasonably expanded, in particular, there are no grounds for criminalizing the murder of a terminally ill newborn child by a mother on the grounds of compassion; intentional infliction by a mother of minor harm to the health of a newborn child, as well as causing death by negligence to a newborn child by a mother who is in a state of intoxication.

Key words: criminalization; systematization of criminal law; conflict of rules on liability; crimes against life; infringement on life and health of a newborn or unborn child; illegal artificial termination of pregnancy; actual complicity of special subjects.
Citation. Klenova T. V., Nurkayeva T. N. *O kollizii norm ob ugolovnoi otvetstvennosti spetsial'nykh sub"ektov za posyagatel'stvo na zhizn' i zdorov'e novorozhdennogo ili nerodivshegosya rebenka* [On the conflict of norms on criminal liability of special subjects for encroachment on life and health of a newborn or unborn child]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 39–46. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-39-46 [in Russian].
Information on the conflict of interest: authors declared no conflict of interest.

© Klenova T. V., Nurkayeva T. N., 2024
Tatiana V. Klenova – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
Tatyana N. Nurkaeva – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

В условиях разрастания межгосударственных и межкультурных конфликтов обострилась проблема определения и гарантирования социальных ценностей, начиная с права на жизнь. Дискуссия о защите жизни включает обсуждение пределов ее защиты уголовно-правовыми средствами и неизбежно перетекает в рассуждения о политике легализации или, напротив, криминализации абортов, причем в сопоставлении ответственности за прерывание беременности медицинского работника, лица, не являющегося медицинским работником, и самой женщины. Также в предмет обсуждения включается вопрос о дифференциации уголовной ответственности общих и специальных субъектов. Как следствие, не только с канонических (религиозных) и морально-нравственных позиций, но и с учетом функций и задач государственного управления, связанных с регулированием народонаселения, защитой материнства и детства, а также с определенным представлением о гендерном равенстве/неравенстве, инициируется ревизия соответствующих уголовно-правовых запретов.

Возможности криминализации также рассматриваются под углом систематизации преступлений против жизни и здоровья, преступлений против семьи и несовершеннолетних и (или) преступлений в сфере здравоохранения, хотя в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) составов преступлений с очевидной такой взаимосвязанностью мало. В основном это составы преступлений против жизни и здоровья с признаком специального потерпевшего – женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (например, п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3 ст. 110^1). И есть уникальный состав убийства новорожденного ребенка, где специальным субъектом названа мать этого ребенка (ст. 106). Реальность такова, что беремен-

ными женщинами, роженицами (родильницами) совершаются и другие общественно опасные деяния, которые ныне преступлениями не признаются. Закономерно, что появляются научные исследования, авторы которых привлекают внимание к таким пробелам в уголовном законодательстве. Это работы Н. Е. Крыловой [1], А. В. Малешиной [2], Л. А. Кудаевой [3].

Уголовный закон также содержит составы преступлений других специальных субъектов, вменяемые в случаях посягательств на жизнь не только новорожденного, но и неродившегося ребенка. В части 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ предусмотрена ответственность, соответственно, за причинение по неосторожности смерти и тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Здесь прямо не говорится о медицинских работниках, но по названным статьям квалифицируются деяния в том числе медицинских работников, не оказавших необходимую медицинскую помощь беременной женщине или выполнивших свои профессиональные обязанности с нарушением правил, например без соблюдения соответствующих санитарно-эпидемиологических требований, когда это повлекло прерывание беременности и (или) другие фатальные последствия для женщины и (или) ребенка. При этом в УК РФ есть состав, где прямо говорится о незаконном проведении искусственного прерывания беременности, правда, другим субъектом – лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123). Последний состав является смежным, но никак не специальным по отношению к составам ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, поскольку признаки субъектов этих преступлений взаимоисключающие и нет конкретизации одного в другом.

В юридической литературе все чаще ставится вопрос о криминализации незаконного проведения искусственного прерывания беременности медицинским работником, тем более что он прямо указан в примечании к ст. 6.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности» [4, с. 23], а также обсуждается вопрос о дифференциации уголовной ответственности за незаконное производство аборта по признаку наличия или отсутствия у субъекта преступления высшего медицинского образования [5, с. 9].

Удивительно, но иногда случаи неоказания надлежащей помощи медицинскими работниками беременной женщине с последствиями в виде осложнений во время родов и смерти ребенка или вреда его здоровью квалифицируют вообще иначе: как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет, по п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ; или как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти человека, по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ. К настоящему времени такие судебные позиции теряют силу. Показательно, что по уголовному делу № 01-0073/2024 в отношении медицинских работников роддома Гагаринский районный суд города Москвы оправдал Г. в отношении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, а К. Г., К. М. и К. А. признал виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Следовательно, содеянное квалифицировано не как преступление против здоровья населения, а как преступное посягательство на жизнь человека [6].

Таким образом, по УК РФ фактическое соучастие разных специальных субъектов в незаконном прерывании беременности (женщины и лица, не являющегося медицинским работником, или медицинского работника) будет оцениваться по-разному, при этом для одной из сторон – беременной женщины – вывод о преступности деяния исключается по действующему законодательству.

Не вдаваясь здесь в обсуждение обстоятельств и ситуаций, объясняющих и извиняющих поведение женщины, решившей прервать беременность даже с нарушением сроков, предусмотренных законодательством в сфере охраны здоровья, обобщим нормативные позиции. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает искусственное прерывание беременности с рядом ограничений (запретов): искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель; по социальным показаниям – при сроке беременности до 22 недель; при наличии медицинских показаний и согласия женщины – независимо от срока беременности. И в части 8 ст. 56 настоящего Закона сказано, что незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Однако здесь не определен круг субъектов ответственности. Зато в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и в УК РФ ответственность возлагается на определенных специальных субъектов, да так, что это допускает трактовку о пониженной юридической ответственности медицинских работников. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях административная ответственность предусмотрена для *медицинских работников и должностных лиц* (видимо, должностных лиц медицинской организации. – *Т. К и Т. Н.*) *за нарушение требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности* (ст. 6.32). А вот уголовная ответственность возложена на *лиц, не имеющих высшего медицинского образования соответствующего профиля, за незаконное проведение искусственного прерывания беременности* (ст. 123 УК РФ). В последнем случае речь идет о своеобразном, но все же специаль-

ном субъекте, поскольку из круга субъектов преступления предусмотрено исключение. Многие комментаторы ст. 123 УК РФ к числу субъектов этого преступления относят как частных лиц, так и медицинских работников с высшим образованием иного профиля (стоматолога, терапевта, невропатолога и др.), а также средний медицинский персонал и узких специалистов, хотя и имеющих отношение к родовспоможению, но не получивших высшего медицинского образования (например, медицинских сестер, фельдшеров, акушерок) [7, с. 520].

Приведенные нормативные позиции образуют коллизию, не только потому что административно-правовая и уголовно-правовая нормы, направленные на решение одной задачи, рассогласованы, но и поскольку они не могут быть сопоставлены с общей нормой об ответственности за незаконное прерывание беременности. В УК РФ такой нормы нет, да и в принципе не взяты под уголовно-правовую охрану жизнь и здоровье неродившегося ребенка.

Для справки: в теологических положениях аборт приравнивается к человекоубийству: *qui conceptum in utero per abortum deleverit homicida («кто убил абортом плод во чреве, является человекоубийцей»).* Напротив, в уголовном законодательстве и уголовном праве общая позиция не сформировалась. Причем дискуссионность вопроса подтверждается исторически. Например, накануне Первой мировой войны в 1914 г. на съезде русской группы Международного союза криминалистов была принята резолюция об исключении аборта из числа преступных деяний. Но «эта резолюция вызвала протесты ‘‘стариков’’, проф. Таганцева, Набокова и др. А. Зарудный возражал против ненаказуемости аборта с точки зрения этики, не допускающей уничтожения жизни» [8, с. 10]. Напротив, среди врачей тогда в общем преобладал взгляд о преступности аборта, но XII Пироговский съезд 1913 г. принял резолюцию о ненаказуемости за аборт женщины и производившего операцию по ее просьбе врача; «лишь врачи, ‘‘сделавшие аборт из корыстных целей своей профессией’’, подлежат суду» [8, с. 10].

Не ставя под сомнение право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, отметим, что вполне обоснован уголовно-правовой запрет на искусственное прерывание беременности, когда нет обстоятельств медицинского или социального характера, исключающих или существенно снижающих общественную опасность этого деяния. *Незаконный аборт не может отождествляться с убийством ни для кого, но это преступление против жизни.*

Многие авторы предлагают осуществлять уголовно-правовую охрану жизнеспособного плода человека на поздних сроках беременности, правда, видят решение этой проблемы по-разному. Так, по мнению А. В. Малешиной, главу 16 УК РФ следует дополнить ст. 105[1] *«Противоправное умышленное умерщвление жизнеспособного плода»*, изложив ее в следующей редакции: *«Противоправное умышленное умерщвление жизнеспособного плода наказывается лишением свободы на срок до пяти лет»* [2, с. 151].

Считаем, что такую статью неуместно включать в субинститут ответственности за убийства, ведь речь идет о неродившемся ребенке, а значит это не убийство, и место новой статьи – не среди статей об убийствах, а рядом со ст. 123 УК РФ. А также полагаем, что предложенный этим автором вариант редакции статьи носит слишком общий характер и нуждается в конкретизации. В частности, в целях более точной квалификации важно на законодательном уровне указать критерии жизнеспособности плода, кроме того, четче определить круг субъектов предполагаемого преступления, дифференцировав их ответственность: ведь одно дело, когда умерщвление жизнеспособного плода совершает сама беременная женщина, а другое – постороннее лицо или даже медицинский работник.

Развивая идею, высказанную А. В. Малешиной, Л. А. Кудаева, руководствуясь п. 1 приложения № 1 к приказу Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» [9], делает вывод, что жизнеспособным является плод, находящийся в утробе матери и превышающий возраст 22 и более недели, и что за уничтожение плода на поздних сроках беременности (за исключением абортов по медицинским показаниям) женщина должна нести уголовную ответственность. В этих целях Л. А. Кудаева предлагает ввести в УК РФ ст. 106[1] (*Умышленное повреждение или уничтожение матерью жизнеспособного плода на поздних сроках беременности*), изложив ее в следующей редакции:

«1. Умышленное существенное повреждение или уничтожение матерью одного, двух или более жизнеспособных плодов, находящихся в ее утробе и превышающих возраст 22 и более недели, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказываются исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Умышленное существенное повреждение или уничтожение матерью одного, двух или более жизнеспособных плодов, находящихся в ее утробе и превышающих возраст 22 и более недели, в отсутствие психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказываются принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на тот же срок» [10, с. 100].

Согласны, что введение самостоятельного состава преступления об умышленном уничтожении беременной женщиной жизнеспособного плода на поздних сроках беременности весьма актуально. Доказано, что у жизнеспособного плода ребенка на поздних сроках беременности женщины все органы, системы органов полностью сформирова-

ны: он дышит, реагирует на свет, тепло, шум [11, с. 12]. Поэтому посягательство на жизнеспособный плод в возрасте свыше 22 недель, несомненно, общественно опасно, и жизнь будущего ребенка должна быть поставлена под самостоятельную уголовно-правовую охрану. Однако относительно авторской редакции предлагаемой статьи есть возражения. Если проект части первой статьи 106^1, по-видимому, содержит необходимые условия для отнесения содеянного к числу привилегированных составов преступлений, то в части второй данной статьи таких обстоятельств нет. Удивляет, что Л. А. Кудаева сконструировала санкции в предлагаемой статье 106^1 более строгие, чем санкция части 1 ст. 123 УК РФ (*Незаконное проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля*), в которой вообще не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Для вменения любого привилегированного состава преступления важно понимать, что является *основополагающим фактором,* существенно понижающим степень общественной опасности содеянного. В данном случае это не сам факт нахождения женщины в состоянии беременности, а *те изменения (отклонения) в психике женщины, которые происходят под влиянием особенностей протекания ее беременности либо под влиянием иных внешних обстоятельств, которые могут травмировать психику женщины (психотравмирующих обстоятельств), при условии, что она (женщина) сохраняла контроль над своим поведением.*

Для тех случаев, когда умысел беременной женщины на умерщвление своего ребенка на поздних сроках беременности возник и реализовался при отсутствии смягчающих вину обстоятельств, уместно предусмотреть более строгую ответственность.

С учетом сказанного предлагаем авторский вариант ст. 123^1 УК РФ (*Незаконное проведение искусственного прерывания беременности на поздних ее сроках самой женщиной)*:

«1. *Умышленное умерщвление жизнеспособного плода, превышающего возраст 22 и более недели, беременной женщиной, находящейся в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного особенностями протекания ее беременности либо влиянием иных внешних обстоятельств, способных травмировать психику женщины, – наказывается... (преступление небольшой тяжести).*

2. *Умышленное умерщвление жизнеспособного плода, превышающего возраст 22 и более недели, беременной женщиной при отсутствии исключительных обстоятельств, – наказывается… (преступление средней тяжести)».*

В целях разграничения ст. 123^1 и ст. 123 УК РФ целесообразно в последнюю внести уточнения, назвав ее *«Незаконное проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины иными лицами»*, дифференцировав в ней ответственность *лица, не имеющего медицинского образования (повитухи, знахарки); медицинского работника, не имеющего медицинского образования соответствующего профиля (терапевт, офтальмолог), и лица, имеющего высшее медицинское образование соответствующего профиля, при совершении деяния с нарушением сроков, установленных законодательством для проведения искусственного прерывания беременности.*

В доктрине уголовного права высказаны рекомендации о криминализации и других общественно опасных деяний, совершаемых исключительно женщинами. Наше отношение к этому неоднозначное. Так, Л. А. Кудаева предлагает дополнить УК РФ статьями, предусматривающими ответственность за умышленное причинение матерью тяжкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 111^1); умышленное причинение матерью средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 112^1); умышленное причинение матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 115^1).

Действительно, подобные деяния сегодня уголовно ненаказуемы, хотя и обладают достаточно высокой степенью общественной опасности, особенно когда речь идет о причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка [10, с. 102-103]. Однако выделять их в указанные выше самостоятельные статьи считаем нецелесообразным. Логичнее было бы сконструировать одну общую статью по типу ст. 113 УК РФ (*Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта*), поместить ее вслед за последней, изложив в следующей редакции. *Ст. 113^1. Умышленное причинение матерью тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка*: *«Умышленное причинение матерью тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка сразу после родов, сопровождавшихся отклонениями в психике женщины, не исключающими ее вменяемости, возникшими под влиянием родов или иных связанных или не связанных с родами психотравмирующих обстоятельств, – наказывается... (преступление небольшой тяжести)».*

Что же касается умышленного причинения матерью легкого вреда здоровью новорожденного ребенка (ст. 115^1), то с учетом сложившихся в теории уголовного права принципов (оснований) криминализации: достаточно высокая степень общественной опасности деяний; их относительная распространенность и типичность; динамика указанных деяний; невозможность ведения успешной борьбы с ними менее репрессивными мерами и проч. [12, с. 525] – устанавливать уголовную ответственность за подобные деяния считаем нецелесообразным, поскольку они не достигают достаточной в уголовно-правовом смысле степени общественной опасности.

Нельзя согласиться и с предложением о криминализации убийства матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания

(ст. 106^2). Полагаем, что вопрос об установлении уголовной ответственности за совершение данного общественно опасного деяния не может быть решен в отрыве от общей проблемы эвтаназии в уголовном праве [13, с. 16].

Суть эвтаназии сводится к одному – избавить больного человека, не имеющего надежды на исцеление, от мучительной боли, проявляющейся в виде страданий физического, душевного и социального характера, а мотивом деяния является сострадание к больному человеку. На сегодняшний день на территории Российской Федерации эвтаназия законодательно запрещена, под уголовно-правовым запретом находится как активная, так и пассивная ее формы. Это положение нормативно отражено в ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 19.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая определяет эвтаназию как «ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента». Такие действия в теории уголовного права определяются как «простое» убийство и так же в судебной практике квалифицируются (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Вопрос о допустимости эвтаназии в России волновал общественность всегда, не утратил он своей актуальности и сегодня. Сама идея эвтаназии как проявления естественного права человека распоряжаться своей жизнью вполне допустима, но только в экономически развитом, зрелом в нравственном отношении обществе и в отношении определенной категории неизлечимо больных лиц, которые по состоянию своего здоровья испытывают чрезвычайно сильные физические и нравственные мучения и страдания. Вместе с тем мы солидарны с мнением противников введения эвтаназии, поскольку в условиях реальной действительности это может привести к злоупотреблениям в отношении наименее защищенных лиц.

С учетом сказанного считаем, что нецелесообразно вводить новые привилегированные составы: «убийство по просьбе потерпевшего (или из сострадания)» и «убийство матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания». Полагаем, что наличие среди обстоятельств, смягчающих наказание, такого, как совершение преступления по мотиву сострадания, вполне достаточно для индивидуализации уголовной ответственности в этих случаях [10, с. 82]. Кроме того, в случае лишения жизни матерью неизлечимо больного новорожденного ребенка по мотиву сострадания должна обсуждаться возможность прекращения уголовного преследования в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Неубедительным выглядит и вывод Л. А. Кудаевой о целесообразности дополнения ст. 109 УК РФ (*Причинение смерти по неосторожности*) частью 1^1, где этот автор предлагает установить повышенную ответственность за причинение смерти по неосторожности новорожденному ребенку матерью, находящейся в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ. На основе изучения судебной практики Л. А. Кудаева справедливо отмечает, что общественная опасность причинения смерти новорожденному в ситуации, когда кормящая мать осознанно употребляет спиртные напитки и, находясь в этом состоянии, неосторожно лишает ребенка жизни, выше, нежели неосторожное причинение смерти новорожденному ребенку матерью, которая не имеет опыта ухода за младенцем [10, с. 152]. Но из этого вовсе не следует вывод о необходимости введения в уголовный закон нового состава преступления. Реальным средством индивидуализации уголовной ответственности в этих случаях является положение, закрепленное ч. 1^1 ст. 63 УК РФ, согласно которому суд может признать нахождение лица в состоянии опьянения в момент совершения преступления отягчающим обстоятельством. Другое дело, что по непонятным причинам суды редко используют этот правовой инструмент, назначая виновным весьма мягкие наказания [10, с. 150–151].

Резюмируя сказанное, отметим, что вопрос о криминализации ряда новых общественно опасных деяний, совершаемых женщинами, действительно назрел. Особенно когда речь идет о постановке под уголовно-правовую охрану жизни ребенка на поздних сроках беременности либо об ответственности матери за умышленное причинение вреда здоровью новорожденного ребенка сразу после родов. Введение этих уголовно-правовых норм позволит говорить о группе преступлений, совершаемых только женщинами и обладающих определенными специфическими особенностями, исследование которых позволит выработать единые критерии, влияющие на дифференциацию и индивидуализацию ответственности данной категории лиц. При этом должно быть гарантировано право женщины принимать самостоятельное решение о рождении ребенка, когда есть обстоятельства медицинского или социального характера, исключающие или существенно снижающие общественную опасность искусственного прерывания беременности.

Если жизнь и здоровье неродившегося ребенка признать самостоятельными объектами уголовной-правовой охраны, то это потребует по-новому систематизировать нормы об уголовной и административной ответственности общих и специальных субъектов за посягательства на жизнь и здоровье неродившегося или новорожденного ребенка (отличающиеся от убийств), в том числе путем преодоления коллизии норм об ответственности специальных субъектов за незаконное искусственное прерывание беременности.

В условиях фактического соучастия субъектов разных видов в незаконном прерывании беременности: 1) беременной женщины; 2) лица, не являющегося медицинским работником; и (или) 3) ме-

дицинского работника, как имеющего высшее медицинское образование соответствующего профиля, так и не имеющего высшего медицинского образования соответствующего профиля, – квалификация содеянного должна осуществляться в соответствии с принципом индивидуальной ответственности с вменением одного из смежных составов с соответствующим признаком специального субъекта. Наименее суровая ответственность за участие в незаконном прерывании беременности должна возлагаться на женщину, и наиболее суровая – на медицинского работника. В настоящее время системный анализ соответствующих статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о пониженной юридической ответственности медицинских работников по сравнению с лицами, не имеющими высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 6.32 КоАП РФ и ст. 123 УК РФ). Считаем такое положение дел недопустимым.

Библиографический список

1. Крылова Н. Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей жизни» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2002. № 6. С. 38–53. URL: https://istina.msu.ru/download/86896089/1su64r:w6rWNP958QafQ9-y51ZHri7nI7k/.

2. Малешина А. В. Перспективы и возможности уголовно-правовой охраны «будущей жизни» (сравнительно-правовой анализ) // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 3 (296). С. 132–152. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16814034. EDN: https://www.elibrary.ru/odymid.

3. Кудаева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 32 с. URL: https://www.dissercat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel/read.

4. Аськов Н. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, при оказании медицинской помощи / под ред. Т. В. Кленовой. Москва: Юрлитинформ, 2022. 184 с.

5. Лозанович Л. А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 22 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002743889.pdf?ysclid=m1kj8f5x4v36526057.

6. Приговор медикам роддома. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/news/gagarinskim-rajonnym-sudom-goroda-moskvy-provozglashen-prigovor-medikam-roddoma (дата обращения: 17.06.2024).

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. Москва: Проспект, 2019. 1536 с. URL: https://reader.lanbook.com/book/150865/preview#1.

8. Равич М. Аборт в истории уголовного права // Советская юстиция. 1936. № 34. С. 9–10.

9. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (с изм. и доп. от 13.10.2021 № 987н) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418438&ysclid=m1kk49l4s3353543373.

10. Кудаева Л. А. Проблемы реализации уголовной политики в отношении преступлений, совершаемых исключительно женщинами: теория, законодательство и правоприменительная практика: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 328 с. URL: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf.

11. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 465 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663/.

12. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. Москва: Проспект, 2022. 728 с. URL: https://book.ru/book/946727.

13. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. 256 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000024098/.

References

1. Krylova N. E. *Otvetstvennost' za nezakonnoe proizvodstvo aborta i neobkhodimost' ugolovno-pravovoi zashchity «budushchei zhizni»* [Responsibility for the illegal production of abortion and the need for criminal legal protection of the «future life»]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2002, no. 6, pp. 51–52. Available at: https://istina.msu.ru/download/86896089/1su64r:w6rWNP958QafQ9-y51ZHri7nI7k [in Russian].

2. Maleshina A. V. *Perspektivy i vozmozhnosti ugolovno-pravovoi okhrany «budushchei zhizni» (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Prospects for the criminal protection of «potential human life» (the comparative analysis)]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Pravovedenie], 2011, no. 3, pp. 132–152. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16814034. EDN: https://www.elibrary.ru/odymid [in Russian].

3. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugolovnoi politiki v otnoshenii prestuplenii, sovershaemykh isklyuchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprimenitel'naya praktika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems

of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 32 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/problemy-realizatsii-ugolovnoi-politiki-v-otnoshenii-prestuplenii-sovershaemykh-isklyuchitel/read [in Russian].

4. Askov N. N. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, pri okazanii meditsinskoi pomoshchi. Pod red. T. V. Klenovoi* [Klenova T. V. (ed.) Circumstances excluding the criminality of an act in the provision of medical care]. Moscow: Yurlitinform, 2022, 184 p. [in Russian].

5. Lozanovich L. A. *Nezakonnoe proizvodstvo aborta: ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Illegal abortion: criminal law and criminological aspects: author's abstract of Candidate of Legal Sciences thesis]. Stavropol, 2004, 22 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002743889.pdf?ysclid=m1kj8f5x4v36526057 [in Russian].

6. *Prigovor medikam roddoma* [Sentence to the doctors of the maternity hospital]. Available at: https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/news/gagarinskim-rajonnym-sudom-goroda-moskvy-provozglashen-prigovor-medikam-roddoma (assecced 17.06.2024) [in Russian].

7. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Pod red. A. I. Chuchaeva* [Criminal Code of the Russian Federation. Commentary with guide for judicial practice. Edited by Doctor of Law, professor A. I. Chuchaev]. Moscow: Prospekt, 2019, 1536 p. Available at: https://reader.lanbook.com/book/150865/preview#1 [in Russian].

8. Ravich M. *Abort v istorii ugolovnogo prava* [Abortion in the history of criminal law]. *Sovetskaya yustitsiya*, 1936, no. 34, pp. 9–10 [in Russian].

9. *Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 27.12.2011 No. 1687n (s izm. i dop. ot 13.10.2021, No. 987n) «O meditsinskikh kriteriyakh rozhdeniya, forme dokumenta o rozhdenii i poryadke ego vydachi»* [Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia dated 27.12.2011 No. 1687n (as amended on 13.10.2021, No. 987n) «On the medical criteria of birth, the form of the birth certificate and the procedure for its issuance»]. Available at: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=418438&ysclid=m1kk49l4s3353543373 [in Russian].

10. Kudaeva L. A. *Problemy realizatsii ugolovnoi politiki v otnoshenii prestuplenii, sovershaemykh isklyuchitel'no zhenshchinami: teoriya, zakonodatel'stvo i pravoprimenitel'naya praktika: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of the implementation of criminal policy in relation to crimes committed exclusively by women: theory, legislation and law enforcement practice: Candidate of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2023, 328 p. Available at: http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/17-03-2023-2d.pdf [in Russian].

11. Popov A. N. *Prestupleniya protiv lichnosti pri smyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Crimes against the person under mitigating circumstances]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001, 456 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000726663 [in Russian].

12. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: problemnyi kurs dlya magistrantov i aspirantov: v 3 t. T. 1. Vvedenie v ugolovnoe pravo. Pod obshch. red. A. N. Savenkova; nauch. red. i ruk. avt. kol. A. I. Chuchaev* [Savenkov A. N. (ed.) Criminal law of the Russian Federation: problem course for undergraduates and postgraduates: in 3 vols. Vol. 1. Introduction to criminal law; scientific editorship and leader of the writing team A. I. Chuchaev]. Moscow: Prospekt, 2022, 728 p. Available at: https://book.ru/book/946727 [in Russian].

13. Nurkaeva T. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki:* monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. [Criminal law protection of an individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice: monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2017, 255 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000024098 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 10.09.2024

Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя)

С. Б. Россинский
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: В статье выявляются наиболее вероятные причины, предопределившие отсутствие четкого нормативного разграничения разных по смыслу и предназначению компонентов уголовного-процессуального доказывания: собирания доказательств и исследования доказательств. Такие причины в первую очередь связываются с недостатками и склонностью к ненадлежащему толкованию некоторых известных положений разработанной профессором С.А. Шейфером и поддерживаемой многими учеными-процессуалистами теории следственных действий как основных и фактически безальтернативных способов накопления доказательственного материала, подлежащего использованию для установления имеющих значения для уголовного дела обстоятельств. В частности, отмечается игнорирование ученым и его единомышленниками других, более предрасположенных к установлению различий между собиранием и исследованием доказательств приемов работы с доказательствами. В этой связи прогнозируются перспективы проведения новых научных изысканий, направленных на рассмотрение сущности, субъектов, форм и методов исследования доказательств, на выявление более четких и понятных критериев его отграничения от других компонентов доказывания, прежде всего от проверки собирания и доказательств.
Ключевые слова: доказывание; исследование доказательств; приобщение доказательств; следственные действия; собирание доказательств; структура доказывания; судебные действия; формирование доказательств.
Цитирование. Россинский С. Б. Собирание доказательств vs исследование доказательств в контексте шейферовской теории следственных действий (к 100-летию со дня рождения Учителя) // Юридический вестник Самарского университета. Juridical Journal of Samara University. 2024 Т. 10, № 3 С. 47–54. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2024
Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 10.09.2024

Collection of evidence VS examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday)

S. B. Rossinskiy
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article identifies the most probable reasons that influenced the predetermined absence of a clear normative distinction between components of criminal procedural proof that differ in meaning and purpose: collection of evidence and examination of evidence. These reasons are primarily associated with the shortcomings and tendency to improperly interpret some well-known provisions of the theory of investigative actions developed by Professor S.A. Shafer, which is supported by many procedural scientists. This theory understands investigative actions as the main and virtually uncontested methods of accumulating evidence, which should be used to establish circumstances that are significant for a criminal case. In particular, it is noted that the scientist and his associates ignore other methods of working with evidence that are more predisposed to understanding the differences between collecting and examining evidence. In this regard, prospects for new scientific research are predicted, which will be aimed at examining the essence, subjects, forms and methods of examining evidence, identifying clearer and more understandable criteria for distinguishing it from other components of proof, primarily from checking the collection and evidence.
Key words: proof; examination of evidence; inclusion of evidence; investigative actions; collection of evidence; structure of proof; judicial actions; formation of evidence.

2024. Т. 10, № 3. С. 47–54
2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54

Citation. Rossinskiy S. B. *Sobiranie dokazatel'stv vs issledovanie dokazatel'stv v kontekste sheiferovskoi teorii sledstvennykh deistvii (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Uchitelya)* [Collection of evidence vs examination of evidence in the context of the Shafer theory of investigative actions (on the 100th anniversary of the Teacher's birthday)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 47–54. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-47-54 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Rossinskiy S. B., 2024
Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, professor, chief researcher of the sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Введение

В декабре 2024 г. исполняется сто лет со дня рождения выдающегося отечественного ученого-процессуалиста, известнейшего специалиста в области теории и практики доказывания, производства следственных действий, становления и развития досудебной уголовной юстиции – заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Семена Абрамовича Шейфера (1924–2017).

Автор настоящей статьи был близко знаком и дружен с С. А. Шейфером на протяжении долгих семнадцати лет: со времени своих первых шагов в науке и до последних дней жизни покойного профессора. Семен Абрамович стал для автора статьи одним из Учителей и наставников; он пробудил подлинный интерес к сложным и никак не поддающимся разрешению проблемам уголовно-процессуального доказывания, в первую очередь связанным с сущностью и способами собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу, оказывал неоценимую помощь, неоднократно давал мудрые и полезные советы; поддержал положительным отзывом на автореферат кандидатской диссертации и добрым словом при защите докторской диссертации.

При этом влияние С. А. Шейфера было настолько сильным, а его научный авторитет – настолько незыблемым, что высказанные в его публикациях идеи и тезисы казались чем-то неоспоримым, очевидным, само собой разумеющимся. Именно таковой виделась созданная в начале 1970-х гг. и «отшлифованная» в последующем знаменитая шейферовская теория следственных действий как единственных и безальтернативных способов собирания уголовно-процессуальных доказательств [1, с. 15–16; 2, с. 12–14; 2, с. 33–34], поддержанная и «принятая на вооружение» целым рядом других известных ученых-процессуалистов.

Но жизнь не стоит на месте. Уголовно-процессуальная доктрина, законодательство, правоприменительная практика объективно нуждаются в дальнейшем развитии. Поэтому ученикам надлежит, вставая на плечи своих Учителей и наставников, идти вперед, продолжать их дело, иногда сталкиваясь с осознанием объективной потребности в частичном изменении и корректировке прежних подходов, с уразумением необходимости поиска каких-то альтернативных либо вариативных решений существующих проблем. И такая научная преемственность видится вполне нормальной, конструктивной, соответствующей известным законам диалектического развития объективной реальности. Гораздо хуже было бы наблюдать абсолютную завершенность какой-либо теории, обуславливающую тупиковость, бесперспективность дальнейших изысканий в отношении ее предмета, полную утрату интереса к некогда актуальным вопросам и постепенное забвение работавших в данном направлении ученых. Именно так всегда считал и Семен Абрамович. И если бы он мог созерцать по-прежнему вызываемые его публикациями споры и дискуссии, то, вне всяких сомнений, был бы искренне рад и благодарен ученикам, последователям и даже оппонентам за сохранение своего имени и своих взглядов в центре самого пристального научного внимания.

Во всяком случае, на сегодняшний день определенные положения шейферовской теории уже видятся не бесспорными, требующими частичного пересмотра и переосмысления. Кроме того, некогда сформулированные С. А. Шейфером позиции представляются далеко не завершенными, не охватывающими всех нюансов начального этапа работы с доказательствами. И наконец, некоторые суждения ученого оказались предрасположенными к неоднозначному толкованию, к ненадлежащему уяснению заложенного в них смысла читателями-адресатами, в том числе допущенными к правотворчеству лицами.

В этой связи перед учениками и последователями Семена Абрамовича открывается целое «непаханое поле» для проведения новых изысканий, посвященных проблемам доказывания в целом и накопления доказательственного материала в частности. Одной из таких проблем – проблеме, связанной с соотношением собирания и исследования доказательств, – и посвящается настоящая статья.

Шейферовская теория следственных действий – «плоть от плоти» кибернетической концепции доказывания

А начать хотелось бы с напоминания о приверженности С. А. Шейфера к так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания – известному подходу к сущности доказательств, возникшему во второй половине 1960-х гг. на фоне повального увлечения советского общества кибернетикой и стремления внедрить «кибернетические формулы» во все без исключения сферы жизнедеятельности, в том числе и в уголовную юстицию. Собственно говоря, шейферовская теория следственных действий стала «плотью от плоти»

кибернетической концепции. Ее возникновение было вполне закономерной реакцией на подобный подход к доказыванию, напрямую связанной с предопределенной им общей актуализацией вопросов получения, хранения, преобразования и передачи доказательственной информации, то есть с возросшим интересом ученых-процессуалистов к когнитивно-удостоверительному компоненту доказывания, механизмам накопления доказательственного материала. Одновременно хотелось бы напомнить, что основанная на понимании доказательств как полезных сведений, находящихся в неразрывном единстве со своими носителями и передаваемых в виде информационных сигналов, кибернетическая концепция в конце концов получила официальное признание и стала доктринальным фундаментом для современного доказательственного права, в первую очередь для предусмотренной ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс) легальной дефиниции доказательств, к слову, удостоенной позитивной оценки С. А. Шейфера [3, с. 56].

Вместе с тем на поверку кибернетическая концепция доказывания оказалась не столь безупречной, каковой изначально представлялась ее авторам и адептам (В. Я. Дорохову, Л. М. Карнеевой, А. А. Хмырову, другим известным советским ученым), не столь безукоризненной, каковой ее хотел видеть С. А. Шейфер. Со временем в ее положениях обнаружились достаточно существенные изъяны. А самый главный недостаток выразился в сведении всей работы с доказательствами не более чем к информационному процессу, то есть в игнорировании мыслительно-логической фазы доказывания [4, с. 62; 5, с. 73] – деятельности по оперированию доказательствами как логическими доводами и аргументами, позволяющими дознавателям, следователям, судам обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – пытаться оказывать посильное влияние на характер и содержание таких решений. Причем, по всей вероятности, именно этот доктринальный изъян и стал одной из причин, предопределивших ущербность нормативно установленной структуры уголовно-процессуального доказывания, сводящейся к известной трехчленной формуле: «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств» (ст. 85 УПК РФ).

Ведь в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обосновывалась потребность в использовании достаточно широкого, как бы универсального подхода к сущности доказывания, максимально соответствующего «естественным», «данным свыше», не зависящим от изобретенных людьми и установленных уголовно-процессуальным законом правил закономерностям гносеологии и формальной логики и, таким образом, обеспечивающего аутентичную взаимосвязь теории с реалиями правоприменительной практики [6, с. 65–73; 7, с. 18–22 и др.]. В этой связи доказыванием надлежит считать специальную практическую деятельность участников уголовно-процессуальных правоотношений, состоящую в совокупности взаимосвязанных когнитивно-удостоверительных приемов и мыслительно-логических операций, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и аргументации предопределенных ими приговоров либо иных правоприменительных актов [7, с. 22].

Исходя из подобного и, по мнению автора, наиболее правильного методологического подхода, ущербность легально определенной структуры доказывания становится достаточно очевидной. Сразу возникает осознание потребности в ее дополнении еще одним компонентом – так называемым использованием доказательств. Именно использование доказательств включает те самые мыслительно-логические операции, ради которых и накапливаются предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационные активы. Именно оно сводится к умственной генерации полученных сведений в прикладные знания о подлежащих установлению обстоятельствах, а затем – в соответствующие решения либо позиции сторон. Кстати, советские ученые-процессуалисты, не ставшие приверженцами кибернетической концепции, в частности Ф. Н. Фаткуллин, Л. Д. Кокорев, неоднократно заявляли об использовании доказательств (вариативно – об основании выводов) как о необходимом этапе доказывания [8, с. 8; 9, с. 208–209 и др.]. Но данные призывы так и не получили законодательной поддержки.

Собирание и исследование доказательств как автономные компоненты уголовно-процессуального доказывания

Однако только этим недостатки предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуры уголовно-процессуального доказывания не ограничиваются. Представляется, что она нуждается в пополнении еще одним важным компонентом – исследованием доказательств, сводящимся к сугубо когнитивным (познавательным) приемам работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного процесса.

На первый взгляд подобные предложения могут показаться излишними, явно надуманными, лишь усложняющими и без того непростые, порождающие множество вопросов, вызывающие целый ряд практических затруднений правила работы с доказательствами. Ведь законом вроде бы уже предусматриваются познавательно ориентированные, направленные на восприятие полезных сведений компоненты доказывания, в первую очередь собирание доказательств. Однако подобное впечатление является достаточно обманчивым – при более детальном и обстоятельном погружении в тонкости когнитивно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания различия в собирании и исследовании доказательств становятся достаточно очевидными.

Так, под собиранием доказательств надлежит понимать осуществляемую путем производства следственных, судебных и иных процессуальных действий практическую деятельность дознавателя, следователя, суда, а также эксперта, сводящуюся к накоплению относящихся к предмету доказывания

предметов, документов, сведений посредством их юридического преобразования в предрасположенные к использованию для обоснования приговоров (иных важнейших правоприменительных решений) и установленные ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационные активы: в показания, в заключения, в вещественные доказательства и т. п. Причем ввиду различной природы и различных свойств подобных активов законодателем предусматриваются разнообразные способы их накопления. Такие способы можно разделить на два базовых механизма собирания доказательств: формирование доказательств и приобщение доказательств к уголовному делу.

Формирование доказательств состоит в получении принципиально новых познавательных активов в ходе собственной когнитивно-удостоверительной деятельности вышеназванных субъектов в рамках процессуальной формы, то есть в условиях, обремененных рядом юридических гарантий доброкачественности создаваемых продуктов. При этом конкретными способами формирования доказательств являются: следственные действия, судебные действия (судебные действия следственного характера), судебные экспертизы, а их результатами – различные виды показаний, заключения экспертов и результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий. В свою очередь, под приобщением надлежит понимать механизм введения в уголовное дело так называемых паратусных доказательств: вещественных доказательств, документов, заключений специалиста, – осуществляемый путем их представления, истребования либо изъятия с последующим приданием им требуемого юридического состояния посредством вынесения государственно-властных актов о признании доказательствами и приобщении к уголовному делу.

Замысел настоящей статьи не предполагает подробного освещения проблем разграничения уголовно-процессуальных доказательств на формируемые и паратусные, а также связанных с ними научных споров и дискуссий, в частности очередного изложения аргументов, обосновывающих несогласие с рядом положений шейферовской теории следственных действий, – данные вопросы достаточно обстоятельно рассмотрены в других публикациях автора. Вместе с тем все же хотелось бы заострить внимание на одном важном обстоятельстве – на признании собственной ошибки, неосмотрительно допущенной в ходе прежних изысканий. Ведь ранее формирование доказательств расценивалось автором настоящей статьи в качестве механизма, предполагающего сочетание познавательных и фиксационных приемов, то есть интеграцию когнитивного и удостоверительного компонентов доказывания в единую и неразрывную общность. Тогда как приобщение доказательств (в некоторых предыдущих публикациях оно называлось просто собиранием) рассматривалось исключительно в качестве удостоверительного механизма, начисто лишенного какой-либо когниции. Вместе с тем в результате дальнейших научных поисков и размышлений пришло осознание неточности подобных взглядов, возникла убежденность в необходимости частичного пересмотра подобной позиции.

Сами по себе следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы по-прежнему видятся достаточно сложными по характеру способами накопления информационных активов, сочетающими когнитивные и удостоверительные приемы работы органов предварительного расследования и суда, то есть, с одной стороны, направленными на получение каких-либо актуальных сведений, а с другой – предполагающими одновременную возможность преобразования этих сведений в новые доказательства. Однако такая интеграция более не представляется сущностным признаком механизма формирования, отличающим его от механизма приобщения предметов и документов к уголовному делу.

Думается, что в реальности сугубо когнитивные приемы работы не характерны ни для формирования доказательств, ни для их приобщения к материалам дознавательских, следственных либо судебных производств. И формирование, и приобщение надлежит признавать не более чем различными способами юридического удостоверения получаемых доказательственных продуктов, дифференцированными формами процессуальной регистрации таких продуктов в качестве пригодных к использованию (допустимых) средств доказывания. А критерии для их разграничения следует усматривать исключительно в различной природе и разных свойствах подлежащих накоплению информационных активов: формированием считать преобразование полезных сведений в доказательства посредством процессуально-созидательных действий дознавателей, следователей, судов, то есть путем создания, «сотворения» новых продуктов, а приобщением – легализацию уже существующих, то есть возникших или созданных за рамками процессуальных правоотношений предметов или документов, осуществляемую посредством их юридического признания паратусными доказательствами и введения в уголовное дело не как информационного сырья или полуфабрикатов, а как готовых к потреблению изделий.

Одновременно представляется, что подлинно когнитивные приемы присущи не столько собиранию, сколько исследованию доказательств – еще одному, безусловно, взаимосвязанному с собиранием доказательств, но тем не менее самостоятельному, автономному компоненту доказывания, необходимому элементу его структуры. Именно исследование доказательств состоит в перцепции материальных либо идеальных «следов преступления» (следов в широком смысле, то есть любых отображений объективной реальности), в извлечении из них полезных для уголовного дела сведений. Именно оно – исследование – осуществляется посредством восприятия и распознавания дознавателями, следователями, судьями, многими другими участниками судопроизводства внешних признаков и содержания предрасположенных к приобщению, формируемых либо уже имеющихся в уголовном деле информационных активов в целях обеспечения возможности их дальнейшей проверки, оцен-

ки и использования для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств и обоснования правоприменительных решений.

Шейферовская теория следственных действий и возможные причины шероховатостей нормативной регламентации собирания и исследования доказательств

Однако феномен исследования доказательств почему-то так и не удостоился должной нормативной легализации, не был официально признан самостоятельным компонентом работы органов предварительного расследования и других участников уголовного судопроизводства, не нашел отражения в предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуре доказывания. Вместо этого законодатель фактически придал исследованию доказательств значение одного из механизмов судебного познания – исходя из смысла ст. 274, 291 и 389.13 УПК РФ, именно его надлежит считать основным компонентом присущих производству в первой или апелляционной инстанциях судебных действий (судебных действий следственного характера). Причем подобный правотворческий подход представляется хотя и неверным, но вполне объяснимым. Ведь в силу понятных причин суду и сторонам, в отличие от органов предварительно расследования, приходится гораздо чаще сталкиваться с необходимостью когниции уже имеющихся в уголовном деле доказательств. Для этого законом даже специально предусматриваются не свойственные дознавательской и следственной деятельности познавательные процедуры: оглашения показаний, протоколов следственных действий, прочих материалов досудебного производства, осмотры вещественных доказательств и пр. Несвязанность всех подобных действий ни с формированием доказательств, ни с их приобщением к уголовному делу должна быть очевидна любому человеку, пусть даже имеющему самое посредственное представление о механизмах уголовного судопроизводства континентального типа.

Скорее всего, на данную особенность в свое время обратили внимание и разработчики проекта Кодекса. В результате появилась существующая по сей день нормативная конструкция судебного следствия, фактически лишающая суд конкретных полномочий по собиранию доказательств и наделяющая его некими полномочиями по исследованию доказательств. Но при этом никто не заметил, что потребность в восприятии уже имеющихся познавательных активов нередко возникает и в дознавательско-следственной практике, тогда как некоторые судебные действия, например допросы, осмотры местности и помещения, эксперименты, приобщения представленных предметов и документов, наоборот, сопряжены с собиранием новых доказательств. Не было замечено и явное законодательное противоречие, выраженное в несоответствии положений гл. 37 УПК РФ устанавливаемой «Общей частью» того же Кодекса трехзвенной структуре доказывания, включающей лишь собирание, проверку и оценку доказательств.

Конечно, подобные «обвинения» в адрес разработчиков проекта Кодекса могут показаться чересчур резкими. Оппоненты, скорее всего, заявят о неверном понимании автором настоящей статьи ряда положений уголовно-процессуального закона. Одновременно будет указано на ч. 1 ст. 86 УПК РФ, прямо наделяющую суд полномочиями по собиранию доказательств. Вместе с тем эти возражения не возымеют никакого принципиального значения – их принятие к сведению приведет лишь к смягчению высказанных замечаний, но в целом не повлияет на устранение наблюдаемых нормативных противоречий.

В любом случае не исключено, что такие правотворческие шероховатости возникли именно ввиду недостаточной доктринальной ясности в вопросах соотношения и разграничения различных приемов накопления и восприятия пригодных к использованию информационных активов. Причем разработчики проекта Кодекса попытались заполнить данные пробелы путем догматичного и не вполне умелого применения все той же шейферовской теории следственных действий как наиболее авторитетного на тот момент учения о сущности и способах собирания доказательств.

В этой связи резонно еще раз напомнить, что единственно допустимой технологией собирания доказательств С. А. Шейфер считал их формирование, предполагающее преобразование выявляемых сведений в предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ средства доказывания [3, с. 33–34] – эти идеи уже неоднократно обсуждались в научных публикациях, становились «путеводной нитью» для последователей ученого и предметом конструктивной критики для оппонентов. Вместе с тем они никогда не рассматривались с точки зрения возможности оказания негативного влияния на выдвигаемые правотворческие инициативы.

В чем же могло выразиться такое влияние? Ответ на данный вопрос представляется вполне очевидным. Как было отмечено ранее, любые следственные действия предрасположены к решению двух самостоятельных задач: 1) к формированию, то есть собиранию (!) доказательств и 2) к уяснению, то есть исследованию (!), воспринимаемых сведений. Вместе с тем в реальности, будучи интегрированными в единые когнитивно-удостоверительные операции: в осмотры, обыски, допросы и пр., – такие, казалось бы, разные по предназначению компоненты доказывания настолько сильно переплетаются между собой, смешиваются в некое единое целое, что их практическое размежевание, «раскалывание по полочкам» является весьма и весьма затруднительным, по крайней мере для глубоко не погруженных в тонкости рассматриваемой проблематики лиц. Правда, эти сугубо прикладные трудности никоим образом не мешают теоретическому разграничению приемов собирания и исследования доказательств. Но их способны распознать лишь очень и очень немногие специалисты [10, с. 21–22; 11, с. 188].

Такая разница – между собиранием и исследованием – является гораздо более очевидной и заметной в части работы с паратусными доказа-

тельствами. Причем самым предрасположенным к пониманию подобных различий видится предусмотренный ст. 81 УПК РФ алгоритм процессуализации вещественных доказательств, четко разделенный на два этапа: 1) их осматривание – не осмотр как следственное действие, а именно осматривание как способ визуального исследования (!) предметов; 2) юридическое признание средствами доказывания и приобщение к уголовному делу, то есть собирание (!). Однако, увы! – ни сам С. А. Шейфер, ни его научные последователи почему-то никогда не признавали специфического характера всех этих информационных активов, продолжая настаивать на собирании, а точнее, на формировании любых доказательств не иначе как посредством следственных действий. Вполне возможно, что именно данные указанные недочеты шейферовской теории и не позволили разработчикам проекта Кодекса распознать разницу между собиранием и исследованием доказательств как самостоятельными элементами структуры доказывания.

Конечно, существенную помощь в таком распознавании могли оказать результаты более обстоятельного осмысления сущности судебных действий (судебных действий следственного характера), среди которых, как уже указывалось выше, гораздо чаще встречаются основанные на «чистом» исследовании, то есть не предполагающие примеси собирания доказательств, познавательные приемы. Кстати, аналогичные приемы предусматривались и прежним Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР, где также вполне четко говорилось об исследовании доказательств в судебном заседании.

Однако использованию данных подсказок вполне мог помешать еще один известный шейферовский тезис – о возможности проведения следственных действий как самими следователями (дознавателями), так и судами [2, с. 38]. Не исключено, что этот научный посыл также подвергся превратному истолкованию – был понят как исключающий необходимость уделения особого внимания судебно-познавательным и судебно-удостоверительным приемам, как предполагающий преемственность правил их проведения по отношению к правилам работы органов предварительного расследования. По крайней мере, на эту мысль наводят не выдерживающие никакой критики требования, предъявляемые к проведению некоторых судебных процедур, например предъявления для опознания (ст. 289 УПК РФ) и освидетельствования (ст. 290 УПК РФ), которые просто отсылают судей к нормам, посвященным схожим по характеру следственным действиям. Хотя и порядок проведения других свойственных судебному заседанию когнитивно-удостоверительных приемов тоже не отличается высокой степенью индивидуальности: правила судебного допроса отсылают к положениям ст. 187–191 УПК РФ; правила судебной экспертизы – к положениям гл. 27 УПК РФ и т. д.

Выводы

Состоятельны ли высказанные гипотезы о причинах возникновения противоречий и шероховатостей в нормативной регламентации собирания и исследования доказательств? Можно ли предположить, что такие причины не в последнюю очередь были связаны как с определенными недостатками шейферовской теории следственных действий, так и с неверным пониманием разработчиками проекта УПК РФ ряда ее важнейших положений?

Думается, что на сегодняшний день, спустя более двадцати лет с момента принятия Кодекса, привести еще более весомые аргументы для подтверждения подобных научных версий, равно как и найти доводы для их полного опровержения, уже практически невозможно. Хотя автору настоящей статьи они представляются достаточно убедительными, по крайней мере ни коим образом не лишенными права на существование. Вполне вероятно, что рассмотренные недостатки и противоречия существующих нормативных правил работы с доказательствами были обусловлены всеми выявленными причинами в совокупности, а может быть, только некоторыми из них. Однако нельзя исключать и другие факторы, способные повлиять на столь невнимательное отношение разработчиков Кодекса к некоторым нюансам правовой регламентации уголовно-процессуального доказывания, в частности банальную правотворческую небрежность, вызванную известными причинами вынужденную компромиссность целого ряда целого ряда институтов уголовно-процессуального права и т. д.

Кстати, в этой связи может возникнуть и более глобальный вопрос: а существует ли вообще потребность в столь подробной законодательной регламентации отдельных компонентов доказывания, в том числе в четком нормативном определении его структуры (элементов) посредством введения в систему уголовно-процессуального права соответствующей нормы? Думается, что нет (!) – в ст. 85 УПК РФ в очередной раз отразились присущие российской правотворческой политике негативные тенденции, предполагающие инкрементальное усиление формализации различных юридических процедур, в том числе условий и порядка работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, и пронизанные стремлением «узаконить» (в узком смысле), то есть урегулировать посредством федерального закона все большее и большее количество возникающих вопросов. В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание на постепенное наполнение уголовно-процессуального законодательства положениями, не имеющими подлинно правовой ценности и «высокого» предназначения, на инкрементальное превращение Кодекса в своеобразную «поваренную книгу», в пошаговую инструкцию, в некую «памятку для безграмотных правоприменителей» [12, с. 42]. А положения ст. 85 УПК РФ – наглядный тому пример!

Гораздо более важным представляется другое: так и неразрешенные доктринальные проблемы, приводящие к нормативной путанице в вопросах соотношения и разграничения объективно существующих компонентов уголовно-процессуального доказыва-

ния, в первую очередь к сложностям в распознавании исследования доказательств как полноценного и автономного фрагмента работы органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, иных участников досудебного и судебного производства. В этой связи перед учеными-процессуалистами открываются большие перспективы, возникают новые, еще практически не разведанные направления изысканий, сопряженные с подробным рассмотрением сущности, субъектов, форм и методов исследования доказательств, с определением более четких и понятных критериев его отграничения от других компонентов доказывания, в первую очередь от проверки собирания и доказательств. Посильное участие в таких научных изысканиях намеревается принять и автор настоящей статьи.

А в завершение еще раз хотелось бы обратить внимание, что выявленные и рассмотренные в статье пробелы и недостатки шейферовской теории следственных действий никоим образом не умаляют выдающихся заслуг ученого, не снижают незыблемости его авторитета как одного из ведущих отечественных специалистов в области уголовной юстиции, не влияют на огромную пользу и непреложное значение его публикаций для дальнейшего развития доказательственного права в целом и правил работы с отдельными видами доказательств в частности.

Библиографический список

1. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121. EDN: https://www.elibrary.ru/jupkkw.

2. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: https://dot.kostacademy.kz/bible/files/404479980.pdf.

3. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 240 с. URL: https://knigogid.ru/books/85927-dokazatelstva-i-dokazyvanie-po-ugolovnym-delam-problemy-teorii-i-pravovogo-regulirovaniya/toread.

4. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240. EDN: https://elibrary.ru/qqwrxf.

5. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 376 с. URL: https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf.

6. Россинский С. Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 9 (166). С. 63–76. DOI: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076. EDN: https://www.elibrary.ru/kimldr.

7. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательно-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 16–23. DOI: https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-165-16-23. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50463767. EDN: https://www.elibrary.ru/wyidkm.

8. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf.

9. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.

10. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 19–23. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708. EDN: https://elibrary.ru/hesqfg.

11. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191. URL: https://xn--h1alg0d.xn--b1aew.xn--p1ai/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta/item/51230425/; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520. EDN: https://www.elibrary.ru/mzvmbo.

12. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46. URL: http://s.rossinskiy.ru/wp-content/uploads/2021/06/%D0%97%D0%A0_2021_6.pdf; https://elibrary.ru/item.asp?id=46463215. EDN: https://elibrary.ru/jtcczd.

References

1. Shafer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The nature and methods of collecting evidence in Soviet criminal proceedings]. Moscow: VYuZI, 1972, 130 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121. EDN: https://www.elibrary.ru/jupkkw [in Russian].

2. Shafer S. A. *Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurlitinform, 2001, 208 p. Available at: https://dot.kostacademy.kz/bible/files/404479980.pdf [in Russian].

3. Shafer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma, 2008, 240 p. Available at:

https://knigogid.ru/books/85927-dokazatelstva-i-dokazyvanie-po-ugolovnym-delam-problemy-teorii-i-pravovogo-regulirovaniya/toread [in Russian].

4. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist", 2009, 174 p. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240. EDN: https://elibrary.ru/qqwrxf [in Russian].

5. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational investigative activities]. Moscow: Prospekt, 2009, 376 p. Available at: https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf [in Russian].

6. Rossinskiy S. B. *Razmyshleniya o sushchnosti dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Reflections on the essence of proof in criminal proceedings]. *Lex Russica*, 2020. vol. 73, no. 9 (166), pp. 63–76. DOI: https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076. EDN: https://www.elibrary.ru/kimldr [in Russian].

7. Rossinskiy S. B. *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie – sovokupnost' poznavatel'no-udostoveritel'nykh priemov i argumentatsionno-logicheskikh operatsii* [Criminal procedural proving – the complex of cognitive-certifying techniques and argumentative-logical operations]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia], 2023, no. 1 (65), pp. 16–23. DOI: https://doi.org/10.24412/2072-9391-2023-165-16-23. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=50463767. EDN: https://www.elibrary.ru/wyidkm [in Russian].

8. Fatkullin F. N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya. 2-e izd.* [General problems of procedural evidence. 2nd edition]. Kazan: Kazanskii gosuniversitet, 1976, 206 p. Available at: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf [in Russian].

9. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., El`kind P. S. *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Problems of evidence in Soviet criminal proceedings]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet, 1978, 303 p. [in Russian].

10. Zhusipbekova A. M. *Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugolovnomu delu* [Investigation of evidence as an element of proving in a criminal case]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2022, no. 3 (35), pp. 19–23. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49535708. EDN: https://elibrary.ru/hesqfg [in Russian].

11. Konin V. V. *Issledovanie dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Research of evidence in criminal proceedings: discussion issues]. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185–191. Available at: https://xn--h1alg0d.xn--b1aew.xn--p1ai/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta/item/51230425; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68507520. EDN: https://www.elibrary.ru/mzvmbo [in Russian].

12. Rossinskiy S. B. *UPK Rossiiskoi Federatsii: voploshchenie «vysokogo» prednaznacheniya ugolovno-protsessual'noi formy ili «pamyatka» dlya bezgramotnykh pravoprimenitelei?* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the «high» purpose of the criminal procedural form or a «memo» for illiterate law enforcers]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 42–46. Available at: http://s.rossinskiy.ru/wp-content/uploads/2021/06/%D0%97%D0%A0_2021_6.pdf; https://elibrary.ru/item.asp?id=46463215. EDN: https://elibrary.ru/jtcczd [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-55-61

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.323

Дата поступления: 23.05.2024
рецензирования: 27.06.2024
принятия: 10.09.2024

Надругательство над Государственным флагом или Государственным гербом Российской Федерации: отдельные вопросы квалификации

А. С. Туманов
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tumanov.alexander18@gmail.com
М. С. Звягинцева
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: maria.zviagintseva@bk.ru

Аннотация: В настоящее время в современном мире в связи со сложной и напряженной политической ситуацией зачастую происходят попытки различными способами разрушить сложившийся конституционный строй и оскорбить честь и достоинство Российской Федерации. Одним из таких способов выступает осквернение государственной символики, которая является неотъемлемой частью любого государства и отражает его идеологию. Данная статья посвящена особенностям квалификации преступления, предусмотренного ст. 329 УК РФ. Актуальность темы состоит в том, что отдельные вопросы квалификации надругательства над государственной символикой на сегодняшний день фактически не освещены в научной литературе или носят лишь фрагментарный характер. Авторами проанализированы особенности основания уголовной ответственности за надругательство над государственной символикой, обобщена судебно-следственная практика. На основе изученной практики авторы выдвигают рекомендации по квалификации анализируемого деяния и предложения законодательного характера, направленные на повышение эффективности уголовно-правового противодействия этому преступлению.
Ключевые слова: уголовный закон; надругательство над государственными символами; повреждение и уничтожение флага или герба государства; осквернение символов субъектов Российской Федерации; преступления против порядка управления; уголовная ответственность; состав преступления; квалификация.
Цитирование. Туманов А. С., Звягинцева М. С. Надругательство над Государственным флагом или Государственным гербом Российской Федерации: отдельные вопросы квалификации // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 55–61. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-55-61.
Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Туманов А. С., Звягинцева М. С., 2024
Александр Сергеевич Туманов – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.
Мария Сергеевна Звягинцева – курсант 3-го курса Международно-правового факультета, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.05.2024
Revised: 27.06.2024
Accepted: 10.09.2024

Desecration of the State flag or the State emblem of the Russian Federation: certain issues of qualification

A. S. Tumanov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
E-mail: tumanov.alexander18@gmail.com
M. S. Zvyagintseva
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
E-mail: maria.zviagintseva@bk.ru

Abstract: Currently, in the modern world, due to the complex and tense political situation, attempts are often made in various ways to destroy the established constitutional system and offend the honor and dignity of the Russian Federation. One of these methods is the desecration of state symbols, which is an integral part of any state, reflecting its ideology. This article is devoted to the specifics of the qualification of a crime under Article 329 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the topic lies in the fact that certain issues of qualification of abuse of state symbols are not actually sanctified in the scientific literature today or are only fragmentary. The authors analyzed the specifics of the basis of criminal liability for abuse of state symbols, summarized judicial and investigative practice. Based on the studied practice, the authors put forward recommendations on the qualification of the analyzed act and the proposal of the law.

Key words: criminal law; abuse of state symbols; damage and destruction of the flag or coat of arms of the state; desecration of symbols of the subjects of the Russian Federation; crimes against the order of government; criminal liability; corpus delicti; qualification.
Citation. Tumanov A. S., Zvyagintseva M. S. *Nadrugatel'stvo nad Gosudarstvennym flagom ili Gosudarstvennym gerbom Rossiiskoi Federatsii: otdel'nye voprosy kvalifikatsii* [Desecration of the State flag or the State emblem of the Russian Federation: certain issues of qualification]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 55–61. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-55-61 [in Russian].
Information about the conflict of interests: authors declared no conflicts of interest.

© Tumanov A. S., Zvyagintseva M. S., 2024
Alexander S. Tumanov – Candidate of Laws, lecturer of the Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12, Academician Volgin Street, Moscow, 117997, Russian Federation.
Maria S. Zvyagintseva – 3rd year cadet of the Faculty of International Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 12, Academician Volgin Street, Moscow, 117997, Russian Federation.

Действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственном флагом Российской Федерации (ст. 329 УК РФ). Как свидетельствуют данные официальной статистики, число подобных преступлений невелико, однако количество осужденных лиц ежегодно растет (2019 – 2, 2020 – 5, 2021 – 6, 2022 – 8, 2023 – 15) [1]. Основываясь на положительной динамике роста, стоит предположить, что за 2024 год это число вновь увеличится.

В науке уголовного права превалирует мнение о том, что объектом преступления, предусмотренного ст. 329 УК РФ, выступают общественные отношения в области охраны авторитета государственной власти [2, с. 575; 3, с. 215]. Само по себе понятие «авторитет государственной власти» носит социально-политический характер и подразумевает под собой исключительное (особое) положение власти, ее социальную ценность, незыблемость основ, на которых она держится, и уважение со стороны общества. Однако необходимо согласиться с мнением П. А. Филиппова о том, что рассматриваемый подход является достаточно спорным, так как все преступления против государственной власти (и в том числе против порядка управления) в той или иной степени посягают на ее авторитет [4, с. 140]. Отдельные авторы отмечают, что, помимо авторитета власти, происходит посягательство и на ее достоинство [5, с. 63]. Указанная позиция также представляется спорной, ведь такие социальные категории, как «достоинство» или «честь», характерны для физических лиц, а не для публично-правовых образований. Существует и более узкий подход к определению объекта анализируемого деяния. Так, наличествует точка зрения, согласно которой непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок использования Государственного флага и герба РФ [6, с. 600; 7, с. 32].

По нашему мнению, наиболее удачная трактовка непосредственного объекта представлена А. И. Чучаевым, который отмечает, что объект преступления составляют общественные отношения, обеспечивающие уважительное отношение к символам, олицетворяющим суверенитет государства и его авторитет [8, с. 952]. В связи с этим справедливым видится мнение П. А. Филиппова, утверждающего, что государственная символика является неотъемлемой частью суверенитета государства и, согласно ст. 4 Конституции РФ, одной из основ конституционного строя. В связи с этим целесообразно определить местоположение анализируемого преступления в главе 29 УК РФ [4, с. 141].

Предмет рассматриваемого преступления закреплен нормативно. В соответствии с диспозицией ст. 329 УК РФ им могут выступать Государственный герб Российской Федерации или Государственный флаг Российской Федерации.

Законодательное регулирование официальной символики государства осуществляется федеральными конституционными законами (Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1-ФКЗ «О Государственном флаге Российской Федерации»). В этих нормативных правовых актах конституционного уровня устанавливаются основные символы государства, их описание, порядок использования и защиты. В вышеуказанных законах утверждается:

1. Государственный флаг Российской Федерации представляет собой прямоугольное полотнище с тремя горизонтальными полосами: белой верхней, синей средней и красной нижней.

2. Герб Российской Федерации изображает двуглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в правой лапе скипетр и в левой – державу.

Необходимо отметить, что к официальным символам государства, помимо флага и герба, относится также гимн Российской Федерации. В научной литературе уже поднимался вопрос об установлении уголовной ответственности за надругательство над гимном Российской Федерации и дополнении положений ст. 329 УК РФ новым предметом преступления (гимном) [9, с. 112]. В целом подобная идея не лишена логики, а доводы весьма убедительны. Конституционно-правовой статус флага, герба и гимна равный, и, соответственно, охрана этих ценностей должна быть одинаковой. При этом для рассмотрения вопроса об уголовной ответственности за надругательство над гимном, на наш взгляд, в первую очередь не-

обходима более детальная проработка диспозиции ст. 329 УК РФ, которая выражается в уточнении признаков объективной стороны, так как само по себе понятие «надругательство» носит оценочный характер. Иными словами, возможно чрезмерно расширительное толкование, которое приведет к тому, что любое искажение или изменение текста гимна Российской Федерации будет приравнено к надругательству.

Высказывались мнения и об установлении уголовной ответственности за надругательство над флагами иностранных государств, если они размещаются на территории Российской Федерации (например, в рамках международных мероприятий и т. д.) [10, с. 263].

Полагаем, что подобная точка зрения является как минимум спорной. Статус символики иностранных государств нормативно не закреплен в Российской Федерации. С формальной точки зрения это просто полотно (герб), к которому можно приравнять и иные флаги и гербы (к примеру, флаг какого-либо движения, спортивной организации, общественного объединения, семейный герб и т. д.). Вследствие этого подобное расширение диспозиции анализируемой нормой считается излишним.

Другим актуальным вопросом, на который необходимо обратить отдельное внимание, является надругательство над символикой субъектов Российской Федерации. Подобные действия при наличии к тому оснований оцениваются по ст. 214 УК РФ [2, с. 575; 3, с. 215–216]. В этом контексте заметим, что в УК РСФСР 1960 г. была установлена ответственность за надругательство над флагом или гербом не только Российской Федерации, но и республик, входящих в ее состав (ст. 190.2 УК РСФСР). В современных условиях такая ответственность установлена в административном законодательстве отдельных регионов (например, в ст. 14.3 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях). Однако наказуемым это деяние (пусть и административно-правовыми средствами) является далеко не во всех регионах нашей страны. На сегодняшний день фактически официальные символы субъектов Российской Федерации не находятся под охраной уголовного закона. В юридической литературе уже поднимался вопрос о введении уголовной ответственности за надругательство над флагом субъекта РФ [11, с. 128–130]. Причем подобный законопроект рассматривался в Государственной думе РФ, но был отклонен в первом чтении [12]. Авторы законопроекта в пояснительной записке аргументировали указанную позицию с помощью вопросов о территориальной подсудности (если надругательство осуществляется на территории другого региона) и зарубежного опыта.

Иными словами, сложился двойственный законодательный подход к вопросу об ответственности за надругательство над флагом субъекта. Если региональным административным законодательством предусмотрена ответственность за анализируемое деяние, то подобный деликт считается правонарушением. В других случаях такое деяние рассматривается как преступление и подлежит квалификации по ст. 214 УК РФ.

Максимальным наказанием в санкции ст. 329 УК РФ является лишение свободы на срок до одного года. При этом санкция ч. 1 ст. 214 УК РФ вовсе не предусматривает наказания в виде лишения свободы. Однако при наличии квалифицирующих признаков максимальное наказание за вандализм может составить три года лишения свободы. Таким образом, надругательство над флагом субъекта в некоторых регионах (где не установлена административная ответственность), совершенная условно группой лиц, будет наказываться строже, чем надругательство над Государственным флагом, т. к. обстоятельств, усиливающих ответственность по ст. 329 УК РФ, на законодательном уровне не установлено.

Подобное, на наш взгляд, нарушает принцип справедливости в уголовном праве. Выход из сложившейся ситуации видится в унификации, которая заключается в единообразии действующего законодательства (например, установлении административной ответственности за надругательство над символами субъектов РФ на федеральном уровне).

Диспозиция рассматриваемой нормы является простой и фактически дублирует ее название. Объективная сторона представляет собой деяние в форме действия, которое выражается в виде надругательства. Термин «надругательство» используется в уголовном законе лишь в двух нормах – в ст. 244 УК РФ («Надругательство над телами умерших и местами их захоронения») и в анализируемой нами ст. 329 УК РФ. Очевидно, что смысловое содержание изучаемого понятия в контексте ст. 244 УК РФ и ст. 329 УК РФ не является идентичным. В соответствии с толковым словарем само по себе надругательство понимается как нечто оскорбительное, грубоиздевательство, кощунство над чем-либо [13].

Исследуемый термин может включать в себя действия различного характера. Как указывается в учебной и научной литературе, надругательство может характеризоваться лишь активными действиями, которые свидетельствуют о неуважительном отношении к государственным гербу или флагу РФ. Это может выражаться в нанесении циничных надписей или рисунков, срывании флага или герба, их сжигании и т. д. [14, с. 167]. Отдельные авторы указывают на обязательное наличие публичности таких действий, т. е. совершение их в присутствии других людей или наличие возможности их обозрения в дальнейшим [15, с. 132].

Иными словами, надругательство представляет собой одну из оценочных категорий в уголовном праве, включающую в себя различные группы действий, которые условно можно дифференцировать как осквернение, повреждение или уничтожение. Осквернение, как справедливо замечает Ю. Д. Налимов, в основном совершается в виде нанесения нецензурных надписей или непристойных

изображений, фашистской символики, испражнений и иных нечистот на предмет преступления [16, с. 37–38]. Так, например, гр. М. с помощью краски нанес на флаг Российской Федерации аббревиатуру «РОА» (Русская освободительная армия), а также фигуру в виде «волчий крюк». Данные карикатуры являются символикой экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территории РФ. В результате совершенных деяний гр. М. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 329 УК РФ [17]. Как мы полагаем, при квалификации надругательства над государственным флагом и гербом к действиям, которые характеризуют осквернение, можно отнести и топтание, т. е. многократное и активное хождение по гербу или флагу или прыжки на них.

Под уничтожением чего-либо в науке уголовного права традиционного понимается такое воздействие на предмет преступления, когда он прекращает свое существование или становится непригодным для прямого использования [18, с. 211]. Иными словами, речь идет о полной и невосстановимой утрате свойств и характеристик флага или герба, приводящее к невозможности их использования по назначению.

Так, к примеру, Н. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 329 УК РФ. Он, подойдя к стеле города-героя «Одесса», положил на стелу находящийся у него флаг Российской Федерации с прикрепленной к нему Георгиевской лентой, затем публично, проявляя неуважительное отношение, с помощью находящегося при нем коробка со спичками поджег Государственный флаг Российской Федерации с прикрепленной к нему Георгиевской лентой [19].

Повреждение же представляет собой нарушение физической ценности предмета, приведение его в негодное состояние и невозможность использования без ремонта, однако при возможности восстановления его свойств [20, с. 242]. Повреждением будут считаться действия в виде разрезания, растяжения и иные воздействия, приводящие к видоизменению флага или герба. Срывание – снятие флага или герба с флагштока с характерными повреждениями в виде надрыва полотнища у мест крепления. К примеру, К., находясь около здания отделения полиции, снял с этого здания флаг Российской Федерации, после чего в присутствии троих несовершеннолетних подошел к светофору и стал наносить множественные удары деревянной рукоятью (древком) флага по светофору, в результате чего сломал древко флага в трех местах, порвал полотно флага и запачкал его грязью. Приговором суда К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 329 УК РФ [21].

В этом контексте необходимо отметить, что надругательство в виде осквернения над государственными гербом или флагом Российской Федерации может осуществляться как в форме физических, так и с помощью виртуальных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Как показывает судебная и следственная практика, зачастую виновные лица используют изображения флага или герба государства, а затем цинично и осознанно редактируют их (к примеру, добавляют на фотографию надпись, запрещенную и оскорбляющую символику и т. д.), после чего публикуют их в социальных сетях или иных общедоступных ресурсах. В результате этого искаженное изображение (или видеофрагмент) становится доступным для обозрения иными лицами.

Так, к примеру, М., используя персональный планшетный компьютер, разместил на личной странице в социальной сети «ВКонтакте» изображение флага Российской Федерации с нанесенным на него текстом, в котором, согласно заключению эксперта, содержится негативная оценка флага Российской Федерации, выраженная посредством использования лексем с отрицательной коннотацией, стилистически окрашенных средств, имеющих маркированность сниженного стиля и характеризующихся как грубо-просторечные, бранные. Таким образом, своими противоправными действиями М. надругался над Государственным флагом Российской Федерации, тем самым совершил преступление, предусмотренное ст. 329 УК РФ [22]. Причем подобный способ надругательства над флагом в судебной практике встречается довольно часто в силу того, что не требует больших усилий и позволяет демонстрировать оскверненные символы значительному или даже неограниченному кругу лиц.

Субъективная сторона деяния, предусмотренного ст. 329 УК РФ, характеризуется только прямым умыслом (что подтверждается научной литературой и материалами судебно-следственной практики). При этом справедливо замечается, что специфика объективной стороны исключает совершение этого преступления с косвенным умыслом [19, с. 145]. Само по себе надругательство означает, что виновный осознает общественную опасность своих действий и его умысел направлен на осквернение (уничтожение, порчу) именно государственной символики с демонстрацией тем самым явного неуважения к ней.

Таким образом, ст. 329 УК РФ в связи со сложной политической ситуацией в последнее время становится весьма актуальной. Однако действующая регламентация статьи в настоящий момент содержит ряд вопросов, которые значительно усложняют правильную квалификацию содеянного. Само по себе «надругательство» представляет собой одно из оценочных понятий, содержащихся в уголовном законе. Надругательство над государственной символикой может осуществляться в различных формах. Особую опасность на сегодняшний день представляет собой осквернение символов государства, совершенное в виртуальном пространстве. Виновным нет необходимости даже в физическом завладении гербом или флагом, при этом общедоступность позволит демонстрировать оскверненную символику государства

неограниченному кругу лиц. В этой связи, учитывая повышенную общественную опасность такого рода деяний, целесообразным видится выделить в ст. 329 УК РФ квалифицирующий признак и добавить вторую часть следующего содержания: «То же деяние, сопряженное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")».

Библиографический список

1. Судебная статистика РФ // Агентство правовой информации. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 15.06.2024). Режим доступа: свободный.

2. Уголовное право. Особенная часть / И. А. Подройкина [и др.]; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 556 с. URL: https://urait.ru/bcode/537868.

3. Уголовное право. Особенная часть: преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества: учебник для вузов / В. М. Алиев [и др.]; под общ. ред. В. И. Гладких, А. К. Есаяна. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 312 с. URL: https://urait.ru/bcode/533203.

4. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2017. 621 с. URL: https://istina.msu.ru/dissertations/98222114/.

5. Карабанова Е. Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 62–65. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20354659. EDN: https://www.elibrary.ru/rdkykz.

6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. Москва: Проспект, 2022. 688 с.

7. Цепелев В. Ф. Квалификация преступлений против порядка управления: учебное пособие. Москва: Проспект, 2015. 104 с. URL: https://knigogid.ru/books/1696021-kvalifikaciya-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya/toread.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В. В. Малиновский; науч. ред. А. И. Чучаев. Москва, 2011. 1002 с.

9. Хитрова А. А. Преступления в отношении символики Российской Федерации // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. Пенза, 2019. С. 111–115. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41458829. EDN: https://www.elibrary.ru/juuxdt.

10. Тарасенко И. М. Надругательство над государственным флагом или государственным гербом Российской Федерации и иностранных государств: уголовно-правовая оценка деяния // Молодой ученый. 2021. № 23 (365). С. 262–265. URL: https://moluch.ru/archive/365/81895/?ysclid=m1urfpnyvf123783252; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46149855. EDN: https://www.elibrary.ru/jvwwja.

11. Питулько К. В., Тарасова Е. В. К вопросу о целесообразности установления уголовной ответственности за надругательство над гербом или флагом субъекта Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2017. № 5 (149). С. 128–130.

12. Законопроект № 86076-7 «О внесении изменения в статью 329 Уголовного кодекса Российской Федерации в части установления ответственности за надругательство над гербом или флагом субъекта Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/86076-7 (дата обращения: 15.06.2024).

13. Надругательство // Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. Текст: электронный. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15445 (дата обращения: 15.06.2024).

14. Комментарий к Уголовному кодексу РФ: в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Разделы X—XII / В. М. Лебедев [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев. Москва: Юрайт, 2024. 276 с. URL: https://urait.ru/bcode/539162.

15. Преступления против государственной власти: учебное пособие для вузов / А. Г. Кибальник [и др.]; отв. ред. А. Г. Кибальник, А. В. Наумов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2024. 136 с. URL: https://urait.ru/bcode/536360.

16. Налимов Ю. Д. Вандализм: дифференциация уголовной ответственности и квалификация: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. 188 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54118817. EDN: https://www.elibrary.ru/wzpglq.

17. Приговор Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 17 февраля 2017 г. по делу № 1-22/2017 // СПС «Гарант». URL: https://actofact.ru/case-18RS0005-1-22-2017-1-361-2016-2016-12-20-2-0/?ysclid=m1xjhebnoq378291950.

18. Уголовное право РФ. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. Москва: НИЦ «ИНФРА-М», 2013. 350 с. URL: https://all-advokatura.ru/upload/iblock/9e8/9e8ad1b368a05b3147a619ddae426ed2.pdf.

19. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 20.06.2022 № 01-0332/2022. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/5c5bc4b0-a918-11ec-a683-bb3a2aada925 (дата обращения: 15.06.2024).

20. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара: Самарский университет, 2002. 360 с. URL: http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Imushestvennye-prestupleniya-monografiya-Tekst-elektronnyi-88252?ysclid=m1xjoi4gzh994981894.

21. Приговор Омутинского районного суда Тюменской области от 02.08.2019 по делу № 1-123/2019 // СПС «Гарант». URL: https://actofact.ru/case-72RS0016-1-123-2019-2019-08-02-2-0/?ysclid=m1xk1pbhkk342842803.

22. Приговор Ахтынского районного суда Республики Дагестан от 23.05.2022 по делу № 1-39/2022 // СПС «Гарант». URL: https://actofact.ru/case-05RS0004-1-39-2022-2022-04-13-2-0/?ysclid=m1xkayduyy189456183.

References

1. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial Statistics of the Russian Federation]. *Agentstvo pravovoi informatsii* [Legal Information Agency]. Available at: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (accessed 15.06.2024). Access mode: free [in Russian].

2. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. I. A. Podroikina [i dr.]; otv. red. I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulez'ko. 6-e izd., pererab. i dop.* [Podroikina [et al.] Criminal law. Particular part; I. A. Podroikina, E. V. Seregina, S. I. Ulezko (eds.). 6th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2024, 706 p. Available at: https://urait.ru/bcode/537868 [in Russian].

3. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': prestupleniya protiv gosudarstvennoi vlasti, voennoi sluzhby, mira i bezopasnosti chelovechestva: uchebnik dlya vuzov. V. M. Aliev [i dr.]; pod obshchei redaktsiei V. I. Gladkikh, A. K. Esayana. 2-e izd., pererab. i dop.* [Aliev V. M. [et al.] Criminal law. Special part: crimes against state power, military service, peace and security of mankind: textbook for universities; V. I. Gladkikh, A. K. Esayan (eds.). 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2024, 312 p. Available at: https://urait.ru/bcode/533203 [in Russian].

4 Filippov P. A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: teoretiko-prikladnye problemy i doktrinal'naya model' ugolovnogo zakona: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08* [Crimes against the order of management: theoretical and applied problems and doctrinal model of criminal law: Doctoral of Laws thesis: 12.00.08]. Moscow, 2017, 621 p. Available at: https://istina.msu.ru/dissertations/98222114 [in Russian].

5. Karabanova E. N. *Osobo pochitaemye simvoly kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya* [Especially respected symbols as the object of criminal law protection: problems of legal regulation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 10, pp. 62–65. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20354659. EDN: https://www.elibrary.ru/rdkykz [in Russian].

6. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaya chast': uchebnik. Pod red. I. E. Zvecharovskogo* [Zvecharovsky I. E. (ed.) Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook]. Moscow: Prospekt, 2022, 688 p. [in Russian].

7. Tsepelev V. F. *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv poryadka upravleniya: uchebnoe posobie* [Qualification of crimes against the order of management: textbook]. Moscow: Prospekt, 2015, 104 p. Available at: https://knigogid.ru/books/1696021-kvalifikaciya-prestupleniy-protiv-poryadka-upravleniya/toread [in Russian].

8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii dlya rabotnikov prokuratury (postateinyi). Otv. red. V. V. Malinovskii; nauch. red. A. I. Chuchaev* [Malinovsky V. V., Chuchaev A. I. (eds.) Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation for employees of the Prosecutor's Office (article-by-article)]. Moscow, 2011, 1002 p. [in Russian].

9. Khitrova A. A. *Prestupleniya v otnoshenii simvoliki Rossiiskoi Federatsii* [Crimes against the symbols of the Russian Federation]. In the collection: *Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya: sbornik statei XXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch. Chast' 2* [Current issues of law, economics and management. collection of articles of the XXIII International research and practical conference: in 2 parts. Part 2]. Penza, 2019, pp. 111–115. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41458829. EDN: https://www.elibrary.ru/juuxdt [in Russian].

10. Tarasenko I. M. *Nadrugatel'stvo nad gosudarstvennym flagom ili gosudarstvennym gerbom Rossiiskoi Federatsii i inostrannykh gosudarstv: ugolovno-pravovaya otsenka deyaniya* [Desecration of the state flag or state emblem of the Russian Federation and foreign states: criminal-legal assessment of the act]. *Molodoi uchenyi*, 2021, no. 23 (365), pp. 262–265. Available at: https://moluch.ru/archive/365/81895/?ysclid=m1urfpnyvf123783252; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46149855. EDN: https://www.elibrary.ru/jvwwja [in Russian].

11. Pitulko K. V., Tarasova E. V. *K voprosu o tselesoobraznosti ustanovleniya ugolovnoi otvetstvennosti za nadrugatel'stvo nad gerbom ili flagom sub"ekta Rossiiskoi Federatsii* [About the question of the advisability of establishing criminal responsibility for abuse of the emblem or flag of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2017, no. 5 (149), pp. 128–130. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tselesoobraznosti-ustanovleniya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-nadrugatelstvo-nad-gerbom-ili-flagom-subekta-rossiyskoy?ysclid=m1urng0wpr119494944 [in Russian].

12. *Zakonoproekt № 86076-7 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 329 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za nadrugatel'stvo nad gerbom ili flagom sub"ekta Rossiiskoi Federatsii»* [Bill № 86076-7 «On amending Article 329 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of establishing liability for abuse of the coat of arms or flag of the subject of the Russian Federation»]. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/86076-7 (accessed 15.06.2024) [in Russian].

13. *Nadrugatel'stvo* [Desecration]. In: *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov]. Available at: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15445 (accessed 15.06.2024) [in Russian].

14. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RF: v 4 t. Tom 4. Osobennaya chast'. Razdely X—XII. V. M. Lebedev [i dr.]; otvetstvennyi redaktor V. M. Lebedev* [Lebedev V. M. [et al.] Commentaries to the Criminal Code of the Russian

Federation: in 4 vols. Vol. 4. Special part. Sections X–XII; responsible editor V. M. Lebedev]. Moscow: Yurait, 2024, 276 p. Available at: https://urait.ru/bcode/539162 [in Russian].

15. *Prestupleniya protiv gosudarstvennoi vlasti: uchebnoe posobie dlya vuzov. A. G. Kibal'nik [i dr.]; otv. red. A. G. Kibal'nik, A. V. Naumov. 6-e izd., pererab. i dop.* [Kibalnik A. G. [et al.] Crimes against state power: textbook for universities; responsible editors A. G. Kibalnik, A. V. Naumov. 6th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2024, 136 p. Available at: https://urait.ru/bcode/536360 [in Russian].

16. Nalimov Yu. D. *Vandalizm: differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti i kvalifikatsiya: dis. ... kand. yur. nauk* [Vandalism: differentiation of criminal responsibility and qualification: Candidate's of legal sciences thesis]. Moscow, 2022, 188 p. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54118817. EDN: https://www.elibrary.ru/wzpglq [in Russian].

17. *Prigovor Ustinovskogo raionnogo suda g. Izhevska Udmurtskoi Respubliki ot 17 fevralya 2017 g. po delu № 1-22/2017* [Verdict of the Ustinovsky District Court of the city of Izhevsk of the Udmurt Republic as of Udmurtia dated February 17, 2017 with regard to case № 1-22/2017]. *Retrieved from legal reference system «Garant»*. Available at: https://actofact.ru/case-18RS0005-1-22-2017-1-361-2016-2016-12-20-2-0/?ysclid=m1xjhebnoq378291950 [in Russian].

18. *Ugolovnoe pravo RF. Osobennaya chast': uchebnik. Pod red. L. V. Inogamovoi-Khegai* [Inogamova-Khegay L. V. (ed.) Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook]. Moscow: NITs «INFRA-M», 2013, 350 p. Available at: https://all-advokatura.ru/upload/iblock/9e8/9e8ad1b368a05b3147a619ddae426ed2.pdf [in Russian].

19. *Prigovor Tverskogo raionnogo suda g. Moskvy ot 20.06.2022 № 01-0332/2022* [Verdict of the Tverskoy district court of the city of Moscow dated 20.06.2022 № 01-0332/2022]. Available at: https://www.mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/5c5bc4b0-a918-11ec-a683-bb3a2aada925 (accessed 15.06.2024) [in Russian].

20. Bezverkhov A. G. *Imushchestvennye prestupleniya* [Property crimes]. Samara: Samarskii universitet, 2002, 360 p. Available at: http://repo.ssau.ru/handle/Monografii/Imushestvennye-prestupleniya-monografiya-Tekst-elektronnyi-88252?ysclid=m1xjoi4gzh994981894 [in Russian].

21. *Prigovor Omutinskogo raionnogo suda Tyumenskoi oblasti ot 02.08.2019 po delu № 1-123/20191* [Sentence of Omutinsk district court of the Tyumen region dated 02.08.2019 with regard to case № 1-123/2019]. *Retrieved from legal reference system «Garant»*. Available at: https://actofact.ru/case-72RS0016-1-123-2019-2019-08-02-2-0/?ysclid=m1xk1pbhkk342842803 [in Russian].

22. *Prigovor Akhtynskogo raionnogo suda Respubliki Dagestan ot 23.05.2022 po delu №1-39/2022* [Verdict of Akhtyn District Court of the Republic of Dagestan dated 23.05.2022 with regard to case № 1-39/2022]. *Retrieved from legal reference system «Garant»*. Available at: https://actofact.ru/case-05RS0004-1-39-2022-2022-04-13-2-0/?ysclid=m1xkayduyy189456183 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-62-68

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.133

Дата поступления: 21.05.2024
рецензирования: 27.06.2024
принятия: 10.09.2024

Сравнительный анализ норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан на этапе окончания расследования

А.В. Шуваткин
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: shuvatkin.av@ssau.ru

Аннотация: В статье автором анализируются нормы Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан, которые предусматривают несколько процессуальных форм завершения предварительного следствия по уголовному делу. Проведено сравнение структуры окончания предварительного расследования в законодательстве двух стран. В рамках проведенного сравнения установлены схожие и отличные черты этой процедуры. Обращается внимание на то, что следователь по УПК Республики Казахстан составляет иной акт, завершающий его деятельность по расследованию уголовного дела, – отчет о завершении досудебного расследования, а обвинительный акт как некий аналог обвинительного заключения, составляемого в соответствии с требованиями статьи 220 УПК РФ, готовит и подписывает в Республике Казахстан прокурор. В УПК Республики Казахстан выявлен очевидный недостаток правового регулирования отчета о завершении досудебного расследования в связи с отсутствием необходимости раскрытия в указанном акте содержания обвинительных доказательств, а также указания доказательств стороны защиты.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; завершение предварительного следствия; обвинительное заключение; прокурор; следователь; отчет о завершении досудебного расследования; обвинительный акт.

Цитирование. Шуваткин А. В. Сравнительный анализ норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан на этапе окончания расследования // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 62–68. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-62-68.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шуваткин А. В., 2024

Александр Викторович Шуваткин – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.05.2024
Revised: 27.06.2024
Accepted: 10.09.2024

Comparative analysis of the norms of the criminal procedure legislation of Russian Federation and the Republic of Kazakhstan governing the end of the investigation

A. V. Shuvatkin
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: shuvatkin.av@ssau.ru

Abstract: In the article, the author analyzes the norms of the Criminal Procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, which provide for several procedural forms of completion of the preliminary investigation in a criminal case. The structure of the end of the preliminary investigation in the legislation of the two countries is compared. As part of the comparison, similar and distinct features of this procedure have been established. Attention is drawn to the fact that the investigator under the CPC of the Republic of Kazakhstan draws up another act completing his activities on the investigation of a criminal case – a report on the completion of a pre-trial investigation, and the indictment, as a kind of analogue of the indictment drawn up in accordance with the requirements of Article 220 of the CPC of the Russian Federation, is prepared and signed by the prosecutor in the Republic of Kazakhstan. The CPC of the Republic of Kazakhstan revealed an obvious lack of legal regulation of both the report on the completion of the pre-trial investigation and the indictment – the lack of need to disclose the contents of the indictment evidence in these acts, as well as the indication of evidence by the defense. Such legal regulation does not allow the principle of competition to

be fully implemented in the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan and to ensure the right of the accused to protection.
Key words: criminal procedure legislation; completion of the preliminary investigation; indictment; prosecutor; investigator; report on the completion of the pre-trial investigation; indictment.
Citation. Shuvatkin A. V. *Sravnitel'nyi analiz norm ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan na etape okonchaniya rassledovaniya* [Comparative analysis of the norms of the criminal procedure legislation of Russian Federation and the Republic of Kazakhstan governing the end of the investigation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical *Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 62–68. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-62-68 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Shuvatkin A. V., 2024
Alexander V. Shuvatkin – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Legal Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации определяет несколько форм окончания предварительного расследования. В частности, статья 215 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит нормы, которые регулируют окончание предварительного расследования с составлением обвинительного заключения.

Обвинительному заключению посвящена статья 220 УПК РФ, которая устанавливает его содержание и обязывает следователя указывать значительный объем информации в данном итоговом процессуальном решении.

Очевидно, что самой главной частью обвинительного заключения является мотивировочная часть, в которой, в том числе с целью обеспечения соблюдения такого основополагающего принципа уголовного процесса, как право обвиняемого на защиту, указываются и раскрываются доказательства стороны обвинения и стороны защиты.

Но такая обязанность по раскрытию доказательств обвинения и защиты лежала на следователе не всегда. Изначально, при принятии УПК РФ в 2001 году, в статье 220 законодатель закрепил обязанность следователя указывать только перечень доказательств стороны защиты и обвинения.

Большинство исследователей были не согласны с таким правовым регулированием мотивировочной части обвинительного заключения. Не был согласен с такой формулировкой и автор настоящей статьи, занимавшийся исследованием норм уголовно-процессуального законодательства РФ в своих работах, подвергая справедливой критике подобную конструкцию обвинительного заключения [1].

Правоприменители тоже не остались в стороне от дискуссии по этому вопросу, которая завершилась принятием Постановления Пленума Верховного Суда от 05 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [2], где практическим работникам предписывалось не просто перечислять перечень доказательств со стороны обвинения и со стороны защиты, но и кратко излагать их содержание. Однако право обвиняемого на защиту приобретало все большую значимость, а подобная формулировка подвергалась активной критике, и в 2010 году законодатель был вынужден поменять данную формулировку на ныне существующую.

Составлением обвинительного заключения и его подписанием следователь завершает свою работу в рамках досудебного производства, что, безусловно, свидетельствует о том, что обвинительное заключение является окончательным процессуальным решением следователя на стадии предварительного расследования.

Соглашаясь с данным выводом, Е. А. Коновалова считает, что в уголовно-процессуальной науке обвинительное заключение совершенно справедливо характеризуется как итоговый процессуальный документ, составленный по результатам проведенного расследования [3].

После подписания обвинительного заключения следователем оно направляется прокурору для утверждения. Решение прокурора на данном этапе предварительного следствия имеет надзорный характер [4]. Утверждение обвинительного заключения – это завершающий этап деятельности прокурора, который осуществляет на досудебном производстве уголовное преследование, продолжающееся в иных процессуальных формах в судебном процессе [5–7].

А теперь обратимся к содержанию Уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, которое также предусматривает несколько процессуальных форм, завершающих досудебное расследование в форме предварительного следствия, среди которых также есть составление обвинительного акта, но не следователем, а прокурором.

Но почему прокурор? Какой процессуальный документ составляет следователь и является ли он окончательным на стадии предварительного расследования?

Изучим Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) с целью сравнения правового регулирования окончания предварительного расследования с составлением обвинительного документа с УПК РФ.

Так, в соответствии со статьей 192 УПК РК [8] срок досудебного расследования исчисляется с момента регистрации заявления и сообщения в Едином реестре досудебных расследований до дня направления уголовного дела прокурору с постановлением о прекращении уголовного дела либо

отчетом о завершении досудебного расследования. Обращает на себя внимание подобная конструкция УПК РК в связи с отсутствием института возбуждения уголовного дела.

Порядок завершения предварительного расследования регламентирован статьей 298 УПК РК, устанавливающей, что следователь, осуществляющий досудебное расследование, после ознакомления со всеми материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств, составляет отчет о завершении досудебного расследования.

В этой статье также определена последовательность изложения в отчете о завершении досудебного расследования деяний лиц, подозреваемых в совершении нескольких уголовных правонарушений, согласно которой описание каждого осуществляется в хронологическом порядке, начиная с уголовного правонарушения, совершенного по времени раньше, чем остальные.

Отчет о завершении досудебного расследования также упоминается в статье 60 УПК РК, где указано, что следователь вправе своим постановлением принять дело к своему производству, осуществлять по нему предварительное следствие. Следователь составляет отчет о завершении досудебного расследования с изложением обстоятельств уголовного правонарушения, описанием собранных доказательств.

В соответствии со статьей 299 УПК РК, регламентирующей содержание отчета о завершении досудебного расследования по уголовному делу, в нем указываются время и место составления отчета о завершении досудебного расследования. В обвинительном же заключении УПК РФ следователь указывает не время, а дату составления, что, на наш взгляд, является несущественным различием, более того, полагаем, что такая формулировка в УПК РК также предполагает обязательное указание не только времени составления, но и даты составления отчета о завершении досудебного расследования по уголовному делу.

В УПК РК в отчете о завершении досудебного расследования далее указывается должность, фамилия и инициалы лица, его составившего. В статье 220 УПК РФ ссылка на указание должности, инициалов и фамилии лица, составившего обвинительное заключение, вовсе отсутствует. При этом на практике презюмируется, что лицо, подписавшее обвинительное заключение, указывает свою должность, соответствующее звание.

Следующим элементом содержания отчета о завершении досудебного расследования являются фамилия, имя и отчество (при его наличии) подозреваемого лица. Сравнивая данную норму со статьей 220 УПК РФ, констатируем, что в обвинительном заключении процессуальная фигура подозреваемого отсутствует, так как обвинительное заключение, согласно УПК РФ, составляется только в отношении лица, которому уже предъявлено обвинение. Именно поэтому в УПК РФ к содержанию обвинительного заключения предъявляется требование о формулировке предъявленного обвинения.

Также в отчете о завершении досудебного расследования указываются и иные персональные данные подозреваемого (число, месяц, год и место рождения).

Безусловно, излагается квалификация совершенного деяния, т. е. конкретная статья, часть и пункт статьи уголовного закона, которые вменяются подозреваемому лицу.

Описываются событие, место и время совершения уголовного правонарушения, его способ, последствия и иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Аналогичные сведения указываются и в обвинительном заключении – только уже в отношении обвиняемого в соответствии с требованиями УПК РФ.

При составлении мотивировочной части в отчете о завершении досудебного расследования, исходя из требований УПК РК, излагается лишь перечень доказательств, подтверждающих обстоятельства, служащие основанием для обвинения лица. Законодатель Казахстана включил в статью 229 УПК РК формулировки, аналогичные первоначальному содержанию статьи 220 УПК РФ в части правового регулирования указания обвинительных доказательств, и вовсе не включил обязанность следователя указывать хотя бы перечень доказательств защиты. Исключение законодателем необходимости указания доказательств защиты в мотивировочной части отчета о завершении досудебного расследования не способствует реализации права обвиняемого на защиту и соблюдению принципа процессуальной состязательности.

Отсутствие необходимости указания доказательств защиты, а также их содержания и перечисление только обвинительных доказательств без их анализа не позволят, на наш взгляд, в дальнейшем прокурору сформировать обоснованное обвинение, так как, например, в случае непризнания подозреваемым вины прокурор в полном объеме не сможет опровергнуть приводимые им аргументы и доказательства при доказывании своей невиновности.

В отчете о завершении досудебного расследования также фиксируется решение о направлении уголовного дела прокурору для решения вопроса о вынесении обвинительного акта и направлении уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Отчет о завершении досудебного расследования подписывается лицом, его составившим.

К отчету о завершении досудебного расследования в обязательном порядке прилагается список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание с указанием фамилии, имени, отчества (при его наличии) лица, его процессуального положения, места жительства, со ссылками на номер листа и тома уголовного дела с его показаниями.

Список состоит из двух частей: списка лиц, названных подозреваемым и защитником (список защиты), и списка, составленного лицом, осу-

ществлявшим досудебное расследование (список обвинения). Список помещается в опечатанный конверт и приобщается к уголовному делу.

К отчету о завершении досудебного расследования прилагается также справка, в которой указываются срок досудебного расследования, мера пресечения, срок содержания лица под стражей, имеющиеся вещественные доказательства и место их хранения, меры, принятые для обеспечения гражданского иска и исполнения приговора суда, процессуальные издержки и суммы, подлежащие взысканию с подозреваемого, заявленный иск.

Таким образом, отчет о завершении досудебного расследования по своему содержанию очень схож с содержанием обвинительного заключения, которое составлялось в соответствии с первоначальной редакцией статьи 220 УПК РФ, и, очевидно, является окончательным процессуальным решением следователя на стадии досудебного производства в Уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Функция следователя исчерпана в рамках предварительного расследования после составления отчета о завершении досудебного расследования.

После составления отчета о завершении досудебного расследования уголовное дело направляется, в соответствии со статьей 300 УПК РК, прокурору.

Прокурор при поступлении уголовного дела должен изучить его. При изучении уголовного дела он проверяет наличие состава преступления, обстоятельств, которые могут повлечь прекращение уголовного дела, есть ли необходимость переквалификации действий подозреваемого, доказано ли совершение преступного деяния лицом, в отношении которого составлен отчет о завершении досудебного расследования

Также прокурор обязан проверить следующие обстоятельства: по всем ли установленным уголовно наказуемым деяниям лицо признано подозреваемым; приняты ли меры для привлечения к уголовной ответственности всех лиц, в отношении которых по делу добыты доказательства о совершении ими уголовных правонарушений; нет ли в деле оснований для избрания, изменения либо отмены меры пресечения; приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества; связано ли имущество подозреваемого, обвиняемого с уголовным правонарушением, являющимся основанием для возможной конфискации, в случаях, предусмотренных статьей 48 Уголовного кодекса Республики Казахстан, и представлены ли доказательства относимости данного имущества к предмету конфискации; не допущены ли в производстве досудебного расследования существенные нарушения уголовно-процессуального закона; приняты ли органом уголовного преследования меры по установлению сумм процессуальных издержек и других сумм для обеспечения их взыскания судом; имеются ли основания для заключения процессуального соглашения.

Далее по результатам подробного изучения материалов уголовного дела прокурор производит одно из следующих действий: составляет обвинительный акт; направляет уголовное дело лицу, осуществляющему досудебное расследование, для производства дополнительного расследования; прекращает уголовное дело в полном объеме или в его части; по своему усмотрению или ходатайству стороны защиты решает вопрос о заключении процессуального соглашения; дополняет или сокращает список лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей защиты.

При этом УПК РК не регламентирует механизм вскрытия прокурором конверта со списком лиц, подлежащих вызову в суд.

Вышеуказанные действия прокурор осуществляет в течение 10 суток, а по сложным, многоэпизодным уголовным делам эти действия могут осуществляться в срок до одного месяца.

Обвинительный акт прокурора в соответствии со статьей 302-1 УПК РК состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Стоит отметить, что статья 220 УПК РФ не определяет, из каких частей состоит обвинительное заключение.

Во вводной части прокурор указывает информацию о личности обвиняемого или обвиняемых, в отношении которого (которых) составляется обвинительный акт, она включает в себя: фамилию, имя, отчество, гражданство, семейное положение, род занятий, образование, место жительства, наличие судимостей, иные характеризующие данные. Также во вводной части указываются избранная мера пресечения, уголовный закон (статья, часть, пункт), по которому квалифицируются действия обвиняемого или обвиняемых.

В описательно-мотивировочной части излагаются: сущность обвинения, описание события преступления (место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства), сведения о потерпевшем.

Также в этой части обвинительного акта в соответствии со статьей 302-1 УПК РК должны указываться доказательства, подтверждающие виновность обвиняемого. Но формулировка указанной статьи не позволяет однозначно сказать, что законодатель имел в виду: указание только перечня доказательства или указание также и их содержания.

Сведения об имуществе, подлежащем возможной конфискации, и перечень доказательств, подтверждающих, что имущество подлежит возможной конфискации, тоже указываются в описательно-мотивировочной части обвинительного акта.

Приводятся обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность при их наличии, а также сведения об обстоятельствах, являющихся предпосылками применения лечения от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ.

В отличие от отчета о завершении досудебного расследования, в описательно-мотивировочной части обвинительного акта должны быть изложены доводы защиты и результаты проверки этих доводов.

В резолютивной части обвинительного акта фактически констатируется результат уголовного преследования и указываются фамилия, имя и отчество обвиняемого или обвиняемых, конкретная статья, часть и пункт статьи уголовного закона, по которым квалифицируется его деяние, решение о предании обвиняемого суду и направлении уголовного дела в суд.

Обвинительный акт подписывается прокурором с указанием места и даты его составления.

При обвинении лица в совершении нескольких уголовных правонарушений, предусмотренных разными статьями, частями или пунктами статей уголовного закона, в обвинительном акте должна быть указана квалификация каждого из этих уголовных правонарушений в отдельности.

При обвинении нескольких лиц в совершении одного уголовного правонарушения в обвинительном акте квалификация уголовного правонарушения указывается в отношении каждого обвиняемого.

К обвинительному акту прилагается список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. В списке указываются фамилия, имя, отчество (при его наличии) лица, его процессуальное положение, место жительства, ссылка на номер листа и тома уголовного дела с его показаниями.

Список должен состоять из двух частей: списка лиц, названных стороной защиты (список защиты), и списка, составленного прокурором (список обвинения).

Список помещается в опечатанный конверт и приобщается к уголовному делу.

К обвинительному акту также прилагается справка, в которой указываются срок досудебного расследования, мера пресечения, срок содержания лица под стражей, имеющиеся вещественные доказательства и место их хранения, меры, принятые для обеспечения гражданского иска и исполнения приговора суда, процессуальные издержки и суммы, подлежащие взысканию с обвиняемого, заявленный иск.

В обвинительном акте, так же как и в обвинительном заключении УПК РФ, прокурор указывает доводы со стороны защиты и результаты проверки этих доводов.

В связи с этим, соответственно, прокурор опровергает позицию подозреваемого в случае непризнания им своей вины.

Однако лицо, производящее предварительное следствие, в отчете о завершении досудебного расследования не обязано опровергать позицию подозреваемого в случае непризнания им своей вины.

Из анализа вышеприведенных норм закона следует, что в УПК РК на досудебной стадии уголовного судопроизводства такой участник со стороны защиты, как обвиняемый, отсутствует. Он появляется в уголовно-процессуальном поле только тогда, когда в соответствии со статьей 65 УПК РК в отношении него прокурором составлен обвинительный акт.

С этим соглашаются ряд российских и казахстанских ученых, считающих «обвинительный акт первым процессуальным документом, в котором отражается обвинение, сформированное органами уголовного преследования» [9; 10].

По мнению А. А. Жошевой, такой подход, когда следователь составляет только отчет о завершении досудебного расследования, а прокурор составляет обвинительный акт, «позволят разграничить функции следователя, являющегося самостоятельным процессуальным лицом, и функции прокурора. Это приведет к качественному составлению обвинительного акта прокурором на основании представленного ему отчета о завершении досудебного расследования следователем» [11]. Кроме того, это повысит уровень ответственности прокурора, который будет тщательно изучать уголовное дело при направлении его в суд. Такого же мнения придерживается И.В. Овсянников, указывая, что по пути разграничения полномочий между следователем и прокурором пошел законодатель Республики Казахстан [12].

Составление обвинительного акта прокурором в уголовном процессе Республики Казахстан, в отличие от утверждения обвинительного заключения прокурором в уголовном процессе России, является интересной правовой формой, завершающей стадию досудебного производства.

Так, прокурор в обвинительном акте фактически излагает свое видение окончательного этапа расследования уголовного дела, которое может противоречить видению следователя и отчету о завершении досудебного расследования.

Вместе с тем доказательства со стороны защиты в обвинительном акте раскрываются и оцениваются без мнения лица, производящего предварительное следствие, что, на наш взгляд, является однобокой конструкцией. Ведь именно следователь собирал доказательства, непосредственно допрашивал свидетелей. Именно это процессуальное лицо досконально знает материалы уголовного дела и должно иметь возможность донести до прокурора свою позицию в отношении доводов, приводимых стороной защиты.

При том правовом регулировании, которое имеется в УПК РК, позиция обвиняемого в случае непризнания им своей вины следователем в его окончательном процессуальном акте не опровергается.

Отношение следователя, составившего отчет о завершении досудебного расследования, к показаниям подозреваемого, не признающего своей вины, неизвестно, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об отсутствии у прокурора реальной возможности в полном объеме всесторонне оценить доказательства, опровергающие позицию защиты по делу.

Более того, такое правовое регулирование, по нашему мнению, может привести к росту числа

оправдательных приговоров, вследствие того что позиция защиты лица, привлекаемого к уголовной ответственности, станет предметом пристального рассмотрения только в суде, что не позволит обвинению полностью быть готовым к ее опровержению.

Библиографический список

1. Шуваткин А. В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 13 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002614772.pdf?ysclid=m0niplba9b262767529.

2. Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 05.03.2004 № 1. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8272/.

3. Коновалова Е. А. Вопросы оптимизации деятельности следователя на этапе окончания расследования преступлений, совершенных ОПГ // Российский следователь. 2021. № 5. С. 13–16. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-5-13-16. EDN: https://www.elibrary.ru/fnopex.

4. Лобачев Д. А. Прокуратура и ее надзорные функции: учебное пособие. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2020. 128 с. ISBN 978-5-7883-1527-0. URL: http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Prokuratura-i-ee-nadzornye-funkcii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-85737?ysclid=m0njplta7h180022820; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44158709. EDN: https://www.elibrary.ru/vdmjal.

5. Шуваткин А. В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 242 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002614772/?ysclid=m0nk2kfyav132893635.

6. Россинский С. Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. 2023. № 10. С. 10–14. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-10-10-14.

7. Калюжный А. Н. Обвинительное заключение как итоговый документ заключительного этапа расследования: проблемы процессуальной реализации и формы // Российский судья. 2020. № 4. С. 34–39. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-34-39. EDN: https://www.elibrary.ru/rtglwl.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V ЗРК (с изм. и доп., внесенными Законом от 16.11.2023 № 40-VII) // Информ.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231.

9. Финк Д. А. Отражение законных интересов потерпевшего о его праве знать о подозрении и об обвинении (По материалам России и Казахстана) // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 6. С. 177–186. DOI: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.139.6.177-186.

10. Поликарпова О. С. Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуальных законов России и Республики Казахстан в целях поиска пути совершенствования института подозрения // Российский следователь. 2020. № 11. С. 68–72. DOI: http://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-11-68-72.

11. Жошева А. А. Отчет о завершении досудебного расследования – новелла уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан // Карагандинский областной суд: официальный сайт. 2023. № 6. URL: https://krg.sud.kz/rus/massmedia/otchet-o-zavershenii-dosudebnogo-rassledovaniya-novella-ugolovno-processualnogo (дата обращения: 05.03.2024).

12. Овсянников И. В. Полномочие по составлению итогового для предварительного следствия процессуального акта // Законность. 2023. № 5 (1063). С. 22–25. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53815795. EDN: https://www.elibrary.ru/dbztuh.

References

1. Shuvatkin A. V. *Obvinitel'noe zaklyuchenie i obvinitel'nyi akt v sovremennom ugolovnom protsesse Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal indictment and bill of indictment in modern criminal proceedings in Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2003, 13 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002614772.pdf?ysclid=m0niplba9b262767529 [in Russian].

2. *Postanovlenie Plenuma VS RF «O primenenii sudami norm ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» ot 05.03.2004 № 1* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the application by courts of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 05.03.2004 № 1]. Available at: https://www.vsrf.ru/documents/own/8272 [in Russian].

3. Konovalova E. A. *Voprosy optimizatsii deyatel'nosti sledovatelya na etape okonchaniya rassledovaniya prestuplenii, sovershennykh OPG* [Issues of optimization of investigator's activities at termination of the investigation of crimes committed by an organized criminal group]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2021, no. 5, pp. 13–16. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-5-13-16. EDN: https://www.elibrary.ru/fnopex (accesed 20.03.2024) [in Russian].

4. Lobachev D. A. *Prokuratura i ee nadzornye funktsii: uchebnoe posobie* [Prosecutor's office and its supervisory functions: study guide]. Samara: Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S. P. Koroleva, 128 p. ISBN 978-5-7883-1527-0. Available at: http://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Prokuratura-i-ee-nadzornye-funkcii-

ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-85737?ysclid=m0njplta7h180022820; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44158709. EDN: https://www.elibrary.ru/vdmjal [in Russian].

5. Shuvatkin A. V. *Obvinitel'noe zaklyuchenie i obvinitel'nyi akt v sovremennom ugolovnom protsesse Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal indictment and bill of indictment in modern criminal proceedings in Russia: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2003, 242 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002614772/?ysclid=m0nk2kfyav132893635 [in Russian].

6. Rossinskiy S. B. *Obvinitel'noe zaklyuchenie: mnimye i podlinnye protsessual'nye smysly* [Indictment: imaginary and real procedural meanings]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2023, № 10, pp. 10–14. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2023-10-10-14 [in Russian].

7. Kalyuzhny A. N. *Obvinitel'noe zaklyuchenie kak itogovyi dokument zaklyuchitel'nogo etapa rassledovaniya: problemy protsessual'noi realizatsii i formy* [Accusation as the Final Document of the Closing Investigation Stage: Issues of Procedural Implementation and Form]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2020, no. 4, pp. 34–39. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3791-2020-4-34-39. EDN: https://www.elibrary.ru/rtglwl [in Russian].

8. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 04.07.2014 № 231-V ZRK (s izm. i dop., vnesennymi Zakonom ot 16.11.2023 № 40-VII)* [Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated 04.07.2014 № 231-V ЗРК (as amended and supplemented by the Law dated 16.11.2023 № 40-VII)]. *Retrieved from the official website of Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan*. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 [in Russian].

9. Fink D. A. *Otrazhenie zakonnykh interesov poterpevshego o ego prave znat' o podozrenii i ob obvinenii (Po materialam Rossii i Kazakhstana)* [Reflection of the Legitimate Interests of the Victim in his Right to Know about the Suspicions and Charges (Based on Russian and Kazakh Materials)]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, vol. 17, no. 6, pp. 177–186. DOI: https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.139.6.177-186 [in Russian].

10. Polikarpova O. S. *Sravnitel'no-pravovoi analiz ugolovno-protsessual'nykh zakonov Rossii i Respubliki Kazakhstan v tselyakh poiska puti sovershenstvovaniya instituta podozreniya* [A comparative legal analysis of criminal procedure laws of Russia and the Republic of Kazakhstan aimed at the search for a way to improve the institution of suspicion]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2020, no. 11, pp. 68–72. DOI: http://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-11-68-72 [in Russian].

11. Zhosheva A. A. *Otchet o zavershenii dosudebnogo rassledovaniya – novella ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan* [Report on the completion of pre-trial investigation – a novelty of the criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan]. *Retrieved from the official website of Karaganda Regional Court*, 2023, no. 6. Available at: https://krg.sud.kz/rus/massmedia/otchet-o-zavershenii-dosudebnogo-rassledovaniya-novella-ugolovno-processualnogo (accessed 05.03.2024) [in Russian].

12. Ovsyannikov I. V. *Polnomochie po sostavleniyu itogovogo dlya predvaritel'nogo sledstviya protsessual'nogo akta* [The authority to draft the final procedural act in criminal investigacion]. *Zakonnost'*, 2023, no. 5 (1063), pp. 22–25. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53815795. EDN: https://www.elibrary.ru/dbztuh [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79

CC BY

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.9

Дата поступления: 15.05.2024
рецензирования: 17.06.2024
принятия: 10.09.2024

Потенциал конститутивной криминологии в изучении служб пробации

Н. П. Щукина
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nina_shukina@mail.ru

Аннотация: В статье актуализируется потенциал конститутивной криминологии в исследовательском и практическом контекстах, в свете постмодернистской криминологии. В отечественной науке конститутивная криминология остается пока «дамой под вуалью». Автор счел возможным при раскрытии темы, заявленной в названии статьи, сфокусировать внимание на особенностях данного сравнительно нового направления современной криминологии, постепенно двигаясь к определению возможностей применения конститутивной криминологии в исследованиях и организации практик служб пробации. Обращение к потенциалу конститутивной криминологии в изучении служб пробации означает возможность сделать голоса осужденных и бывших осужденных слышимыми в их взаимодействии со службами пробации. Высказывается предположение о том, что использование потенциала конститутивной криминологии в изучении и деятельности служб пробации будет способствовать гуманизации уголовной политики, как, впрочем, и диалогу сторонников и противников конститутивной криминологии. Постановка вопросов о роли деконструкции, реконструкции текстов служб пробации и создании на этой основе замещающего дискурса (неофициальной истории) в отношении ресоциализации осужденных и бывших осужденных актуализирует тему междисциплинарности в криминологии в целом, ее связи с такими дисциплинами, как социология и лингвистика.
Ключевые слова: конститутивная криминология; дискурс; замещающий дискурс; голоса осужденных и бывших осужденных; ресоциализация осужденных; пробация; службы пробации; доверие к службам пробации; криминология новостного производства; публичные криминологи.
Цитирование. Щукина Н. П. Потенциал конститутивной криминологии в изучении служб пробации // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 69–79. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Щукина Н. П., 2024
Нина Петровна Щукина – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.05.2024
Revised: 17.06.2024
Accepted: 10.09.2024

Potential of constitutive criminology in the study of probation services

N. P. Shchukina
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nina_shukina@mail.ru

Abstract: The article actualizes the potential of constitutive criminology in research and practical contexts. In domestic science, constitutive criminology remains so far a “lady under the veil”. In this regard, the author considered it possible, when disclosing the topic stated in the title of the article, to focus on the features of this relatively new direction of modern criminology, gradually moving towards determining the possibilities of applying constitutive criminology in research and organizing the practices of probation services. Addressing the potential of constitutive criminology when examining probation services means making the voices of convicts and ex-convicts audible in their interactions with probation services. It is suggested that the use of the potential of constitutive criminology in the study and activities of probation services will contribute to the humanization of criminal policy, as, indeed, to dialogue among supporters and opponents of constitutive criminology. Raising questions about the role of deconstruction, reconstruction of the texts of probation services and the creation on this basis of a substitute discourse for the resocialization of convicts and former convicts actualizes the topic of interdisciplinarity in criminology as a whole, its connection with such disciplines as sociology and linguistics.
Key words: constitutive criminology; discourse; substitute discourse; voices of convicts and ex-convicts; probation services; probation service clients, trust in probation services; news production criminology; public criminologists.

2024. Т. 10, № 3. С. 69–79
2024, vol. 10, no. 3, pp. 69–79

Citation. Shchukina N. P. *Potentsial konstitutivnoi kriminologii v izuchenii sluzhb probatsii* [Potential of constitutive criminology in the study of probation services]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 69–79. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-69-79 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Shchukina N. P., 2024
Nina P. Shchukina – Doctor of Sociology, professor, professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Становление и развитие служб пробации – одна из ключевых криминологических проблем в контексте низкого уровня ресоциализации осужденных и бывших осужденных, а также высокого уровня рецидивной преступности. С актуальностью данной темы связан выход в свет целого ряда работ, написанных как отечественными, так и зарубежными учеными [1–5]. Обобщение опыта работы служб пробации в странах, где за плечами таких организаций порой вековая история, свидетельствует, что такие службы – «дорогое удовольствие» [6]. Частичная приватизация этих организаций, разнообразие программ повышения квалификации специалистов, в них работающих, целый ряд других мер не повышают результативность их деятельности, включая вопросы ожидаемого снижения рецидивной преступности, текучести кадров, удовлетворенности как получателей услуг, так и их поставщиков взаимодействием друг с другом.

В российском контексте актуальность темы, заявленной в названии данной статьи, связана со становлением служб пробации, инструментом которых, согласно Федеральному закону от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в РФ», становятся *индивидуальные программы* ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. В числе базовых принципов пробации – учет *индивидуальных* особенностей, обстоятельств и потребностей, *гуманизм, приоритет прав и законных интересов* человека и гражданина [7], что актуализирует тему учета голосов осужденных и бывших осужденных – клиентов служб пробации.

Памятуя о том, что в традиционных криминологических исследованиях голоса осужденных и бывших осужденных остаются фактически не слышимыми, мы можем посмотреть на эту проблему с позиции постмодернистской криминологии. Заметим, что последняя в российской криминологии получает явно негативную или противоположную ей оценки. Так, в одной из работ читаем о «деструктивности» постмодернизма, его невозможности стать методологическим основанием криминологии; об «иррациональности, циничности, поверхностности» постмодернистской методологии [8, с. 64], в другой – о «тупике неокриминологии» с акцентом на оценке преступности как патологичной, разрушающей основы общества и т. п. [9]. Кстати сказать, Э. Дюркгейм в «Методе социологии» (1895) предупреждал криминологов не спешить с оценкой преступности как носящей патологический характер, обращая внимание на нормальность данного феномена и наличие у него ряда позитивных функций [10, с. 407, 463].

Наряду с негативными даются и позитивные оценки постмодернистской криминологии как *прогрессивной* научной дисциплины [11; 12]. Заметим, что общим для этих полярных точек зрения касательно постмодернистской криминологии является, на наш взгляд, по сути, абстрагирование от того, что «*существует много постмодернизмов*» [13], есть не только «*скептическая*», «*нигилистическая*» [14, p. 223], но и «*утвердительная*» постмодернистская криминология (affirmative postmodern criminology) [15, p. 156–164]. Если скептический постмодернизм предлагает пессимистическую, негативную оценку постмодернистской эпохи, ее неопределенности и общественного хаоса, невозможности истины, то утвердительные постмодернисты проявляют большой оптимизм, выходя за рамки нигилизма, субъективизма и пораженчества, присущих скептическому постмодернизму; они ищут философскую и интеллектуальную практику, которая была бы недогматична, экспериментальна. Их критика модернизма неабсурдна [16, p. 117–118; 17]. Конститутивные криминологи демонстрируют, как люди могут создавать новые социальные самости и социальные миры [18]. Они стремятся к всестороннему анализу изучаемых феноменов, отказываясь от одномерного прочтения преступности и ее контроля, направляя свои усилия к объединению различных теорий, заимствованных из разных научных дисциплин. Наряду с этим конститутивная криминология – это «гуманистический подход» к изучению проблемного поля данной науки [19, p. 496]. Конститутивная криминология является «единственной» хорошо разработанной попыткой переосмыслить центральные вопросы и темы криминологии с точки зрения постмодернизма [20].

В силу сказанного выше касательно конститутивной криминологии и ее места в криминологии постмодернистской есть резон сфокусировать далее внимание именно на потенциале данного направления в современной криминологии. Что же предлагает конститутивная криминология, что может она сказать относительно вопросов становления служб пробации, их политики и методов практики и каковы ее научные основания? Разумеется, в рамках статьи не ставится цель дать полное и окончательное описание конститутивной криминологии при ответе на поставленные вопросы. Наша цель более прозаическая – сфокусировать внимание в данном сравнительно новом направлении криминологии лишь на тех моментах, которые способствовали бы выявлению, актуализации и использованию дополнительных ресурсов как исследователями, так службами пробации в направ-

лении повышения результативности деятельности этих служб. Иными словами, цель данной статьи – в проблематизации потенциала конститутивной криминологии в изучении и организации практик служб пробации.

Подчеркнем, что основатели конститутивной криминологии – С. Генри и Д. Милованович – выступают за «интегративное понимание криминологии», подтвердив строгие дисциплинарные границы науки [21, p. XXXV]. С одной стороны, они опираются на ряд критических социальных теорий, включая символический интеракционизм, социальный конструктивизм, феноменологию, этнометодологию. Генри и Милованович утверждают, что выводят свою теорию из многочисленных источников, в частности, из концепции критического сознания П. Фрейре они заимствуют критику *банковской концепции знания*, согласно которой педагог не наполняет умы, например, крестьян материалами из банка своих знаний, а обсуждает идеи крестьян на взаимной основе и помогает им сформулировать свои потребности и требования [22]. Наряду с этим конститутивные криминологи заимствуют понятие *гиперреальности* у Бодрийяра, прибегают к *семиотике* Соссюра и Лакана, *теории структурации* Гидденса, «*перевороту иерархий*» у Деррида, с некоторыми вариациями опираются на *теорию сложности* и даже *диалектический материализм* Маркса [20]. Кстати сказать, при разработке конститутивной криминологии ученые использовали и работы М. Бахтина [15, p. 309]. Тем не менее главные столпы, на которых базируется конститутивная криминология, это «особая интерпретация Ж. Лакана, сопоставленная с теорией хаоса» [20]. По сути, у Лакана конституционные криминологи заимствуют «интерпретацию клинического психоанализа» (работы с дискурсами)[1], с фокусом внимания на дискурсах *аналитика*, и, перефразируя Лакана, скажем так: *заключенного или бывшего заключенного* [16, p. 117–118]. Каждый субъект, по Лакану, в случае конститутивной криминологии – осужденный или бывший осужденный, обладает уникальными, постоянно изменяющимися чертами; у него особая судьба, определяемая специфичными, присущими только ему «данностями». При этом лучшее определение субъекта – «тот, кто страдает»[2][23]. Согласно конститутивной криминологии, люди, подвергающиеся (или подвергавшиеся) наказанию со стороны системы уголовного права, скорее всего, страдают от него и его последствий. Им была бы полезна помощь в формулировании их социально приемлемых потребностей и желаний. При этом, разумеется, нельзя забывать, что далеко не все законные стремления этих лиц могут быть удовлетворены имеющимися ресурсами [24]. Вместе с тем эти люди являются активными, сопротивляющимися субъектами, обладающими немалыми ресурсами для идеологического и психоаналитического сопротивления. Иными словами, они способны отвергать или деформировать социальные директивы, используя язык своим особым способом. В этой связи работа аналитика должна состоять в том, чтобы внимательно прислушаться к этому особому языку, оборотам речи, к тому, как эта речь, создавая системы желаний и идентификаций, движет субъектами.

Из теории хаоса[3] конститутивные криминологи заимствуют понятие неразрешимости и неопределенности (1), идею о том, что один человек может иметь существенное значение (2), и анализ условий, далеких от равновесия (3) [20]. В соответствии с положениями, заимствованными в теории хаоса, конститутивные криминологи постулируют, что нужно быть готовым к «вещам» неожиданным, удивительным, противоречивым и внезапным уже в силу того, что существует очень много начальных переменных, таких, например, как пол, возраст, образование, место жительства и т. п., и мы просто не можем знать, какой результат ожидать от такого большого их набора [16, p. 117–118]. Что касается идеи о том, что один человек может иметь значение, то она неоднократно встречается в конститутивной криминологии, в таких примерах, как подписание петиции, голосование, или выступление, которые могут в долгосрочной перспективе иметь серьезные последствия [25]. Иными словами, крошечные или небольшие возмущения системы иногда могут приводить к серьезным изменениям во всей системе.

Ключевые составляющие конститутивной криминологии, согласно Генри и Милованович, следующие: преступность – дискурсивное совместное производство; акцент на изучении отношений, производящих преступность, на способах такого совместного производства в целях уменьшения вреда, причиняемого этим производством; недопустимость идеи отделения преступности от социальных процессов [26, p. 437], от структурных и культурных контекстов, в которых они производятся [27]. Остановимся на этих составляющих. Милованович и Генри призывают к отказу «*от бесполезного поиска причин преступности*», ибо такой поиск, по сути, поддерживает преступность как отдельную реальность; акцент предлагается сделать на изучении «*конституирования преступности*» как части общества, способов такого конституирования, используемых человеческими агентами [22, p. 307]. Подчеркивается, что конституирование преступности зависит от контекста, от динамики власти и СМИ. Преступность

[1] Ж. Лакан определяется как одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа, в фокусе внимания конститутивных криминологов – его понимание психоанализа как процесса, в котором взаимодействуют ряд дискурсов.

[2] Такая трактовка заимствуется у Ж. Лакана, и она не случайна в контексте его психоаналитической практики.

[3] Теория хаоса все чаще становится ключевым элементом в постмодернистском анализе. Среди ее основателей – И. Пригожин, А. Пуанкаре, М. Фейгенбаум. Данная теория уже нашла применение в таких дисциплинах, как психоанализ, литература, право, социология. См.: Milovanovic D. Dueling Paradigms Modernist v. Postmodernist Thought // Postmodern Criminology. 1st edition. 1997. URL: Dueling Paradigms: Modernist v. Postmodernist Thought – Critical Criminology (critcrim.org) (дата обращения: 01.06.2024).

переопределяется авторами конститутивной криминологии как «способность отказывать другим в их способности иметь значение», и в соответствии с этим определением рассматривается вопрос о сокращении преступности [26, p. 439]. Преступление также рассматривается как дискурсивная конструкция. Ученые взывают к необходимости прекращения «вкладываться» в миф о человеческих агентах как индивидуумах со свободным выбором, управляемых утилитарным расчетом или биологически и психологически запрограммированных. Вместо изучения факторов, способствующих преступности, конститутивные криминологи, повторим, изучают отношения, производящие преступность, способы такого совместного производства. В этой связи внимание исследователей и практиков должно быть направлено на конституирование преступности как «текста», «повествования», как режима дискурса, непрерывно изменяющегося сценария. Не менее важными являются деконструкция и реконструкция изучаемого объекта как текста. Например, «реабилитация» преступников должна быть деконструирована криминологами и практиками; причем эти специалисты должны прекратить драматизировать как преступность, так и реабилитацию преступников, отрицая их статус как независимых сущностей [22, p. 308]. Такое видение преступности предполагает написание нового сценария преступности, «*заменяющего дискурса*», связывающего человеческих агентов и продукты их деятельности с целым, частью которого все они являются.

Иными словами, конститутивная криминология, как и постмодернизм в целом, связана с контролем над языковыми системами. Акцентируется внимание на том, что личность – хотя бы частично – конструируется языком [22]. В этой связи, чтобы понять и быть понятыми, представляется крайне важным изучение «языковых игр»[4], в которые играют люди в процессе взаимодействия. Таким образом, конститутивные криминологи фокусируют внимание не на проблемах экономического и социального угнетения, а на лингвистическом производстве, на утверждении, в частности, что уголовное право – это язык для создания отношений доминирования. Язык судов, например, выражает и институционализирует доминирование над личностью, будь то обвиняемый или обвинитель, преступник или жертва, со стороны социальных институтов. Словом, лингвистический поворот не обошел стороной и криминологию.

«*Наша цель*, – пишут основатели конститутивной криминологии, – н*е в том, чтобы добавить еще один выстрел к парадигматическому перекрестному огню, а в том, чтобы рефлексивно рассмотреть парадигмальный зонтик, под которым... саженцы реактивного критического роста криминологии могут обрести силу*» [22, p. 294]. Если модернистская криминология, как констатирует Милонович, отдает предпочтение «фоновым факторам», таким как класс, раса, пол, образование, возраст, факторам окружающей среды, то конститутивная криминология является целостным взглядом на преступность, согласно которому преступность и контроль над ней не могут быть отделены от различных контекстов, в которых они совместно производятся [15, p. 156–164].

Подчеркнем, что дискурс – одно из ключевых понятий конститутивной криминологии[5]. Речь, язык тела и письменное слово – все это символы, составляющие дискурс. Конститутивные криминологи, обращаясь к «прозрениям» Э. Лакло и Ш. Муфф, постулируют, что дискурс является текстом, как и все явления и события. Он может быть как написанным, так и произнесенным, может быть кино- или телевизионным изображением или даже сном [20]. Но это не просто текст, а совокупность фиксированных в этом тексте значений [28, с. 50]. Посредством дискурса человеческие агенты строят свой социальный мир и одновременно формируются этим социальным миром. Дискурс – это активное средство, воплощение субъективного творчества, желаний, побуждений и потребностей, возникающих как внутри человеческого субъекта, так и внутри социального мира [29]. Кстати сказать, проблематикой криминологического дискурса в отечественной науке занимался А. Э. Жалинский[6], определяя последний как, по сути, «процесс выработки суждений о преступности» [30].

---

[4] Языковая игра – понятие, введенное в научный дискурс в 1953 г. Л. Витгенштейном для описания языка как системы конвенциональных правил, соблюдаемых коммуникации. Витгенштейн утверждал, что слово или предложение имеет определенное значение, основанное только на «правилах» текущей «игры». Например, в зависимости от контекста высказывание «Служба пробации!» может быть либо указанием, либо советом, либо ответом на вопрос, или другим видом коммуникации.

[5] Дать определение дискурсу нелегко, так же как и обществу. Так, социология по сути не дает определения обществу, а только описывает и анализирует множество его свойств. Если обобщить множество свойств дискурса, то в их числе окажутся такие, как упорядоченная последовательность слов, предложений, форма коммуникации и др. Дискурс как социальное взаимодействие может быть определен в терминах речевых актов, таких как обещания и угрозы, или в терминах множества структур разговора, таких как начала, завершения или прерывания. Существует множество жанров дискурса, таких как неформальное общение, новостные репортажи в прессе или на телевидении, парламентские дебаты, партийная пропаганда, множество типов юридического (законы, допросы), политического (речи политиков) или образовательного дискурса.

[6] Несомненно, А. Э Жалинский внес огромный вклад в отечественную юриспруденцию; тем не менее трудно согласиться с отнесением его рядом исследователей (см., например, Суходолов А. П., Московцев А. Ф. Криминологический дискурс: «классика», современность, перспектива // Всероссийский криминологичекий журнал. 2019. Т. 13, №2. С. 181–196) к «первопроходцам» в разработке проблематики криминологического дискурса, уже в силу того, что в числе таких первопроходцев – Ч. Беккариа, правда, в те времена сам термин «дискурс» не использовался (см.: Walker J. T., Boyeskie J. A. The Discourse of Criminality: From Beccaria to Postmodernism // Critical Criminology. 2001. Vol. 10. P. 107–122. URL: https://doi.org/10.1023/A:1013166212740).

Модернистская парадигма предполагает, что дискурс нейтрален, он всего лишь инструмент для выражения рационально разработанных проектов внутренне центрированного субъекта. Согласно же конститутивной криминологии, дискурсы могут быть, с одной стороны, манипулятивными и репрессивными в выражении желания; с другой стороны, они могут предлагать большие возможности выражения этим же желаниям [29]. Дискурсы оказывают как освобождающее, так и сдерживающее воздействие на человека. Они служат освобождению человеческих субъектов, ибо посредством активного дискурса человек может сообщать об уникальности своего внутреннего мира, своих желаний, побуждений и потребностей. Но в то же время дискурсы оказывают сдерживающее воздействие на человека, ибо люди часто воспринимают себя как более подверженных воздействию, чем действующих. Так, например, роль, которую человек принимает в обществе, зависит от социального и психологического влияния, налагаемого обществом на человека [26].

Основная конститутивная тема – деконструкция. Она, как пишет Д. Ли, «подобна трате времени со словарем на поиск слов, которые определяются в терминах других слов, которые, в свою очередь, можно искать и так далее», или, по меткому выражению Р. Бермана, «деконструкция – это ресторан, где можно только заказать меню» [31]. Речь идет о деконструкции, во-первых, того, что составляет преступность, ее жертв и контроля над преступностью, путем демонстрации того, как этот дискурс был создан для обеспечения легитимности власти и ее действий по названному выше контролю; и, во-вторых, того, как были построены границы этих действий, считающихся необходимыми для управления преступностью и борьбы с ней. Иными словами, деконструкция дискриминации, отчуждения, насилия и агрессии, угнетения, несправедливости и борьбы с ними – основная конститутивная тема [32, p. 112]. Тем самым в фокусе внимания оказываются голоса исключенных, маргинализированных, бесправных, лишенных власти и угнетенных, озвучивание этих голосов [33, p. 7].

Цель деконструкции связана с выявлением того, что скрыто и подавлено криминологическим дискурсом [31]. Деконструкция связана с привилегированным вниманием к явлениям, практикам, текстам, словам, обычно считающимся неважными или маргинальными по отношению к более широким, устоявшимся дискурсам и практикам [34]. В процессе деконструкции текстов предпринимаются усилия показать влияние исследуемых явлений на легитимность более широкой практики, из которой они изгоняются на обочину.

Деконструкция разрывает тем самым текст на части и раскрывает его противоречия и предположения [20]. Это – во-первых.

Во-вторых, деконструкция имеет неоспоримый критический элемент, связанный с открытием более глубоких и сложных горизонтов смысла изучаемых текстов. Разумеется, деконструктивизм не обязательно подрывает полезность любого дискурса, тем более важность любых ценностей или желательность любой практики. Это означает, что выбор текста, подлежащего деконструкции, зависит от того, что работает, а не от того, что является «правдой». Понимая, что все дискурсы, так или иначе, являются эффектами власти, и прибегая к деконструкции тех или иных текстов, сторонники этого подхода предполагают, что такая деконструкция может помочь в идентификации изучаемых социальных проблем. Тем самым оказывается помощь в принятии результативных мер по их решению. Иными словами, выбирается тот подход, который работает [31].

В-третьих, деконструкция – уже в силу критического прочтения исследуемого объекта и запуска «движения инаковости» – содержит этический элемент, затрагивает вопросы справедливости и ответственности перед Другим [31]. Сказанное представляется методологически значимым при организации работы с изучаемыми текстами. Обращая внимание на потенциал способов, которыми изучаемые дискурсы лишают прав одних и дают привилегии другим, Генри и Милованович выражают надежду на возможность снижения частоты причинения вреда доминирующими дискурсами тем, кто лишен власти и чьи голоса не слышимы.

Описанная выше исследовательская деятельность предполагает написание нового сценария изучаемого объекта, «*заменяющего дискурса*», связывающего человеческих агентов с целым, частью которого они являются.

Подчеркнем, что деконструкция в конститутивной криминологии идет рука об руку с реконструкцией, как и теория с практикой [29]. Усилия исследователей, согласно С. Генри и Д. Милововичу, должны быть сосредоточены, повторим, на *реконструкции и перенаправлении* текстов, на создании замещающего дискурса. Предназначение данного дискурса – в замене вредных моментов в осуществлении власти дискурсами, рассказывающими другие истории о преступности и контроле над ней, подпитывающими позитивные социальные конструкции [26]. Согласно Генри и Милововичу, создание менее вредных дискурсов изучаемых объектов препятствует жизнеспособности преступности [27].

Обосновывая необходимость и значимость создания замещающих дискурсов, конститутивные криминологи замечают, что преступление в современном обществе – гораздо больше, чем акт нарушения закона: это основной источник новостей и текущих событий; оно обеспечивает широкое трудоустройство для специалистов многих профилей, для сотрудников системы уголовного наказания и связанных с ней организаций. Утверждается необходимость корректировки объекта криминологии, ее проблемного поля – предлагается разработка новых пониманий/значений и новых общественных отношений, связанных с преступностью и контро-

лем над ней. Для достижения этих целей конститутивные криминологи и предлагают разрабатывать «замещающие дискурсы», «альтернативные видения» объекта криминологии. Такие замещающие дискурсы могут стать новыми «дискурсивными порядками». Они направлены на проблематизацию доминирующих теорий преступности и на предоставление голоса маргинализированным и бесправным группам, нередко становящимся объектами уголовной политики (например, бедным, этническим меньшинствам). Тем самым конститутивные криминологи, деконструируя преступность, демонстрируют связь уголовной политики с более крупными социальными процессами, происходящими в современном обществе. Более того, вместо определения криминологии как совокупности полезных для управления преступностью знаний конститутивная криминология подвергает испытанию само определение «полезные знания», предлагая к обсуждению целый ряд вопросов: знания полезные для кого или чего; полезные каким образом и в соответствии с чьими стандартами?

Не менее важно и другое: политика *замещающего дискурса* в отношении преступности и правосудия должна с пониманием относиться к теоретическим противоречиям и непредвиденным поведенческим обстоятельствам, неизбежным в условиях, далеких от равновесия, в динамичном – с высоким уровнем неопределенности – социуме [35].

Наконец, важная роль в создании замещающего дискурса отводится СМИ, оказывающим сильное влияние на современную массовую культуру, на социальные представления о преступности и ее контроле. Конститутивная криминология направлена на соединение научного анализа и популярных дискурсов таких тем, как преступность и борьба с ней, преступники и их жертвы, криминализация и виктимизация. Тем самым признается совместная с практиками уголовной политики ответственность за преступность и ее контроль. Сказанное нашло отражение в становлении криминологии новостного производства (newsmaking criminology) [36].

«Криминология новостного производства», согласно Бараку[7], – это сознательные действия по созданию новостей, направленные на формирование представлений о преступности и правосудии, заслуживающих внимания [37]. Участие ученых-активистов в создании новостей предоставляет для них потенциальную возможность содействовать исправлению предвзятых изображений и оценки преступлений и преступников, уголовной политики в целом, способствуя привлечению к ответственности, в том числе, и «влиятельных учреждений, и отдельных лиц» [37]. В любом случае криминологи обладают уникальной способностью бросать вызов пагубным аспектам современного общества, таким, например, как «рыночная тирания», посредством действий, обращенных к общественности. Если криминологи остаются изолированными от общества, в котором они живут и к которому они обращаются, проводя исследования, то они отказываются от требований подотчетности в своей деятельности и имеют потенциал быть «провинциальными», «эгоцентричными» и в крайних случаях «едва понятными» [37]. Криминологам необходимо взаимодействовать с общественностью, ибо «нигде разрыв между восприятием и доказательствами не так велик, как в изучении преступности». Участие криминологов в создании новостей, сотрудничество со СМИ – серьезный инструмент сокращения нежелательных границ между исследователями, объектами их исследований, другими заинтересованными сторонами и гражданским обществом [37].

Резюмируя сказанное выше в контексте темы нашей статьи, подчеркнем, что современная криминология, разумеется, несводима к криминологии конститутивной; в ней представлены различные направления, теории, точки зрения. Конститутивная криминология, разумеется, – не панацея от всех бед. Есть немало критических замечаний, высказываемых касательно ее сути (впрочем, фактически у любого научного подхода есть свои критики, оппоненты). В частности, критики ведут речь о явном дефиците исследований, базирующихся на идеях конститутивной криминологии. Но, как постулируют ее основатели, конститутивная криминология является сравнительно новым направлением в криминологии. Обращается внимание критиков и на сложность текстов конститутивных криминологов, что, по мнению основателей данного направления в критической криминологии, является результатом объединения сложных теории хаоса и теории Лакана как ключевых ее источников [26]. Очевидно и другое: необходим диалог конститутивной криминологии с другими подходами, представленными в данной науке.

Тем не менее, как было отмечено выше, есть все основания воспользоваться именно потенциалом конститутивной криминологии, изучая процесс становления служб пробации в нашей стране. Действительно, конститутивная криминология предлагает и исследователям, и практикам иной, нежели традиционный, взгляд на развитие служб пробации и обеспечение результативности их деятельности. В фокусе внимания в этой связи должно быть понятно:

– как «строится здание»: службы пробации и знание о них, какая роль отводится в этом знании взаимодействующим, как пишут основатели конститутивной криминологии, человеческим агентам;

[7] Криминология новостного производства или «ньюсмейкинговая криминология» (newsmaking criminology), как пишет Г. Барак, один из ее основателей, как и основателей конститутивной криминологии, является процессом внесения криминологами вклада в создание «новостного» медиаконтента о преступности и правосудии посредством взаимодействия с вещательными и другими новостными СМИ. См., например: Barak G. Newsmaking Criminology: Reflections of the Media, Intellectuals, and Crime // Justice Quarterly. 1988. Vol. 5, iss. 4. P. 565–587.

– как это здание стоит, несмотря на оппозицию;
– как его можно перестроить или построить по-другому, создавая замещающий дискурс [38].

Тем самым признается, что службы пробации – результат совместного производства и овеществления этих организаций; производства, осуществляемого взаимодействующими на этом поле человеческими агентами, включая получателей услуг данных организаций. В этой связи вспоминается мысль основоположников конститутивной криминологии, неоднократно воспроизводимая ими в разных контекстах: «Чем больше государственные органы разрабатывают свои контрольные разговоры и чем больше людей испытывают иную реальность отношений, подлежащих контролю, тем больше презрения вызывают контролеры и их контрольные институты» [22, p. 298]. В конечном счете, как постулируют ученые, люди начинают подвергать сомнению различия как между кражей и законным приобретением собственности, так и между честностью и нечестностью. Такие сомнения, подрывающие доверие к службам пробации (в нашем случае), связаны с попытками этих служб прежде всего контролировать поведение этих человеческих агентов, а не способствовать их реинтеграции в общество [22, p. 298]. Отсюда – фокус внимания на голосах, ранее неслышных, на выявлении и актуализации потенциала этих агентов, ранее невидимых и не востребованных или отодвигаемых на задние места «автобусов» служб пробации. Такие практики становятся возможными благодаря использованию способов, альтернативных «линейному анализу», характерному для традиционной криминологии. В данном случае вспоминается заимствованная у П. Фрейре основателями конститутивной криминологии критика «*банковской концепции знания*», согласно которой специалисты служб пробации (педагоги у П. Фрейре) не наполняют умы своих клиентов из банка своих знаний, а обсуждают идеи этих клиентов на взаимной основе и помогают им сформулировать свои потребности и интересы, способствующие реинтеграции в общество в качестве сограждан.

Фокусируется внимание на лингвистическом производстве объекта исследования с акцентом на доминирующих дискурсах служб пробации. Так, реинтеграция бывших осужденных – это дискурсивный процесс, посредством которого аспекты соответствующей практики выбираются, подчеркиваются, совершенствуются, придаются языковой форме и обсуждаются в официальных, административных текстах, в то время как другие аспекты игнорируются, подчиняются, рассеиваются и относятся к неформальному или концептуализируются как «ненормальные». И далее – в результате деконструкции официальных дискурсов пробации, в которой участвуют и получатели услуг соответствующих организаций, – создаются замещающие дискурсы. Предназначение этих дискурсов – рассказать другие истории о ресоциализации осужденных и бывших осужденных, о потенциале служб пробации в этом процессе: истории, подпитывающие позитивные социальные конструкции, с фокусом внимания на иных контекстах и ином наборе условий деятельности данных организаций. При этом задача деконструкции официального дискурса пробации, на основе чего создается замещающий дискурс, – способствовать мобилизации актуализированных ресурсов тех человеческих агентов, голоса которых были ранее не услышаны.

Не менее важно и то, что конститутивные криминологи приветствуют теоретические противоречия и поведенческие непредвиденные обстоятельства в изучаемом процессе, предупреждая о них и приглашая тем самым к диалогу на озвученном поле. В основе такой постановки вопроса – понимание меняющейся природы преступности и ее контроля, а также нередкой неадекватности и неуместности распространенных в традиционной науке ответов на ключевые вопросы криминологии [16, p. 10].

Сказанное актуализирует, наконец, и постановку вопроса об участии криминологов не только в кабинетных исследованиях феномена служб пробации, но и в освоении статуса публичных криминологов, активно взаимодействующих со СМИ и использующих площадки гражданского общества для действий по формированию и развитию представлений о преступности и контроле над ней, направленных на предупреждение предвзятых, упрощенных, линейных изображений и оценок преступлений и преступников, уголовной политики в целом.

Таким образом, согласно конститутивной криминологии, предлагается взглянуть на практику служб пробации как своего рода текст (устный и/или письменный); далее – сосредоточить внимание на деконструкции этого текста, работая с дискурсом ресоциализации получателей услуг служб пробации, в ходе которой акцент делается на том, что скрыто, подавлено, считается неважным по отношению к ключевым идеям, символам, знакам, представленным в анализируемом тексте. В ходе деконструкции, таким образом, происходит разрыв данного текста на части, раскрываются его противоречия и высказываются предположения об их сути и возможностях разрешения данных противоречий. На следующем шаге анализа – по результатам деконструкции – осуществляется реконструкция текста и создается замещающий дискурс, предлагающий новое понимание/значение взаимодействий человеческих агентов в службах пробации, иное видение процесса и результатов исследуемой ресоциализации, места в этом процессе реципиентов программ ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. Разумеется, такая работа проводится с учетом структурных и культурных контекстов, в которых анализируется «старый» и создается замещающий его дискурс.

Не менее важно, и на это конститутивные криминологи обращают особое внимание, то, что создание и политика замещающего дискурса ре-

социализации и деятельности служб пробации в целом связана с рядом этических проблем, теоретических противоречий, непредвиденных поведенческих обстоятельств, неизбежных в условиях, далеких от равновесия, в динамичном социуме. Исследователям предлагается освоение статуса публичного криминолога, активно взаимодействующего с общественностью, в создании новостей о службах пробации. Обращается внимание на значимость отказа от линейного взгляда на преступность и клиентов служб пробации, сокращения нежелательных границ между исследователями, объектами их исследований, другими заинтересованными сторонами и гражданским обществом.

Как видим, описанная выше работа, предлагаемая криминологам, нова, особенно в контексте российской криминологии. Готовы ли мы не столько к работе со сравнительно новой для нас терминологией, сколько к освоению методов анализа текстов, не сводимых к дискурс-анализу? Каков уровень оснащенности наших лабораторий программами обработки данных, генерируемых в таких качественных исследованиях? Готовы ли мы к активному сотрудничеству с лингвистами и социологами на изучаемом поле? Готовы ли мы к активному вхождению на площадки гражданского общества с результатами созданного нами замещающего дискурса в отношении ресоциализации осужденных и бывших осужденных?

Библиографический список

1. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 184–191. DOI: https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2184-191. EDN: https://elibrary.ru/koedch.

2. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 204–212. DOI: http://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010.

3. Щукина Н. П. К вопросу о становлении института пробации в России: нужна ли концептуальная ясность // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности: III Международная научно-практическая конференция. Минск: Строй-Медиа Проект, 2023. С. 220–224.

4. Abadinsky H. Probation and Parole: Corrections in the Community. 13th edition. New York: Pearson, 2017. 448 p. URL: https://archive.org/details/probationparolec0000abad.

5. Hadjisergis K. Human Rights in Probation Theory, Practice and Balance. 1st edition. London: Routledge, 2024. 176 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781003224679.

6. McDermott M. J. L., Burrell A. A Smarter Approach to Sentencing? Aspirations, Challenges, and Implications for Probation Practice in England and Wales // British Journal of Community Justice. 2023. DOI: https://doi.org/10.48411/h54f-3k73.

7. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». URL: https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html?ysclid=m21nzpqwd0747818012.

8. Бойко Л. А., Бойко А. П. Влияние идей постмодернизма на развитие современной криминологии // Российский следователь. 2022. № 2. С. 60–64. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-2-60-64. EDN: https://elibrary.ru/fepywe.

9. Босхолов С. С., Номоконов В. А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 128–136. DOI: http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136.

10. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва: Наука, 1991. С. 391–532. URL: https://royallib.com/read/dyurkgeym_emil/metod_sotsiologii.html#0.

11. Гилинский Я. И. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский Ежегодник уголовного права. 2013. № 6. С. 8–31. URL: https://www.iuaj.net/node/1699; https://elibrary.ru/item.asp?id=21955089. EDN: https://elibrary.ru/smlnkz.

12. Гилинский Я. И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 227–231. URL: DOI: http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231.

13. Schwartz M.D., Friedrichs D.O. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence // Criminology. 1994. Vol. 32, issue 2. P. 221–246. DOI: http://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x.

14. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2000. Vol. 33, issue 2. P. 221–236. DOI: https://doi.org/10.1177/000486580003300208.

15. Milovanovic D. Postmodern criminology. 2nd edition. London and New York, 2018. 536 p.

16. Burke R. H. Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty. 1st edition. London; New York, 2020. 542 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351242097.

17. Nevisi H.M. Academic Conceptology of Postmodern Criminology // Mini Review. 2020. Vol. 5, issue 4. DOI: http://doi.org/10.23880/ijfsc-16000213.

18. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology at Work: Applications to Crime and Justice. New York, 1999. 322 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL18136680M/Constitutive_criminology_at_work.

19. Reviewed Work: Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism by Stuart Henry, Dragan Milovanovic. Review by: Sibo van Ruller // Contemporary Sociology. 1997. Vol. 26, № 4. P. 496–497. DOI: https://doi.org/10.2307/2655123.

20. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology // Internet Journal of Criminology. 2006. URL: https://www.researchgate.net/publication/249775832_POSTMODERN_POLICIES_THE_ERRATIC_INTERVENTIONS_OF_CONSTITUTIVE_CRIMINOLOGY.

21. Recent Developments in Criminological Theory / ed. by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009. 521 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315089089.

22. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory // Criminology. 1991. Vol. 29, issue 2. P. 293–316. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01068.x.

23. Лезьер В. А. Идентичность в процессе реконструкции субъективности в дискурсе Жака Лакана // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 12. С. 224–229. DOI: https://doi.org/10.30853/mns200563.

24. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Definition of Crime: Power as Harm // Henry S., and Lanier M. M. (eds.) What is Crime? Controversies over the Nature of Crime and What to Do about it. Lanham, MA: Rowman and Littlefield, 2001. P. 165–178.

25. Milovanovic D. Dueling Paradigms: Modernist v. Postmodernist Thought // Revised version from Humanity and Society, 1995. Vol. 19, issue 1. P. 1–22. URL: https://critcrim.org/milovanovic_postmod.htm.

26. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation // Recent Developments in Criminological Theory / ed. by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009. P. 435–457.

27. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School // Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime. Vancouver: Collective Press, 1997. P. 93–99. URL: https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html.

28. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с. URL: https://djvu.online/file/KUR8knBpzDCfk?ysclid=m22z0ggq8u273771599.

29. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. London: Sage, 1996. 304 p.

30. Жалинский А. Э. Криминологический дискурс о преступности // Право и политика. 2006. № 8. С. 15–22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50011.

31. Lea J. Criminology and Postmodernity // Walton P., Young J. (eds.) The New Criminology Revisited. Chapter 9. London: Palgrave Macmillan, 1998. P. 163–189. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26197-0_9.

32. Arrigo B. A., Milovanovic D., Schehr R. C. The French connection in criminology: Rediscovering crime, law, and social change. New York: State University of New York Press, 2005. 198 p. URL: https://archive.org/details/frenchconnection0000arri.

33. Milovanovic D. Postmodern Criminology. New York: Garland Publishing, 1997. 284 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780429027055.

34. Claes E. Discussion (A) Deconstruction, criminalisation and the criminal law: a reply to Pavlich's 'The Lore of Criminal Accusation' // Criminal Law and Philosophy. 2007. Vol. 1. P. 99–105. DOI: http://doi.org/10.1007/s11572-006-9012-z.

35. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School // Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime. Vancouver: Collective Press, 1997. P. 93–99. URL: https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html.

36. Richards I., Wood M. A., Iliadis M. Newsmaking criminology in the twenty-first century: an analysis of criminologists' news media engagement in seven countries // Current Issues in Criminal Justice. 2020. Vol. 32, issue 2. P. 125–145. DOI: http://doi.org/10.1080/10345329.2019.1696442.

37. Iliadis M., Richards I., Wood M. A. Newsmaking criminology in Australia and New Zealand: Results from a mixed methods study of criminologists' media engagement // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2020. Vol. 53, issue 1. P. 84–101. DOI: https://doi.org/10.1177/0004865819854794.

38. Arrigo B. A., Bersot H. Y. (2014). Postmodern Criminology // Bruinsma G., Weisburd D. (eds.) Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. New York: Springer, 2014. P. 3843–3854. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5690-2_315.

References

1. Gromov V. G. *Probatsiya i problemy ee realizatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Probation and problems of its implementation in the Russian Federation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law], 2024, vol. 24, issue 2, pp. 184–191. DOI: https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2184-191. EDN: https://elibrary.ru/koedch [in Russian].

2. Starostin S. A., Aniskina N. V. *Sluzhba probatsii v Rossii: vybor politiki i perspektivy razvitiya* [Probation Service in Russia: Policy Choice and Development Prospects]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary Science], 2022, vol. 16, no. 2 (58), pp. 204–212. DOI: http://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.58.2.010 [in Russian].

3. Shchukina N. P. *K voprosu o stanovlenii instituta probatsii v Rossii: nuzhna li kontseptual'naya yasnost'* [On the issue of the establishment of the probation institution in Russia: is conceptual clarity needed]. In: *Osnovnye napravleniya*

sovershenstvovaniya sistemy natsional'noi bezopasnosti. III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya [Main directions of improvement of the national security system. III International research and practical conference]. Minsk: Stroi-Media Proekt, 2023, pp. 220–224 [in Russian].

4. Abadinsky H. Probation and Parole: Corrections in the Community. 13th Edition. New York: Pearson, 2017, 448 p. Available at: https://archive.org/details/probationparolec0000abad.

5. Hadjisergis K. Human Rights in Probation Theory, Practice and Balance. 1st edition. London: Routledge, 2024, 176 p. Available at: https://doi.org/10.4324/9781003224679.

6. McDermott M. J. L., Burrell A. A Smarter Approach to Sentencing? Aspirations, Challenges, and Implications for Probation Practice in England and Wales. *British Journal of Community Justice*, 2023. DOI: https://doi.org/10.48411/h54f-3k73.

7. *Federal'nyi zakon ot 6 fevralya 2023 g. № 10-FZ «O probatsii v Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of February 6, 2023 № 10-FZ «On probation in the Russian Federation»]. Available at: https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html?ysclid=m21nzpqwd0747818012 [in Russian].

8. Boyko L. A., Boyko A. P. *Vliyanie idei postmodernizma na razvitie sovremennoi kriminologii* [The influence of the ideas of postmodernism on the development of modern criminology]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2022, no. 2, pp. 60–64. DOI: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-2-60-64. EDN: https://elibrary.ru/fepywe [in Russian].

9. Bosholov S. S., Nomokonov V. A. *Ontologicheskie i metafizicheskie osnovy obshchestvennoi opasnosti prestuplenii: o tupike neokriminologii* [Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the dead end in neocriminology]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2024, vol. 18, no. 2, pp. 128–136. DOI: http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(2).128-136 [in Russian].

10. Durkheim E. *Metod sotsiologii* [Method of sociology]. In: Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 391–532. Available at: https://royallib.com/read/dyurkgeym_emil/metod_sotsiologii.html#0 [in Russian].

11. Gilinsky Ya. I. *Nekotorye tendentsii mirovoi kriminologii* [Some trends of the world criminology]. *Rossiiskii ezhegodnik ugolovnogo prava*, 2013, no. 6, pp. 8–31. Available at: https://www.iuaj.net/node/1699; https://elibrary.ru/item.asp?id=21955089. EDN: https://elibrary.ru/smlnkz [in Russian].

12. Gilinsky Y. I. *V tupike li kriminologiya postmoderna* [Is The Criminology of Postmodernity at a Dead End?]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2024, vol. 18, no. 3, pp. 227–231. DOI: http://doi.org/10.17150/2500-4255.2024.18(3).227-231 [in Russian].

13. Schwartz M. D., Friedrichs D. O. Postmodern Thought and Criminological Discontent: New Metaphors for Understanding Violence. *Criminology*, 1994, vol. 32, issue 2, pp. 221–246. DOI: http://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1994.tb01153.x.

14. Howe A. Postmodern Criminology and its Feminist Discontents. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2000, vol. 33, issue 2, pp. 221–236. DOI: https://doi.org/10.1177/000486580003300208.

15. Milovanovic D. Postmodern criminology. 2nd edition. London; New York, 2018, 536 p.

16. Burke R. H. Contemporary Criminological Theory: Crime and Criminal Behaviour in the Age of Moral Uncertainty. 1st edition. London; New York, 2020, 542 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781351242097.

17. Nevisi H. M. Academic Conceptology of Postmodern Criminology. *Mini Review*, 2020, vol. 5, issue 4. DOI: http://doi.org/10.23880/ijfsc-16000213.

18. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology at Work: Applications to Crime and Justice. 1999. 322 p. Available at: https://openlibrary.org/books/OL18136680M/Constitutive_criminology_at_work.

19. Reviewed Work: Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism by Stuart Henry, Dragan Milovanovic. Review by: Sibo van Ruller. *Contemporary Sociology*, 1997, vol. 26, no. 4, pp. 496–497. DOI: https://doi.org/10.2307/2655123.

20. Cowling M. Postmodern Policies? The Erratic Interventions of Constitutive Criminology. *Internet Journal of Criminology*, 2006. Available at: https://www.researchgate.net/publication/249775832_POSTMODERN_POLICIES_THE_ERRATIC_INTERVENTIONS_OF_CONSTITUTIVE_CRIMINOLOGY.

21. Recent Developments in Criminological Theory. Edited by S. Henry and S. A. Lukas. London: Routledge, 2009, 521 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315089089.

22. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: The Maturation of Critical Theory. *Criminology*, 1991, vol. 29, no. 2, pp. 293–316. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1745-9125.1991.tb01068.x.

23. Lezer V. A. *Identichnost' v protsesse rekonstruktsii sub"ektivnosti v diskurse Zhaka Lakana* [Identity Concept Functioning in Jacques Lacan's Discourse]. *Manuskript* [Manuscript], 2020, vol. 13, issue 12, pp. 224–229. DOI: https://doi.org/10.30853/mns200563 [in Russian].

24. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Definition of Crime: Power as Harm. In: *Henry S., Lanier M. M. (eds.) What is Crime? Controversies over the Nature of Crime and What to Do about it*. Lanham, MA: Rowman and Littlefield, 2001, pp. 165–178.

25. Milovanovic D. Dueling Paradigms: Modernist v. Postmodernist Thought *Revised version from Humanity and Society*, 1995, vol. 19, issue 1, pp. 1–22. Available at: https://critcrim.org/milovanovic_postmod.htm.

26. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Origins, Core Concepts, and Evaluation. In: *Recent Developments in Criminological Theory. Edited by S. Henry, S. A. Lukas*. London; Routledge, 2009, pp. 435–457.

27. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School. *In: Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime*. Vancouver: Collective Press, 1997, pp. 93–99. Available at: https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html.

28. Phillips L., Jorgensen M. V. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2004, 336 p. Available at: https://djvu.online/file/KUR8knBpzDCfk?ysclid=m22z0ggq8u273771599 [in Russian].

29. Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: Beyond Postmodernism. London: Sage, 1996, 304 p.

30. Zhalinsky A. E. *Kriminologicheskii diskurs o prestupnosti* [Criminological discourse on crime]. *Pravo i politika* [Law and politics], 2006, no. 8. pp. 15–22. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=50011 [in Russian].

31. Lea J. Criminology and Postmodernity. In: *Walton P., Young J. (eds.) The New Criminology Revisited. Chapter 9*. London: Palgrave Macmillan, 1998, pp. 163–189. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26197-0_9.

32. Arrigo B. A., Milovanovic D., Schehr R. C. The French connection in criminology: Rediscovering crime, law, and social change. New York: State University of New York Press, 2005, 198 p. Available at: https://archive.org/details/frenchconnection0000arri.

33. Milovanovic D. Postmodern Criminology. New York: Garland Publishing, 1997. 284 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780429027055.

34. Claes E. Discussion (A) Deconstruction, criminalisation and the criminal law: a reply to Pavlich's 'The Lore of Criminal Accusation'. *Criminal Law and Philosophy*, 2007, volume 1, pp. 99–105. DOI: http://doi.org/10.1007/s11572-006-9012-z.

35. Barak G., Henry S., Milovanovic D. Constitutive Criminology: An Overview of an Emerging Postmodernist School. In: *Brian D. MacLean, Dragan Milovanovic (eds.) Thinking Critically About Crime.* Vancouver: Collective Press, 1997, pp. 93–99. Available at: https://critcrim.org/redfeather/journal-pomocrim/vol-1-intro/001overview.html.

36. Richards I., Wood M. A., Iliadis M. Newsmaking criminology in the twenty-first century: an analysis of criminologists' news media engagement in seven countries. *Current Issues in Criminal Justice*, 2020, vol. 32, issue 2, pp. 125–145. DOI: http://doi.org/10.1080/10345329.2019.1696442.

37. Iliadis M., Richards I., Wood M. A. Newsmaking criminology in Australia and New Zealand: Results from a mixed methods study of criminologists' media engagement. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 2020, vol. 53, issue 1, pp. 84–101. DOI: https://doi.org/10.1177/0004865819854794.

38. Arrigo B. A., Bersot H. Y. Postmodern Criminology. In: *Bruinsma G., Weisburd D. (eds.) Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York: Springer, 2014, pp. 3843–3854. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5690-2_315.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341, 340.12

Дата поступления: 11.06.2024
рецензирования: 17.07.2024
принятия: 10.09.2024

Актуальные вопросы теории и практики правового регулирования политики арктических государств в Арктическом регионе

В. А. Гавриленко
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация
E-mail: gv22@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7357-3526
И. В. Головейко
Департамент образовательной и научно-технической деятельности МЧС России,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: i.goloveiko@mchs.gov.ru
Н. И. Уткин
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: utkinnick@mail.ru

Аннотация: В представленном исследовании рассматриваются актуальные вопросы и направления развития правового регулирования политики государств Арктического региона в Арктике, которая представляет собой макрорегион геополитических, оборонных, экономических, экологических, правовых и научных интересов. Целью исследования является анализ основных особенностей и проблем политического, правового и экономического режима Арктики, на которые напрямую влияют национальные интересы Арктических государств, в том числе и Российской Федерации. Авторы рассматривают влияние национальных интересов Арктических государств на правовой режим в Арктике, а также изучают особенности политики указанных стран в Арктической зоне. Особое внимание уделяется политике и стратегическим интересам Российской Федерации в данном регионе, которые обуславливают национальное и международное правовое регулирование. Одним из основных проблемных вопросов является одновременное обеспечение соблюдения национальных интересов Арктических государств и взаимовыгодного международного сотрудничества между ними. Арктика является регионом стратегических интересов, но последние годы она становится регионом конфронтации и соперничества. Имеет место неконструктивная политика ряда Арктических государств в отношении участия и соблюдения интересов Российской Федерации в международных институтах и организациях. Необходимы разумные договоренности и компромиссы, учитывающие интересы нашей страны, зафиксированные в международных соглашениях, которые должны будут обеспечить отсутствие споров и конфликтов при освоении Арктики.

Ключевые слова: Арктический регион; Арктические государства; международно-правовое регулирование; международные конвенции; международное сотрудничество; национальные интересы; государственная стратегия.
Цитирование. Гавриленко В. А., Головейко И. В., Уткин Н. И. Актуальные вопросы теории и практики правового регулирования политики Арктических государств в Арктическом регионе // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 80–88. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88.
Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гавриленко В. А., Головейко И. В., Уткин Н. И., 2024

Владимир Александрович Гавриленко – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский Университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149; доцент кафедры гражданского права и процесса, юридический институт, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 173003, Российская Федерация, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Инга Викторовна Головейко – советник отдела развития обеспечения безопасности Арктического региона, департамент образовательной и научно-технической деятельности МЧС России, 109012, Российская Федерация, г. Москва, Театральный проезд, 3.

Николай Иванович Уткин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.06.2024
Revised: 17.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Current issues in the theory and practice of legal regulation policy of Arctic states policy in the Arctic Region

V. A. Gavrilenko
Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation.
E-mail: gv22@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7357-3526
I. V. Goloveiko
Department of Educational, Scientific and Technical Activities of EMERCOM of Russia,
Moscow, Russian Federation.
E-mail: i.goloveiko@mchs.gov.ru
N. I. Utkin
Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: utkinnick@mail.ru

Abstract: The presented article examines the current problems and directions for development of the legal regulation policy of Arctic Region states policy in the Arctic area, which represents a macro-region of geopolitical, defense, economic, environmental, legal and scientific interests. The purpose of the study is to analyze the main features and problems of the political, legal and economic regime of the Arctic, which are directly influenced by the national interests of the Arctic states, including the Russian Federation. The authors consider an influence of national interests of the Arctic states on legal regime in the Arctic area, and also study the features of policies of these countries in the Arctic zone. Particular attention is paid to policies and strategic interests of the Russian Federation in this region, which determine national and international legal regulation. One of the main problematic issues is to simultaneously ensure compliance with national interests of the Arctic states and mutually beneficial international cooperation between them. The Arctic is a region of strategic interests, but in recent years it has become a region of confrontation and rivalry. There is an unconstructive policy of a number of Arctic states regarding participation and compliance with the interests of the Russian Federation in international institutions and organizations. Reasonable agreements and compromises are needed that take into account the interests of our country, as stated in international agreements, which should ensure the absence of disputes and conflicts in development of the Arctic.

Key words: Arctic Region; Arctic states; international legal regulation; international conventions; international cooperation; national interests; state strategy.
Citation. Gavrilenko V. A., Goloveiko I. V., Utkin N. I. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya politiki arkticheskikh gosudarstv v Arkticheskom regione* [Current issues in the theory and practice of legal regulation policy of Arctic states policy in the Arctic Region]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 80–88. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88 [in Russian].
Information about the conflict of interests: authors declared no conflicts of interest.

© Gavrilenko V. A., Goloveiko I. V., Utkin N. I., 2024

Vladimir A. Gavrilenko – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149, Moskovskiy Avenue, Saint Petersburg, 196105, Russian Federation; associate professor of the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41, Bolshaya Saint Petersburg Street, Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation.

Inga V. Goloveiko – advisor to the Arctic Region Security Development Department, Department of Educational, Scientific and Technical Activities of EMERCOM of Russia, 3, Teatralny Passage, Moscow, 109012, Russian Federation.

Nikolay I. Utkin – Doctor of Laws, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149, Moskovskiy Avenue, Saint Petersburg, 196105, Russian Federation.

В начале настоящей публикации рассмотрим вопросы о национальных интересах Арктических государств и их влиянии на правовой режим в Арктике. В научных работах признается большое значение Арктики в международной безопасности [1, с. 102–115], мировой экономике [2, с. 8–17], мировой логистике [3, с. 148–155].

Единого международного правового режима в Арктике нет. Она поделена на полярные сектора между приполярными государствами.

2024. Т. 10, № 3. С. 80–88
2024, vol. 10, no. 3, pp. 80–88

В Арктике находятся примерно 25% мирового запаса нефти и газа, большое количество запасов минералов, древесины и рыбы. Таким образом, в Арктике сосредоточены интересы многих государств, и не только неарктических. В связи с процессами таяния ледников Арктика становится более доступной для промышленного использования [4, с. 438–448].

Обратим внимание на Конвенцию ООН по морскому праву, принятую в г. Монтего-Бэй в 1982 году и вступившую в действие в 1994 году. Российская Федерация присоединилась к настоящей конвенции в 1997 году.

В настоящее время большинство государств подписали и ратифицировали данную Конвенцию. Отметим, что она устанавливает разделение морского пространства, предусматривая исключительную экономическую зону в 200 морских миль.

Но не все арктические страны ее ратифицировали. Например, США не ратифицировало Конвенцию и ее не придерживается. Данное обстоятельство препятствует обеспечению равноправного режима в Арктическом регионе.

Согласно положениям международного права, открытое море не принадлежит никому. На территории Арктики это Северный Ледовитый океан. У пяти арктических государств есть арктическая береговая линия, но их юрисдикция распространяется только на исключительную экономическую зону (200 морских миль, прилегающих к их берегам).

Морское дно за пределами данной зоны считается достоянием всего человечества, где разведка и разработка минеральных ресурсов осуществляется Международным органом по морскому дну (ISA) ООН.

Таяние льдов в Арктике открывает возможность разработки энергоресурсов, а также появления новых альтернативных морских путей из Европы в Азию и Америку [5, с. 584-591]. Все эти виды деятельности формируют главные задачи, такие как защита окружающей среды и морей, поддержка научных исследований и международное сотрудничество [6, с. 61–71].

Эффективность современных методов международного взаимодействия вызывает сомнения, т. к. каждая страна живет по своим правилам, а имеющаяся международная нормативная база не всегда отвечает требованиям настоящего времени. Создание прогрессивного законодательства и совершенствование уже действующего является актуальным вопросом.

Необходимо указать, что политика государств Арктического региона состоит из следующих сфер деятельности: определение суверенитета в Арктике, вопросы обеспечения безопасности и урегулирование споров; морское право, действующее в Северном Ледовитом океане; управление Арктикой; изменение климата, окружающей среды и управление ресурсами; права коренных народов.

Сегодня основными претендентами на ресурсы Арктики можно считать Россию, США и Китай (хотя он и не является арктической страной). Претензии остальных стран на Арктику более сдержанные.

Рассмотрим подробнее арктическую политику отдельных государств. Уточним, что государствами Арктического региона следует считать страны, входящие в Арктический совет. Это Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Канада, Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания, Исландия [7, с. 10].

Дания стала арктической страной только благодаря Гренландии. Дания, являясь лояльным участником арктической повестки, преследует, как правило, собственные цели.

Правительство страны совместно с правительствами Гренландии и Фарерских островов в августе 2011 года приняло «Стратегию Королевства Дания по Арктике на 2011–2020 годы» [8]. Стратегия Дании в Арктике на период после 2020 года не вышла. Тем не менее 31 января 2022 года была представлена стратегия правительства в области внешней политики и политики безопасности на 2022–2030 гг.

В целом настоящая стратегия характеризуется взвешенными оценками, хотя и постулирует о растущем уровне российской милитаризации в Арктике. Документ концептуально построен на приоритете ценностей. Датское правительство определило пять ключевых элементов: ценности, безопасность, климат, миграция и экономика. Именно в этих параметрах предполагается развивать арктическую политику.

В датской стратегии безопасности прямо говорится об усилении присутствия разведки и вооруженных сил в Арктике и Северной Атлантике из-за возрастающей активности России и Китая, что означает согласие на милитаризацию этого региона, в первую очередь США.

Необходимо также отметить тенденцию правительства Гренландии к ведению самостоятельной политики и самостоятельному выстраиванию внешнеэкономических связей [9, с. 12].

Исландия, являясь островным государством, не имеет прямого выхода к Северному Ледовитому океану, но проводит собственную арктическую политику. Более всех стран Исландия заинтересована в устойчивом развитии региона, поскольку вся страна и большая часть территориальных вод находятся за Полярным кругом.

В 2011 году Альтинг (парламент Исландии) принял резолюцию об арктической политике страны. В ее основу заложены три составляющие: социальная, экологическая и экономическая устойчивость [10, с. 8].

Именно Исландия создала важнейшую организацию под названием «Арктический круг» (https://www.arcticcircle.org). Это своего рода системная альтернатива межгосударственному Арктическому совету. Ежегодный слет Арктического круга – крупнейшая международная встреча в Арктике более чем 2000 участников из 60 стран. Хотим отметить, что в работе организации принима-

ют участие все, кто имеет отношение к Арктике, в том числе те страны и народы, на жизнь которых оказывает влияние экологическая ситуация в этом регионе.

Канада придерживается секторального принципа деления арктической территории, так же как и Российская Федерация. Текущая политика страны в Арктике касается в основном социального, экономического и экологического развития территорий.

Комплексное развитие региона является основой канадской политики, ведь он освоен как в социально-экономическом, так и в военном плане гораздо меньше, чем Арктическая зона России [11, с. 10].

Так как нет прямых военных угроз, военно-политический аспект политики неглавенствующий, но наращивание обороноспособности обусловлено отсутствием опыта ведения военных действий в Арктике, да и в целом реального контроля над обширными просторами Крайнего Севера.

Тем не менее основным фактором суверенитета Канады над Арктическими территориями признается увеличение экономического и демографического присутствия [12, с. 145].

Канада, как и Россия, желает придать Арктическому совету статус международной организации, наделенной полномочиями выпускать обязательные к исполнению договоры, особенно в сфере безопасности. К сожалению, в настоящее время Арктический совет нельзя считать эффективной платформой для межгосударственного взаимодействия в Арктике по причине оппортунистической политики в отношении участия и международного взаимодействия некоторых арктических стран по воспрепятствованию участия и Российской Федерации в рамках вышеуказанной организации.

Важнейшей зоной стратегических национальных интересов **Норвегии** долгое время является Арктика. Норвегия – первая арктическая страна, которая выпустила в 2006 году стратегию развития полярного региона.

Действующая Арктическая стратегия Норвегии принята в 2020 году и подчеркивает важность международного сотрудничества. Положения Стратегии соотносятся с Целями устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) и предусматривают всемерное развитие региона [12, с. 125–151].

На сегодняшний день Норвегия озвучивает не только свою позицию в Арктике, но и выражает интересы стран Западной Европы и США. Именно поэтому Норвегия внимательно следит за осуществлением государственной политики других стран в вопросе использования заветных недр и морских путей. Являясь членом НАТО, выступает за милитаризацию региона, пытаясь использовать НАТО в собственных интересах.

Но стоит отметить, что в целом арктическая политика Норвегии направлена на поддержание мира и стабильности в регионе.

Политика **США** в Арктике, как и в других регионах мира, достаточно милитаризована. Для атомного подводного флота США Арктический регион имеет большое стратегическое значение. Поскольку Россия ведет активную деятельность по развитию инфраструктуры Арктической зоны, США также пересматривает свою арктическую политику [14, с. 225–236].

Следует признать, что сейчас на первое место вышли экономические интересы, связанные с добычей нефти и газа. По данным Национальной геологической службы, в недрах Аляски хранится 31% запасов нефти всей Арктики – 27 млрд баррелей.

В 2022 году США обнародовали Национальную стратегию для Арктического региона на следующие десять лет. Главная ее цель – увеличение присутствия США в регионе: военного, дипломатического, экономического. Новая стратегия больше фокусируется на климатическом кризисе и необходимости инвестиций в устойчивое развитие для улучшения качества жизни коренных народов Аляски и Арктики [15].

В документе отмечается усиление напряженности в Арктическом Регионе с 2013 года, в котором США обвиняют нашу страну, но постулируют свои усилия для «сохранения мира, стабильности, сотрудничества и процветания» в Арктике. В стратегии говорится, что действия России помогли укрепить единство НАТО и арктических партнеров. Полагаем, что США удобно именно таким образом обосновать собственную неконструктивную политику.

Перейдем к **Финляндии**, недавно вступившей в НАТО. Данное государство не имеет ни арктического побережья, ни энергоресурсов, но, судя по официальным документам и деятельности, финны очень заинтересованы в освоении Арктики. Арктическая стратегия Финляндии 2021 года определяет цели арктической политики до 2030 года [16]. Основной целью постулируется мирный Арктический регион. Признается растущий интерес международного сообщества к вопросам эффективной безопасности, развития судоходства и телекоммуникаций в Арктике [17, с. 22].

Вспомним, что в 1991 г. именно Финляндия предложила объединиться арктическим странам в Арктический совет. По ее инициативе для обсуждения проблем северного региона представители государств впервые встретились в 1993 году, а в 1996 году учредили Арктический совет.

Швеция, также недавно вступившая в НАТО, не имеет выхода к океану. Интересы Швеции ранее были представлены в основном научными направлениями: повышением качества жизни, климатом и окружающей средой, экономическим развитием. Сейчас же проблемы международной политики значительно трансформировались.

Новая шведская арктическая стратегия 2020 года выпущена МИД, что подчеркивает направленность данного документа на внешнеполитическую деятельность страны в Арктическом регионе [18, с. 133]. К прошлым приоритетам добавились вопросы международного сотрудничества в Арктике,

обеспечение безопасности и стабильности в регионе. Стоит отметить, что в формате двусторонних отношений США играют ключевую роль в обеспечении безопасности Швеции в Арктике.

Руководство России в ответ на усиление НАТО рядом с границами страны воссоздает Ленинградский военный округ, увеличивает состав войск на Северо-Западе. Тем не менее ситуация остается контролируемой, поскольку никто не заинтересован в прямом столкновении в полярных широтах.

Рассмотрим далее деятельность международных организаций и коалиций в Арктическом регионе.

Будучи членами НАТО, Дания, Норвегия и Исландия используют организацию для собственных целей, прикрываясь неспособностью отстоять в одиночку экономические и военные интересы в регионе. Стоит отметить, что всяческие маневры НАТО разворачиваются именно на территории этих стран, и именно они оказывали давление на руководство Финляндии и Швеции при принятии решения вступить в силовой блок.

Таким образом, все арктические страны, кроме России, по итогам 2023 года состоят в НАТО. Помимо этого, Дания, Финляндия и Швеция входят в Европейский союз, а Норвегия и Исландия – в Европейскую экономическую зону.

Дания, Финляндия и Швеция выступают за предоставление ЕС статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете, надеясь, что ЕС продвинет их интересы в регионе [19, с. 105].

Политика арктических государств в отношении региона может быть разной. Некоторые страны, такие как Россия и Канада, занимая наибольшие территории, стремятся к сохранению своего влияния в Арктике и контролю над ресурсами. Норвегия заинтересована в развитии инфраструктуры и научных исследованиях. США, имея свои национальные интересы, навязывают свою политику остальным странам, входящим в блок НАТО.

Можно сделать вывод, что арктические государства проводят свою собственную политику, которая достаточно четко поддерживается национальными арктическими стратегиями.

Также нужно отметить, что интерес к Арктическому региону и его наследию растет со стороны неарктических держав и международного сообщества [20]. Существует высокий риск того, что эти государства и международные организации объединят усилия для выработки общей позиции по интернационализации Арктического региона.

Полагаем, что в ближайшие годы Арктика станет ареной борьбы за сферы влияния и контроль над мореплаванием. Российской Федерации необходимо четко и последовательно защищать собственные интересы.

Рассмотрим далее политику нашей страны в Арктической зоне.

Арктика представляет собой стратегический регион, имеющий огромное значение для **России**. В силу своего географического положения и природных ресурсов Арктический регион является одним из важнейших для обеспечения национальной безопасности.

Арктическая зона также имеет важное стратегическое значение в связи с ее геополитическим положением и доступом к морским путям, который необходим для развития морского транспорта и логистики.

Основы Арктической политики Российской Федерации определяют стратегии развития Арктики, а также действующее национальное и международное законодательство.

Морская доктрина Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 31 июля 2022 г. № 512.

Национальными интересами были определены: свободный выход ВМФ в Мировой океан; гарантированный доступ РФ к транспортным коммуникациям Мирового океана; суверенитет страны на внутренние морские воды, территориальное море, их дно и недра, а также на воздушное пространство над ними; сохранение человеческой жизни на море.

Распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2019 г. № 3120-р утвержден План развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 г. Он сформирован, исходя из прогноза всех существующих и перспективных групп грузопотоков, расширения магистральной инфраструктуры сырьевой базы.

Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2035 года утверждены Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164, а Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года утверждена Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645.

Основными задачами в вышеуказанных документах названы территориальная целостность и сохранение суверенитета, а также международное сотрудничество. Но в условиях политики ряда арктических стран по милитаризации Арктики Россия вынуждена совершенствовать состав и структуру вооруженных сил, развивать их инфраструктуру и повышать уровень материально-технического обеспечения.

Рассмотрим Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ. Настоящий закон определяет правовой режим Арктической зоны России, меры господдержки и порядок осуществления предпринимательской деятельности в регионе. В Законе говорится об особом экономическом режиме в Арктике и впервые закреплено понятие Арктической зоны и особой системы управления ее развитием. Вся российская Арктика стала крупнейшей специальной экономической зоной в России и мире с огромным набором льгот.

Распоряжением Правительства от 1 августа 2022 года № 2115-р утвержден План развития Северного морского пути с целью обеспечения безопасной перевозки товаров в районы Крайнего Севера и создания условий для перспективных инвестиционных проектов в Арктике.

Отметим, что Российская Федерация до сих пор рассматривает Арктический совет как потенциальную площадку для международного взаимодействия. Это еще раз показывает желание России возобновить конструктивный диалог.

Впериод российского председательства в Арктическом совете Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 была утверждена Концепция внешней политики Российской Федерации. Ее можно назвать главным стратегическим документом в этой области. В документе четко изложены цели, задачи внешней политики России. Один из разделов, как и в предыдущей Концепции, посвящен Арктическому региону, но есть и обновления, которые мы предлагаем рассмотреть в этой статье.

В новой парадигме именно международное сотрудничество направлено на развитие российской Арктики, а не наоборот.

Развитие Арктики занимает второе место в иерархии приоритетов страны (после ближнего зарубежья).

Изменился подход к выбору взаимовыгодных игроков, географический подход переориентировался с арктических на неарктические государства (речь идет о КНР). Теперь чаще фигурирует понятие «иностранные», а не «арктические» государства.

Для формирования национальных интересов и их дальнейшей реализации в стране создан ряд инструментов.

Еще в 2015 году сформирована государственная комиссия по вопросам развития Арктики (https://arctic.gov.ru/2015/07/09). Данная организация координирует деятельность всех межведомственных комиссий, подкомиссий, советов и рабочих групп в области изучения, освоения и использования Арктики, то есть выполняет преимущественно организационные и координационные функции.

Благодаря этому органу обеспечивается наиболее продуктивное сотрудничество всех уровней власти с организациями всех форм собственности для обеспечения быстрого и качественного решения социально-экономических проблем. Комиссия также занимается важными вопросами национальной безопасности Арктики, возникающими в ходе формирования Арктической зоны Российской Федерации.

На территории Российской Федерации с 2018 года управление судоходством по Северному морскому пути возложено на Госкорпорацию «Росатом». Госкомпания наращивала свое присутствие на Северном морском пути уже 14 лет: заказывала атомные ледоколы, обеспечивала строительство новых судов, реализовывала заявки на развитие портов и получила статус инфраструктурного оператора. После создания при ГК «Росатом» ФГБУ «Главное управление Северного морского пути» («Главсевморпуть») в 2022 году задачи по организации судоходства были возложены на ФГБУ «Главсевморпуть».

Также созданы профильные комитеты в Совете Федерации и Государственной думе.

Представляется, что существенный перечень правовых документов до конца не определяет полномочия этого макрорегиона, что усложняет принятие юридических решений, которые являются обязательными для всех участников развития и использования российской Арктической зоны.

Соответственно, считаем целесообразным разработку и принятие единого федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». Дополняющие его нормативные акты создадут условия для устойчивого развития зоны, что обеспечит защиту интересов не только нынешнего, но и будущего поколения всех россиян в арктическом вопросе.

Таким образом, планомерная реализация государственной политики России в Арктике позволит стране сохранить роль ведущей арктической державы.

Представляется обоснованным следующее утверждение. «Следует подчеркнуть, что Россия имеет существенные и разнообразные национальные интересы в Арктике, и эти интересы имеют не конъюнктурный, а долговременный характер. Они требуют внимания и заботы не только со стороны государства, но и всего российского общества в целом. Необходимы также регулярное всенародное обсуждение этих интересов, их уточнение, а также разработка и постоянная корректировка соответствующей концептуальной и нормативной правовой базы российской стратегии в этом регионе» [21, с. 10].

Отметим, что в современной российской юридической науке проводятся различные исследования по правовому регулированию различных вопросов, связанных с Арктическим регионом [22, с. 87].

В окончании настоящего исследования сформулируем заключения по рассмотренным вопросам.

1. В настоящее время единый международный правовой режим в Арктическом регионе отсутствует. Арктические государства самостоятельно определяют правовой режим и режим управления и контроля собственными арктическими территориями и акваториями.

2. Акватория Северного Ледовитого океана не принадлежит никому. Страны Арктического региона контролируют собственную арктическую береговую и прилегающую исключительную экономическую зону (200 морских миль).

3. В современном международном праве действует ряд международных конвенций, договоров и соглашений, регулирующих определенные вопросы межгосударственного взаимодействия в Арктике. Данные документы либо носят общемировой характер, либо регулируют вопросы, непосредственно касающиеся Арктического региона.

4. Вышеуказанные международно-правовые документы не обеспечивают единый и общепризнанный правовой режим в Арктическом регионе, поскольку регулируют отдельные вопросы международного сотрудничества и, как правило, подписаны и ратифицированы не всеми государствами, действующими в Арктике.

5. Следует констатировать, что, помимо стран Арктического региона, неарктические государства (прежде всего КНР) также имеют собственные политические и экономические интересы в регионе, что необходимо учитывать при разработке и согласовании новых международно-правовых документов.

6. Также очевидны противоречия между соблюдением национальных интересов, прежде всего с сфере безопасности и экономики, и необходимостью международного сотрудничества. Международно-правовой режим в Арктике должен быть основан на разумных компромиссах и адекватном балансе интересов различных государств.

7. Необходимо отметить конструктивность международной политики Российской Федерации. С одной стороны, данная политика направлена на защиту национальных интересов в Арктике, которые носят не конъюнктурный, а долговременный характер. С другой стороны, наша страна всегда открыта для международного сотрудничества, правотворчества и достижения разумных компромиссов с другими государствами. Несмотря на напряженную международную обстановку и неконструктивную политику ряда Арктических государств, позиция Российской Федерации представляется разумной и взвешенной.

8. Международная нормативная база в отношении Арктического региона не в полной мере отвечает требованиям настоящего времени. Разработка актуальных международно-правовых актов и совершенствование уже действующих является значимым вопросом.

9. Возможно, имеется целесообразность разработки единой международной конвенции, регулирующей правовой режим Арктического региона, по аналогии с Договором об Антарктиде от 01.12.1959 (вступил в силу 23.06.1961). Настоящий вопрос нуждается в дальнейших научных исследованиях и международных обсуждениях и консультациях.

Библиографический список

1. Малько А. В., Немченко С. Б., Смирнова А. А. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности в Арктике (обзор материалов «круглого стола») // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2015. Т. 215, № 4. С. 120-137. URL: https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/68247/view.

2. Автономов А. С., Малько А. В., Немченко С. Б. Правовая политика современной России в арктическом регионе // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 1. С. 8–17. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30735400. EDN: https://www.elibrary.ru/zwpdrr.

3. Gavrilenko V., Tulaev A., Asma T., Hazmi R. The northeast arctic passage: the new straits of Malacca and Singapore? // Научно-прикладные исследования современности: сборник научных статей / отв. ред. Е. А. Мазова. Краснодар, 2020. С. 148–155. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44529097. EDN: https://www.elibrary.ru/reqsbq.

4. Schlach M., Madlener R. Impacts of an Ice-Free Northeast Passage on LNG Markets and Geopolitics // Energy Policy. 2018. № 122. P. 438–448. DOI: https://doi.org/10.2139/ssrn.3124137.

5. Yang K. The Northern Sea Route as a Factor in Sustainable Development of the Arctic Zone // Ilin I., Devezas T., Jahn S. (eds.) Arctic Marine Logistics. Contributions to Management Science. Springer, 2020, pp. 261–282. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92291-7_14.

6. Peter T. Harris, Miles Macmillan-Lawler, Lars Kullerud, Jake C. Rice. Arctic marine conservation is not prepared for the coming melt // ICES Journal of Marine Science. 2018. Vol. 75, issue 1. P. 61–71. DOI: https://doi.org/10.1093/icesjms/fsx153.

7. Гавриленко В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 10–14. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46250536. EDN: https://www.elibrary.ru/bdgfuv.

8. Дания, Гренландия и Фарерские острова: Стратегия Королевства Дания для Арктики 2011–2020. Копенгаген: Министерство иностранных дел (МИД); Нуук: Департамент иностранных дел; Турсхавн. URL: https://um.dk/en/foreign-policy/the-arctic (дата обращения 27.05.2024).

9. Рекец М. О. Современная Арктическая политика Королевства Дания: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2022. 33 с. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/4512/М.Рекец_АВТОРЕФЕРАТ.pdf.

10. Дзюбан В. В. Арктическая политика Исландии // Архонт. 2020. Вып. № 3 (18). С 4–9. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/347718960/; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44126595. EDN: https://www.elibrary.ru/hsmmgx.

11. Department of Public Safety and Emergency Preparedness Act, S.C. 2005. C. 10. URL: https://canlii.ca/t/5204r.

12. Сахаров А. Г., Андронова И. В. Устойчивое развитие арктических территорий Канады: цели и результаты // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 4. С. 140–162. DOI: http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-07.

13. Степанов И. А., Смоловик Е. В., Казаковцева А. А. Международное измерение арктической политики Норвегии и накопленный капитал российско-норвежского сотрудничества // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 125–151. DOI: http://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.125.

14. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 225–236. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19.

15. The US National Strategy for the Arctic Region. The White House, October 2022. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

16. Finland's Strategy for Arctic Policy. Publications of the Finnish Government 2021:55. URL: http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-383-943-4 (дата обращения: 27.05.2024).

17. Барановская В. П. Арктическая политика Финляндии / науч. рук. д.ю.н., проф. А. С. Скаридов; ГУМРФ имени адмирала С. О. Макаров // Океанский менеджмент. 2022. № 1 (15). С. 21–24. URL: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/Номер-115-2022.pdf.

18. Марченков М. Л. Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике // Арктика и Север. 2022. № 47. С. 126–141. DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.126. EDN: https://www.elibrary.ru/tnoqyr.

19. Рассказова И. В. Председательство России в Арктическом совете. Чрезвычайные мероприятия // Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты). 2023. № 1 (45). С. 94–110. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50449934. EDN: https://www.elibrary.ru/geicqp.

20. Young O., Yang J., Zarogski A. The «New» Arctic as a zone of peaceful competition // Polar Perspectives. 2022. No. 11. 25 p.

21. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: Приоритеты и безопасность. 2011. Т. 7, № 29 (122). С. 2–11. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16541081. EDN: https://www.elibrary.ru/nxzeof.

22. Гавриленко В. А., Головейко И. В. Международно-правовое регулирование спасательной деятельности на море в современный период // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). С. 83–88. DOI: http://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-1-83-88.

References

1. Malko A. V., Nemchenko S. B., Smirnova A. A. *Pravovaya politika v sfere obespecheniya bezopasnosti v Arktike (obzor materialov "kruglogo stola")* [Legal policy in the safety sphere in Arctic (survey of the materials «round table»)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MChS Rossii* [Vestnik Saint Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia], 2015, vol. 2015, issue 4, pp. 120–137. Available at: https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/68247/view [in Russian].

2. Avtonomov A. S., Malko A. V., Nemchenko S. B. *Pravovaya politika sovremennoi Rossii v arkticheskom regione* [Modern Russia legal policy in the Arctic]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2016, no. 1, pp. 8–17. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30735400. EDN: https://www.elibrary.ru/zwpdrr [in Russian].

3. Gavrilenko V., Tulaev A., Asma T., Hazmi R. The northeast arctic passage: the new straits of Malacca and Singapore? In: *Nauchno-prikladnye issledovaniya sovremennosti: sbornik nauchnykh statei. Otv. red. E. A. Mazova* [Mazova E. A. (ed.) Applied scientific research of modernity: collection of scientific articles]. Krasnodar, 2020, pp. 148–155. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44529097. EDN: https://www.elibrary.ru/reqsbq.

4. Schlach M., Madlener R. Impacts of an Ice-Free Northeast Passage on LNG Markets and Geopolitics. *Energy Policy*, 2018, no. 122, pp. 438–448. DOI: https://doi.org/10.2139/ssrn.3124137.

5. Yang K. The Northern Sea Route as a Factor in Sustainable Development of the Arctic Zone. In: *Ilin I., Devezas T., Jahn S. (eds.) Arctic Marine Logistics. Contributions to Management Science*. Springer, 2020, pp. 261–282. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-92291-7_14.

6. Peter T. Harris, Miles Macmillan-Lawler, Lars Kullerud, Jake C. Rice. Arctic marine conservation is not prepared for the coming melt. *ICES Journal of Marine Science*, 2018, vol. 75, issue 1, pp. 61–71. DOI: https://doi.org/10.1093/icesjms/fsx153.

7. Gavrilenko V. A. *Voprosy arbitrazhnogo razbiratel'stva sporov o vozmeshchenii ushcherba ot chrezvychainykh situatsii v stranakh Arkticheskogo regiona* [Issues of arbitration proceedings about indemnity damages from emergencies in Arctic region states]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency situations], 2021, no. 2 (51), pp. 10–14. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46250536. EDN: https://www.elibrary.ru/bdgfuv [in Russian].

8. *Daniya, Grenlandiya i Farerskie ostrova: Strategiya Korolevstva Daniya dlya Arktiki 2011–2020* [Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020]. Copenhagen: Ministerstvo inostrannykh del (MID); Nuuk: Departament inostrannykh del; Torshavn. Available at: https://um.dk/en/foreign-policy/the-arctic (accessed 27.05.2024).

9. Rekets M. O. *Sovremennaya Arkticheskaya politika Korolevstva Daniya: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Modern Arctic policy of the Kingdom of Denmark: author's abstract of Candidate's of Political Sciences thesis]. Moscow, 2022, 33 p. Available at: https://www.dipacademy.ru/documents/4512/М.Рекец_АВТОРЕФЕРАТ.pdf [in Russian].

10. Dzyuban V. V. *Arkticheskaya politika Islandii* [Iceland's Arctic policy]. *Arkhont*, 2020, issue 3 (18), pp. 4–9. Available at: https://istina.msu.ru/publications/article/347718960; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44126595. EDN: https://www.elibrary.ru/hsmmgx [in Russian].

11. Department of Public Safety and Emergency Preparedness Act, S.C. 2005. P. 10. Available at: https://canlii.ca/t/5204r.

12. Sakharov A. G., Andronova I. V. *Ustoichivoe razvitie arkticheskikh territorii Kanady: tseli i rezul'taty* [Sustainable Development in Canada's Arctic Territories: Goals and Results]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [International Organizations Research Journal], 2020, vol. 15, no. 4, pp. 140–162. DOI: http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-07 [in Russian].

13. Stepanov I. A., Smolovik E. V., Kazakovtseva A. A. *Mezhdunarodnoe izmerenie arkticheskoi politiki Norvegii i nakoplennyi kapital rossiisko-norvezhskogo sotrudnichestva* [The International Dimension of Norwegian Arctic Policy and the Accumulated Capital of Russian-Norwegian Cooperation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 49, pp. 125–151. DOI: http://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.49.125 [in Russian].

14. Konyshev V. N., Sergunin A. A. *Evolyutsiya kontseptual'nykh osnov arkticheskoi strategii SShA* [Evolution of the U.S. Arctic Strategy's Conceptual Basis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 225–236. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.19 [in Russian].

15. The US National Strategy for the Arctic Region. The White House, October 2022. Available at: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf (accessed 27.05.2024)

16. Finland's Strategy for Arctic Policy. Publications of the Finnish Government 2021:55. Available at: http://urn.fi/URN:ISBN:978-952-383-943-4 (accessed 27.05.2024).

17. Baranovskaya V. P. *Arkticheskaya politika Finlyandii / nauch. ruk. d.yu.n., prof. A. S. Skaridov; GUMRF imeni admirala S. O. Makarov* [A. S. Skaridov (Hrst.) Finland's Arctic policy]. *Okeanskii menedzhment*, 2022, no. 1 (15), pp. 21–24. Available at: http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/05/Номер-115-2022.pdf [in Russian].

18. Marchenkov M. L. *Posledovatel'nost' i adaptivnost': novye grani politiki Shvetsii v Arktike* [Consistency and adaptability: new aspects of the Arctic policy of Sweden]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, no. 47, pp. 126–141. DOI: https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.126. EDN: https://www.elibrary.ru/tnoqyr [in Russian].

19. Rasskazova I. V. *Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom sovete. Chrezvychainye meropriyatiya* [Russia's chairmanship in the Arctic Council. Emergency measures]. *Prirodnye i tekhnogennye riski (fiziko-matematicheskie i prikladnye aspekty)* [Natural and man-made risks (physic-mathematical and applied aspects)], 2023, no. 1 (45), pp. 94–110. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50449934. EDN: https://www.elibrary.ru/geicqp [in Russian].

20. Young O., Yang J., Zarogski A. The «New» Arctic as a zone of peaceful competition. *Polar Perspectives*, 2022, no. 11, 25 p.

21. Konyshev V. N., Sergunin A. A. *Natsional'nye interesy Rossii v Arktike: mify i real'nost'* [Russia's national interests in the Arctic: myths and reality]. *Natsional'nye interesy: Prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2011, vol. 7, no. 29 (122), pp. 2–11. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16541081. EDN: https://www.elibrary.ru/nxzeof [in Russian].

22. Gavrilenko V. A., Goloveiko I. V. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie spasatel'noi deyatel'nosti na more v sovremennyi period* [International legal regulation of rescue activities at sea in the modern period]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergency situations], 2024, no. 1 (62), pp. 83–88. DOI: http://doi.org/10.61260/2074-1626-2024-1-83-88 [in Russian].

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-89-95

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1

Дата поступления: 12.06.2024
рецензирования: 22.07.2024
принятия: 10.09.2024

Идентификация права Европейского Союза и его соотношение с международным публичным правом

Е. Ю. Марухно
Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация
E-mail: katja-marukhno@yandex.ru

Аннотация: В свете интенсивного развития продвинутых форм экономического сотрудничества и активного участия России в данном процессе вопрос определения места права Европейского Союза в международном праве снова становится актуальным. Параллельно с тем, как набирают обороты мировые интеграционные процессы, происходит очередной кризис идентификации права ЕС в системе международного права. В статье рассматривается соотношение права ЕС с международным публичным правом на основании плюралистического и конституционного подходов. Раскрывается проблема автономности правопорядка ЕС. Критически оценивается модель европейской интеграции в качестве перспективной и приемлемой для современных форм экономического сотрудничества. В статье использованы такие общенаучные методы исследования, как обобщение, анализ и синтез, конкретизация. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что на современном этапе развития интеграционного процесса государства-члены ЕС утратили контроль над созданными институтами.
Ключевые слова: интеграционные объединения; правопорядок; международно-правовой статус; Европейский Союз; международное право; региональные организации; продвинутые формы экономического сотрудничества.
Цитирование. Марухно Е. Ю. Идентификация права Европейского Союза и его соотношение с международным публичным правом // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 89–95. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-89-95.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Марухно Е. Ю., 2024
Екатерина Юрьевна Марухно – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Российская Федерация, г. Новокузнецк, проспект Октябрьский, 49.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.06.2024
Revised: 22.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Identification of the law of the European Union and its relation to public international law

E. Yu. Marukhno
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia Federation
E-mail: katja-marukhno@yandex.ru

Abstract: In the light of the intensive development of advanced forms of economic cooperation and Russia's active participation in this process, the issue of determining the place of European Union law in international law is becoming relevant again. At the same time as the global integration processes are gaining momentum, another crisis of identification of EU law in the system of international law is taking place. The article examines the relationship between EU law and public international law on the basis of pluralistic and constitutional approaches. The problem of the autonomy of the EU legal order is revealed. The model of European integration is critically evaluated as promising and acceptable for modern forms of economic cooperation. The article uses such general scientific research methods as generalization, analysis and synthesis, and concretization. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that at the present stage of the development of the integration process, the EU member states have lost control over the established institutions.
Key words: integration associations; legal order; international legal status; European Union; international law; regional organizations; advanced forms of economic cooperation.

Citation. Marukhno E. Yu. *Identifikatsiya prava Evropeiskogo Soyuza i ego sootnoshenie s mezhdunarodnym publichnym pravom* [Identification of the law of the European Union and its relation to public international law]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 89–95. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-89-95 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Marukhno E. Yu., 2024
Ekaterina Yu. Marukhno – lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49, Oktyabrsky Avenue, Novokuznetsk, 654066, Russia Federation.

Процесс постепенного сближения национальных рынков и формирования на основе данного объединения как минимум целостного хозяйственного комплекса, как максимум политического союза происходит в рамках международной организации. Изучение множественности моделей интеграционных союзов, созданных на основе как локальных, так и региональных интересов государств-участников, базирующихся на различных принципах, все же исходит из проверенного временем примера Европейского Союза. Исследователи, ставя вопрос об актуальности международно-правового статуса ЕС, определяя сущность права «уникального международного объединения», как правило, начинают с цитаты профессора С. Ю. Кашкина о том, что «правовая природа права Европейского Союза имеет комплексный, гетерогенный характер, совмещающий в себе видоизмененные для целей Союза черты как внутригосударственного, так и международного права» [1].

В контексте данного исследования мы исходим из интегративного понимания системы права, выработанного научной школой, сформировавшейся в Российском государственном университете правосудия (основоположники – В. В. Ершов, Е. А. Ершова, В. Н. Корнев и др.). Система права представляет собой совокупность однородных элементов, состоящую из форм права и складывающуюся в две подсистемы – национальное и международное право [2]. Таким образом, правовая система – это комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых норм, юридической практики и правовых институтов, отражающий состояние правовой действительности в конкретно-исторический и временной период развития государств, образующих Европейский Союз.

Необходимо сказать, что в современном мире постулаты доктрины верховенства права начиная с середины XX в. постепенно приобретают развитие и обновление на наднациональном уровне, а ключевым источником формирования представлений о верховенстве права становятся международно-правовые акты. При этом, несмотря на то что требования по утверждению и соблюдению принципа верховенства права закреплены во многих соответствующих актах (международных договорах, соглашениях, декларациях и хартиях, уставах и документах ведущих межгосударственных организаций), особое значение все же имеет такое регулирование верховенства права, действенность которого обеспечивается специальными механизмами его гарантирования [3].

В этом контексте необходимо проанализировать правовой порядок ЕС и в первую очередь его соотношение с международным правом.

Профессор А. Петерс определяет, что для ЕС понятие «парадигма правопорядка» имеет тройное значение. Во-первых, термин «европейский правопорядок» нередко используется исключительно только как синоним европейского права и в этом случае не требует научного пояснения. Во-вторых, это объяснение правовой природы права ЕС и его соотношения с правопорядками государств-членов. В-третьих, «европейский правопорядок», наравне с понятием «правовое сообщество», обозначает систему, основанную на принципах правовой государственности. Основная установка понятия правопорядка идентична направленности этого термина в литературе как по международному, так и по конституционному праву [4].

Вопросы определения роли права ЕС в международном публичном праве породили широкий спектр теорий, основанных на плюралистическом и конституционном подходах.

Согласно классической теории международного права, ЕС является международной организацией, которая стала носить конституционный характер, сочетая в себе особенности международной организации и государства. Российские и зарубежные авторы приходят к выводу, что эмпирически нет сомнений в конституционной природе ЕС, хотя суждения о необходимости конституционализации ЕС достаточно противоречивы.

Конституционный подход относительно природы правопорядка ЕС заключается в том, что он носит характер sui generis, обладает институциональным механизмом, который он разделяет с международным и внутригосударственным правопорядками. Сказанное означает, что обширная сфера регулирования, законодательная и судебная независимость, верховенство закона и юридический характер порядка ЕС указывают на его уникальный характер, что выражается в отступлении от обычных принципов международного права [5].

Общепринято, что истоки права ЕС должны быть найдены в публичном международном праве. Однако международно-правовая основа Союза как динамичной, эволюционно развивающейся организации «правительственной» направленности была подвергнута сомнению как со стороны Суда ЕС, так и со стороны доктрины. Так, в решении по делу Van Gend en Loos 1963 г. Суд ЕС назвал Европейский Союз «новым видом международно-правового порядка» [6]. Далее последовало решение по делу Costa v. E.N.E.L. 1964 г. [7], в котором Суд ЕС провозгласил примат права ЕС над любыми нормами внутреннего права, в том числе над национальными конституциями. Впоследствии Суд ЕС провозгласил Договор о ЕС «конституци-

онной хартией Сообщества», и была объявлена «конституционализация» ЕС вместе с провозглашением доктрин прямого и косвенного эффекта права ЕС [8].

Почему уход от общего международного права был столь радикальным? Почему Суд ЕС провозгласил автономию европейского правового порядка, вместо того чтобы рассматривать его как специализированный, автономный режим международного права? Конечно, холодная война серьезно ограничила значение универсального международного права и его потенциал для политической, экономической и социальной интеграции. Как заметил В. Фридман, «будущее международного права в то время было региональным» [9]. Но подобные региональные режимы не обязательно должны были формировать автономные правовые порядки. Например, большинство международных организаций продолжают функционировать, оставаясь частью в универсальном международном праве.

Так почему же Суд ЕС именно таким образом отделил право ЕС от международного? История права ЕС объясняет идею автономии как результат внутренней динамики по отношению к европейской интеграции. Согласно А. Воше, «в то время, когда политическая интеграция стагнировала, Суд ЕС воспользовался шансом продвинуть интеграцию с помощью закона, или, если быть более точным, через судебную систему» [10].

Представители западной доктрины объясняли перспективу права ЕС, которая выходит за рамки политики власти, исходя из международно-правовых истоков идеи Европы как единого правового сообщества (Rechtsgemeinschaft). В своей знаменитой речи Die EWG – Eine Rechtsgemeinschaft, произнесенной за несколько месяцев до суда в 1963 году, В. Халльштейн рассмотрел юридическое сообщество, представленное ЕС, в традициях XIX века – droit public de l'Europe, классического европейского международного права [11]. Профессор В. Халльштейн понимал его в качестве «гибрида между более свободными, ныне недостаточными формами сотрудничества, предоставляемыми последними, и более тесными формами сотрудничества, характерными для федеративных государств». Таким образом, В. Халльштейн объяснял и защищал идею юридического сообщества sui generis, ссылаясь на европейскую исключительность в истории международного права [12]. С этой точки зрения автономия европейского правового порядка выполняет функцию, эквивалентную функции христианства или цивилизации в то время, когда международное право все еще оставалось, на взгляд В. Халльштейна, европейским. К слову, основная цель создания Европейского сообщества состояла не только в интегративном содействии более высокому уровню правового сотрудничества между его членами, но также исключению остальных государств из сферы права сообщества. Конечно, с одной стороны, в свете стремления к автономии новых независимых государств, с другой – доктрины прямого действия и примата международного права, у нового правопорядка не было шансов на выживание в общем международном праве. Однако в рамках ЕС в то время возникают прочные барьеры против воздействия международного права. В качестве автономного правового порядка Суд ЕС организовал отношения между законодательством Союза и международными правовыми нормами в соответствии со строго дуалистическими принципами.

Суд яростно защищал свою позицию хранителя автономии права Союза, даже против Европейского суда по правам человека. Аналогичные позиции заняли суды государств – членов ЕС.

Необходимо отметить, что в академических кругах также стремились отделить ЕС от международного права, сосредоточив внимание на предполагаемой конституционализации правового порядка ЕС.

Профессор Б. Н. Топорнин определял европейское право как отдельное, особое право, имеющее не только свои границы, но и свою собственную природу, которое по своей сущности отличается от традиционного международного права [13]. Аналогичной позиции придерживался таджикский исследователь М. Н. Раджабов: «...появление европейского права в рамках системы международного права не означает, что оно является его отраслью или институтом» [14].

Казахский исследователь Ф. А. Ержанова, цитируя исключительно положения Суда ЕС, пишет, что «в отличие от традиционного права международных организаций, основной целью которого является регулирование корпоративной деятельности самой организации, законодательство ЕС направлено прежде всего на обеспечение развития интеграционных процессов между отдельными государствами – членами ЕС. В силу этого право ЕС имеет ряд весьма специфических особенностей: право ЕС имеет приоритет перед национальным законодательством государств-членов; его положения являются обязательными не только для государств-участников, но и для их физических и юридических лиц» [15].

Е. С. Остапенко в своих исследованиях однозначно исходит из того, что «европейское право образует самостоятельную отрасль права, особый порядок, который существует вместе с международным правом, параллельно с ним и не является его составной частью». Безусловно, пишет автор, две отрасли находятся в тесном взаимодействии, однако отсутствие взаимной подчиненности и иерархии норм данных правовых отраслей лишает возможности вывести аксиому о том, что в случае коллизии нормы международного права имеют приоритет перед нормами права ЕС. Кроме того, источники международного права имеют особый статус в правоприменительной практике ЕС [16]. По словам Е. С. Остапенко, «международная правосубъектность не выделена в качестве отдельной статьи, однако данное положение является очевидным и следует из природы ЕС, который является

международной организацией. Международные организации являются субъектами международного права, хотя их правосубъектность носит функциональный характер, то есть международная организация действует на международном уровне в пределах компетенции, отведенной ей ее учредительными документами» [16]. На наш взгляд, вышесказанное не определяет природу европейского права в системе международного права и оставляет ЕС как международную организацию без международной основы.

Профессор Дж. Вейлер, будучи рьяным сторонником европейского конституционализма, подчеркивая институционную структуру Союза, писал, что она строится «не на общих принципах международного права, а на определенной межгосударственной правительственной структуре, базирующейся на конституционной хартии и конституционных принципах» [17]. Американский исследователь видел перспективу развития ЕС в качестве новой политико-институционной структуры с обязательным налогообложением для нужд Европейского парламента [18].

Итальянский профессор М. Кремона выделяет следующие черты ЕС как глобального субъекта и уникальной в своем роде интеграции государств:

– интеграция ЕС является базовой моделью для иных интеграционных групп государств;

– ЕС развивает концепцию «нормативной силы», стремясь оказывать влияние на представления иных международных субъектов;

– выступает гарантом экономической и политической стабильности в европейском регионе [19: 20].

Также «конституционную» теорию поддерживала исследователь Ю. А. Клочкова, отмечая, что «право Союза является обязательным для государств-членов, юридических и физических лиц. Решения Союза приобретают обязательную силу вследствие их принятия органами, наделенными полномочиями в соответствии с Договорами, а не в связи с тем, что были утверждены государствами-членами. Эти черты отличают ЕС от обычной межправительственной организации. К числу федеральных признаков следует отнести избираемый с 1979 г. Европейский парламент и формирование за счет собственных средств бюджета ЕС, преобладание европейского права перед национальным в судебной практике ЕС, а также наличие основных правовых гарантий во множестве статей Договора и в судебной практике Европейского Суда» [21].

Рассматривая общий подход о правовом статусе и влияние международного права в правовом порядке ЕС, необходимо сказать, что договоры Союза не содержат каких-либо четких норм о статусе международного права в рамках законодательства ЕС. Сказанное выше порождает суждения, подобное высказыванию швейцарского профессора С. Бессона: «Законодательство ЕС освободилось от международного права и внутригосударственного права, став автономным правопорядком, функционируя как конституционный автономный правопорядок» [22]. Из этого следует, на наш взгляд, утопия – конституционный строй без конституционализма. Будучи сторонником глобального юридического плюрализма, С. Бессон предполагает, что демократия «скорее должна быть суперкритерием» из-за ее высшей легитимности при «выборе среди остальных». Тем не менее она также осознает, что определение демократии в международных и национальных нормах «остается чрезвычайно сложным» [23]. И, можно добавить, демократия не всегда является суперкритерием правопорядка, нормы которого могут вступать в конфликт с другим правопорядком.

Несмотря на то что статья 216 (2) ДФЕС гласит, что договоры являются обязательными для институтов ЕС и государств-членов, данное положение относится к обязательному действию соглашений на международном уровне, а не к их влиянию на законодательство ЕС. Поэтому, на наш взгляд, данный вопрос необходимо рассматривать через практику Суда ЕС, опираясь на подходы государств по взаимодействию национального и международного права, а также адаптируя такие подходы к конкретной ситуации в рамках ЕС.

В контексте идей профессора О. М. Мещеряковой о соотношении права ЕС и суверенитета государств-членов, точка зрения Ю. А. Клочковой представляется спорной. Государственная власть не может быть автономной, то есть государства, а не их органы являются субъектами международного права. ЕС в качестве международной организации интеграционного характера создан государствами для достижения поставленных ими целей. Но развитие в ЕС пошло таким образом, что институты Союза, созданные самими же государствами на основе договоров, всячески оспаривают у государств их суверенные компетенции [24].

Рассуждая относительно данного вопроса, хотели бы сказать следующее. В 2004 году создается новая процедура назначения Комиссии и появляются механизмы отхода от принципа наднациональности. Профессор М. М. Бирюков уже тогда писал, что «наднациональность в международных организациях, в том числе в ЕС, не должна ущемлять суверенные права государств-членов. Наднациональные элементы должны использоваться для повышения эффективности международного сотрудничества» [25]. Спустя двадцать лет мы можем наблюдать именно то, о чем предупреждали международники, – злоупотребление со стороны органов ЕС. Даже самые европтимистично настроенные сторонники ЕС признают наличие глубокого кризиса современного проекта евроинтеграции. Это связано в первую очередь с чрезмерной бюрократизацией ЕС, с созданием так называемой еврократии. На современном этапе развития интеграционного процесса в Европе можно говорить о том, что государства-члены утратили контроль над созданными институтами, которые определяют вектор развития права ЕС не-

зависимо от государств-членов. Таким образом, в ЕС соотношение государственного суверенитета государств-членов и наднациональности «усложняется тем, что в нем создана система органов, которые претендуют на наднациональность и которые «творят» право ЕС помимо договоров» [24].

Благодаря рассмотренному выше вопросу идентификации права ЕС и его соотношения с международным правом мы можем не только понять феномен ЕС как интеграционного объединения и международной организации, но и проанализировать результат автономности ЕС от универсального международного права. Процесс интеграции является объективным и закономерным трендом современного миропорядка, который, на наш взгляд, должен приводить к укреплению авторитета международного права в любых так называемых продвинутых формах экономического и политического сотрудничества. На сегодняшний день оптимальной площадкой для формирования устойчивого многополярного международного правопорядка на основе диалога различных стран может стать интеграционный союз БРИКС.

Уникальный формат сотрудничества позволил увеличить число стран-участниц, одновременно с этим большинство экспертов прогнозируют логичное институционное наращивание в рамках БРИКС. Сможет ли открытый, неформальный характер сотрудничества трансформироваться в многоуровневую систему управления? Безусловно, с изменением траектории экономических интеграций новые теоретические концепции осмысления уникальных моделей межгосударственного сотрудничества примут во внимание колоссальный исторический опыт исследователей прошлых лет.

Библиографический список

1. Право Европейского Союза: учеб. пособие / С. Ю. Кашкин [и др.]. Москва: Проспект, 2009. URL: https://knigogid.net/books/199653-sergei-kashkin-pravo-evropeiskogo-soyuza/toread.

2. Залоило В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). С. 143–147. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21473560. EDN: https://www.elibrary.ru/sbxofn.

3. Грачева С. А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. 2014. Т. 2, № 4. С. 33–45. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/1547/view.

4. Петерс А. Правовые системы и процесс конституционализации: новое определение соотношения // Дайджест Публичного Права. 2013. Вып. 2. URL: https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_239_332.pdf.

5. Weiler J. H. H., Haltern U. R. The Autonomy of the Community Legal Order – Through the Looking Glass. URL: https://jeanmonnetprogram.org/archive/papers/96/9610-The-2.html (дата обращения: 20.04.2024).

6. Case 26–62. Document 61962CJ0026. Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie – Netherlands. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A61962CJ0026 (дата обращения: 20.04.2024).

7. Case 6/64 Falminio Costa v E.N.E.L [1964] ECR 585. URL: https://www.lawteacher.net/cases/6-64-flaminio-costa.php (дата обращения: 20.04.2024).

8. Исполинов А. С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза // Международное правосудие. 2016. № 1 (17). С. 81–94. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25665014. EDN: https://www.elibrary.ru/vpqhzf.

9. Friedmann W. G. The Changing Structure of International Law. London: Stevens & Sons, 1964. P. 62–63.

10. Vauchez A. The transnational politics of judicialization. Van Gend En Loos and the making of EU polity // European Law Journal. 2009. Vol. 16, issue 1. P. 1–28. DOI: http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-0386.2009.00494.x.

11. Bogdandy A. von, Hinghofer-Szalky S. Das etwas unheimliche Ius Publicum Europaeum: Begriffsgeschichtliche Analysen im Spannungsfeld von europaischem Rechtsraum, droit public de l'Europe und Carl Schmitt // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. 2013. Vol. 73, issue 2. S. 209–248. URL: https://www.zaoerv.de/73_2013/73_2013_2_a_209_248.pdf (дата обращения: 03.04.2024).

12. Kadelbach S. (Hrsg.) Europa als kulturelle Idee. Baden-Baden, 2010. 127 S.

13. Топорнин Б. Н. Европейское право: учебник. Москва: Юристъ, 2001. 456 с.

14. Раджабов М. Н. Основные предпосылки формирования европейского права // Международное публичное и частное право. 2013. № 4. С. 26–28. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20202663. EDN: https://www.elibrary.ru/raclyz.

15. Ержанова Ф. А. К вопросу о международной правосубъектности Европейского Союза // Вестник Карагандинского университета. Серия Право. 2017. № 1 (85). С. 8–14. URL: https://rep.ksu.kz/handle/data/1739?show=full.

16. Остапенко Ю. С. Правовые основы международной деятельности Европейского Союза // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 89–95. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-evrosoyuza?ysclid=m24hs5wg9w936322696.

17. Weiler J. H. H. The Transformation of Europe // Yale Law Journal. Vol. 100, no. 8. P. 2403–2483. DOI: https://doi.org/10.2307/796898.

18. Weiler J. H. H. The Constitution of Europe: Essays on the Ends and Means of European Integration. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 354–359.

19. Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л. П. Ануфриева, В. А. Жданов, П. А. Калиниченко [и др.]; под ред. Л. П. Ануфриевой. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 528 с. URL: https://files.student-it.ru/previewfile/13535.

20. Cremona M. The Union as a global actor: Roles, models and identity // Common Market Law Review. 2004. Vol. 41, issue 2. P. 553–573. DOI: https://doi.org/10.54648/cola2004006.

21. Клочкова Ю. А. Проблемы правового статуса Европейского Союза: между Федерацией и международной организацией // Известия ТРТУ. 2005. № 6 (50). С. 207–211. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12512883. EDN: https://www.elibrary.ru/knvhvh.

22. Besson S. European Legal Pluralism after *Kadi* // European Constitutional Law Review. 2009. Vol. 5, issue 2. P. 237–264. DOI: https://doi.org/10.1017/S1574019609002375.

23. Besson S. Whose Constitution(s)? International Law, Constitutionalism, and Democracy // Dunhoff J. L., Trachtman J. P. (eds.) Ruling the world? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 381–408. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511627088.014.

24. Мещерякова О. М. Соотношение права Европейского Союза и суверенитета государств-членов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 93–100. URL: https://journals.rudn.ru/law/article/download/5715/5168?ysclid=m24jc2nn56889682331; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13101158. EDN: https://www.elibrary.ru/lasacx.

25. Европейское право: учеб. пособие / М. М. Бирюков. 2-е изд., доп. Москва: Омега-Л, 2006. 128 с.

References

1. *Pravo Evropeiskogo Soyuza: ucheb. posobie. S. Yu. Kashkin i dr.* [Kashkin S. Yu. et al. European Union law: textbook]. Moscow: Prospekt, 2009. Available at: https://knigogid.net/books/199653-sergei-kashkin-pravo-evropeiskogo-soyuza/toread [in Russian].

2. Zaloilo.V., Cherkashina-Shmidt O.V. *Integrativnoe pravoponimanie: novyi podkhod* [Integrative legal understanding: new approach]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, no. 4 (208), pp. 143–147; p. 146. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21473560. EDN: https://www.elibrary.ru/sbxofn [in Russian].

3. Gracheva S. A. *Doktrina verkhovenstva prava i sudebnye pravovye pozitsii* [The Doctrine of Rule of Law and Judicial Legal Positions]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2014, vol. 2, no. 4, pp. 33–45. Available at: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/1547/view [in Russian].

4. Peters A. *Pravovye sistemy i protsess konstitutsionalizatsii: novoe opredelenie sootnosheniya* [Legal systems and the process of constitutionalization: new definition of the relationship]. *Daidzhest Publichnogo Prava* [Digest für öffentliches Recht], 2013, no. 2. Available at: https://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_239_332.pdf [in Russian].

5. Weiler J. H. H., Haltern U. R. The Autonomy of the Community Legal Order – Through the Looking Glass. Available at: https://jeanmonnetprogram.org/archive/papers/96/9610-The-2.html (accessed 20.04.2024).

6. Case 26–62. Document 61962CJ0026. Judgment of the Court of 5 February 1963. NV Algemene Transport-en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie – Netherlands. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A61962CJ0026 (accessed 20.04.2024).

7. Case 6/64 Falminio Costa v E.N.E.L [1964] ECR 585. Available at: https://www.lawteacher.net/cases/6-64-flaminio-costa.php (accessed 20.04.2024).

8. Ispolinov A. S. *Sudebnyi aktivizm i sudebnoe normotvorchestvo Suda Evropeiskogo Soyuza* [Judicial activism and judicial rule-making of the Court of Justice of the European Union]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2016, no. 1, pp. 81–94. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25665014. EDN: https://www.elibrary.ru/vpqhzf [in Russian].

9. Friedmann W. G. The Changing Structure of International Law. London: Stevens & Sons, 1964, p. 62–63.

10. Vauchez A. The transnational politics of judicialization. *Van Gend En Loos* and the making of EU polity. *European Law Journal*, 2009, vol. 16, issue 1, pp. 1–28. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-0386.2009.00494.x.

11. Bogdandy A. von, Hinghofer-Szalky S. Das etwas unheimliche Ius Publicum Europaeum: Begriffsgeschichtliche Analysen im Spannungsfeld von europaischem Rechtsraum, droit public de l'Europe und Carl Schmitt. *Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht*, 2013, vol. 73, issue 2, S. 209–248. Available at: https://www.zaoerv.de/73_2013/73_2013_2_a_209_248.pdf (accessed 03.04.2024).

12. Kadelbach S. (Hrsg.) Europa als kulturelle Idee. Baden-Baden, 2010, 127 p.

13. Topornin B. N. *Evropeiskoe pravo: uchebnik* [European law: textbook]. Moscow: Yurist", 2001, 456 p. [in Russian].

14. Radzhabov M. N. *Osnovnye predposylki formirovaniya evropeiskogo prava* [Main prerequisite to formation the European law]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [International public and private law], 2013, no. 4, pp. 26–28. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20202663. EDN: https://www.elibrary.ru/raclyz [in Russian].

15. Yerzhanova F. A. *K voprosu o mezhdunarodnoi pravosub"ektnosti Evropeiskogo Soyuza* [On the question of the European Union's international legal personality]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pravo* [Bulletin of the Karaganda University. LAW Series], 2017, no. 1 (85), pp. 8–14. Available at: https://rep.ksu.kz/handle/data/1739?show=full [in Russian].

16. Ostapenko Yu. S. *Pravovye osnovy mezhdunarodnoi deyatel'nosti Evropeiskogo Soyuza* [Legal framework of the international activities of the European Union]. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2013, no. 4, pp. 89–95. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-evrosoyuza?ysclid=m24hnwaxhp811438894 [in Russian].

17. Weiler J. H. H. The Transformation of Europe. *Yale Law Journal*, 1991, vol. 100, no. 8, pp. 2403–2483. DOI: https://doi.org/10.2307/796898.

18. Weiler J. H. H. The Constitution of Europe: Essays on the Ends and Means of European Integration. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 354–359.

19. *Pravo VTO: teoriya i praktika primeneniya: monografiya. L. P. Anufrieva, V. A. Zhdanov, P. A. Kalinichenko i dr.; pod red. L. P. Anufrievoi* [Anufrieva L. P., Zhdanov V. A., Kalinichenko P. A. et al. WTO law: theory and practice of application: monograph; Anufrieva L. P. (ed.)]. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2016, 528 p. Available at: https://files.student-it.ru/previewfile/13535 [in Russian].

20. Cremona M. The Union as a global actor: Roles, models and identity. *Common Market Law Review*, 2004, vol. 41, issue 2, pp. 553–573. DOI: https://doi.org/10.54648/cola2004006.

21. Klochkova Yu. A. *Problemy pravovogo statusa Evropeiskogo Soyuza: mezhdu Federatsiei i mezhdunarodnoi organizatsiei* [Problems of legal status of the European Union: between the Federation and an international organization]. *Izvestiya TRTU* [Izvestiya TSURE], 2005, no. 6 (50), pp. 207–211. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12512883. EDN: https://www.elibrary.ru/knvhvh [in Russian].

22. Besson S. European Legal Pluralism after *Kadi*. *European Constitutional Law Review*, 2009, vol. 5, issue 2, pp. 237–264. DOI: https://doi.org/10.1017/S1574019609002375.

23. Besson S. Whose Constitution(s)? International Law, Constitutionalism, and Democracy. In: *Dunhoff J. L., Trachtman J. P. (eds.) Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, pp. 381–408. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511627088.014.

24. Meshheryakova O. M. *Sootnoshenie prava Evropeiskogo Soyuza i suvereniteta gosudarstv-chlenov* [Parity of the right of the European Union and the sovereignty of member states]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2009, no. 4, p. 93–100. Available at: https://journals.rudn.ru/law/article/download/5715/5168?ysclid=m24jc2nn56889682331; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13101158. EDN: https://www.elibrary.ru/lasacx [in Russian].

25. *Evropeiskoe pravo: ucheb. posobie. M. M. Biryukov. 2-e izd., dop.* [Biryukov M. M. European law: textbook. 2nd edition, enlarged]. Moscow: Omega-L, 2006, 128 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343

Дата поступления: 26.06.2024
рецензирования: 30.07.2024
принятия: 10.09.2024

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: нововведения в зарубежном уголовном законодательстве

А. Н. Сунгатуллин
Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: ansngtx@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе исследуются изменения уголовного законодательства некоторых зарубежных государств за период с 2017 по 2024 год. Нововведения охватывают самостоятельные составы преступлений, устанавливающие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Ознакомление с изменениями в зарубежном законодательстве позволяет оценить природу термина «вовлечение» и его содержание с иных позиций. Положения зарубежного законодательства рассматриваются еще и в соотношении со ст. 150 УК РФ. Кроме того, автор описывает предпосылки возникновения законодательных инициатив в исследуемой области. Законодательство некоторых зарубежных государств не позволяет привлечь к ответственности взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений. Проблема связана с ограниченностью правовых положений о торговле людьми, в соответствии с которыми квалифицируются данные действия. Такой подход автор предлагает именовать «Палермской моделью» в соответствии с одноименным протоколом международно-правового характера в контексте противодействия торговле людьми. Констатируются несостоятельность такого подхода и перспективы формирования самостоятельных моделей охраны несовершеннолетних лиц от вовлечения в совершение преступлений. В заключение автор отмечает недостатки и преимущества рассмотренных примеров правового регулирования, их перспективный опыт и затрагивает проблему недостаточного межгосударственного взаимодействия по вопросам защиты детей в исследуемой области.
Ключевые слова: вовлечение; несовершеннолетний; преступная деятельность; зарубежное законодательство; Палермский протокол; вербовка; подстрекательство.
Цитирование. Сунгатуллин А. Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений: нововведения в зарубежном уголовном законодательстве // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 96–105. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Сунгатуллин А. Н., 2024
Айдар Наилевич Сунгатуллин – адъюнкт, Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 420108, Российская Федерация, г. Казань, ул. Магистральная, 35.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.06.2024
Revised: 30.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Involvement of minors in committing crimes: innovations in foreign criminal legislation

A. N. Sungatullin
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation
E-mail: ansngtx@mail.ru

Abstract: This work examines the changes in the criminal legislation of some foreign countries over the period from 2017 to 2024. The innovations cover independent elements of crimes that establish responsibility for involvement minors in the committing crimes. Familiarization with changes in foreign legislation allows us to evaluate the nature of the «involvement» construct and its content from a different perspective. The provisions of foreign legislation are also considered in relation to Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the author describes the prerequisites for the emergence of legislative initiatives in the field under study. The legislation of some foreign countries does not allow for the prosecution of adults who involve minors in committing crimes. The problem is related to the limited legal provisions on human trafficking, according to which these actions are qualified. The author suggests calling this approach the «Palermo model», in accordance with the protocol of the same name of an international legal nature in the context of combating human trafficking. The inconsistency of this approach and the prospects for the formation of independent models of protection of minors from involvement in the commission of crimes are stated. In conclusion, the author cites the advantages and disadvantages of the considered examples of legal regulation, promising experience and the problem of insufficient interstate cooperation on child protection in the field under study.
Key words: involvement; minor; criminal activity; foreign legislation; Palermo Protocol; recruitment; incitement.

Citation. Sungatullin A. N. *Vovlechenie nesovershennoletnikh v sovershenie prestuplenii: novovvedeniya v zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve* [Involvement of minors in committing crimes: innovations in foreign criminal legislation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 96–105. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-96-105 [in Russian].
Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sungatullin A. N., 2024
Aydar N. Sungatullin – postgraduate student, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 35, Magistralnaya Street, Kazan, 420108, Russian Federation.

Особая охрана прав несовершеннолетних лиц является одной из важнейших задач современной юриспруденции и обеспечивается как на международно-правовом уровне, так и на уровне национального законодательства. Справедливым видится суждение о том, что дети находятся вне политики и для целей их особой защиты атрибуты правового статуса гражданина того или иного государства не имеют абсолютно никакого значения. При таком подходе вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений – актуальная и, что немаловажно, транснациональная проблема. К сожалению, на текущий момент разрешение данной проблемы не отличается единообразием подходов среди законодателей различных государств.

Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем преступности среди подростков, необходимостью разработки новых подходов к защите несовершеннолетних и возможностью использования зарубежного опыта.

Предметом исследования выступают положения законодательства России, Австралии, Ирландии, Швеции, регламентирующие ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, научные исследования и информация СМИ.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных (абстрактно-логический, анализ, синтез и др.) и частнонаучных (идеографический, качественный контент-анализ, сравнительно-правовой и пр.) методов.

Научная новизна исследования заключается в обзоре относительно недавних изменений уголовного-законодательства Австралии, Ирландии, Швеции, а также их соотношение со ст. 150 УК РФ, устанавливающей ответственность за тождественное преступление. Кроме того, предпосылки законодательных инициатив, рассмотренные в статье, позволяют оценить современное состояние молодежной преступности с криминологических позиций.

Уголовно-правовая конструкция «вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» известна отечественному уголовному законодательству и законодательствам стран постсоветского пространства в относительно сформированном виде уже более полувека. Впервые подобная конструкция возникла в УК РСФСР 1960 года (ст. 210 УК РСФСР «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность»). На сегодняшний день статья 150 УК РФ продолжает совершенствоваться. Так, например, 29 мая 2024 года была представлена редакция ч. 4 указанной статьи, где появился новый особо квалифицирующий признак – «вовлечение в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести»[1]. Однако лишь совсем недавно в зарубежных государствах обратили внимание на действия взрослых лиц, направленные на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, и стали рассматривать эту проблему с позиции новых правовых взглядов.

Так, молодежная преступность в Австралии всегда являлась острой проблемой. Достаточно длительное время австралийская система правосудия была направлена преимущественно на борьбу с несовершеннолетними преступниками, то есть со следствием, а не с причинами, поддерживающими высокий уровень преступности в данной области. Кроме того, система и структура ювенальной юстиции находятся под давлением общественности и СМИ. Как отмечает Н. Антолак-Сапер, «в частности, в период с 2016 по 2018 год газеты Herald Sun и The Age – две крупнейшие основные формы печатных СМИ в Мельбурне, столице Виктории, – уделяли особое внимание несовершеннолетним правонарушителям и системе правосудия по делам несовершеннолетних, последовательно призывая к «более жесткому» подходу к преступности, который должен быть принят как правительством штата, так и должностными лицами системы уголовного правосудия» [1, p. 106].

Критической точкой, определившей необходимость коренных изменений в системе ювенальной юстиции, стали события, ознаменовавшие празднование Дня Труда на ежегодном фестивале Мумба в южном пригороде Мельбурна 12 марта 2016 года. Массовые беспорядки, приведшие к применению полицией перцового спрея, закончились арестом нескольких десятков человек. Главный комиссар полиции штата Виктория Грэм Эштон обратил особое внимание на то, что возраст многих задержанных составлял менее 12 лет. Тогда ответственность за учинение беспорядков была возложена на группировку под названием «Apex», однако данное событие стало отправной точкой реформирования системы отправления правосудия в отношении молодежи[2].

[1] Федеральный закон от 29.05.2024 № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477326.

[2] Davey M. Melbourne street brawl blamed on Apex gang after Moomba festival // The Guardian. 13 Mar. 2016. URL: https://www.theguardian.com/australia-news/2016/mar/14/melbourne-street-brawl-blamed-on-apex-gang-after-moomba-festival (дата обращения: 10.06.2024).

В конце 2016 года премьер штата Виктория Дэниел Эндрюс объявил о масштабном плане борьбы с преступностью. Кроме всего прочего, список реформ включал в себя еще и разработку нового состава преступления, связанного со «склонением молодых людей к совершению преступлений» [3], законопроект о введении которого было запланировано внести в Парламент Виктории в 2017 году.

Вызвавший общественный резонанс закон Правительства Эндрюса получил неофициальное название «Закон Феджина», произошедшее от имени персонажа-антагониста романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», который учил и заставлял беспризорных детей воровать для него в обмен на пищу и крышу над головой[4].

Действующим на тот момент генеральным прокурором штата Виктория Мартином Пакулой 23 мая 2017 года в Парламент штата был уже ожидаемо внесен законопроект «О поправках к законодательству о детях и правосудии (реформа системы правосудия по делам несовершеннолетних)». Уже 8 июня 2017 года законопроект был принят в третьем чтении Законодательным собранием, однако Королевское согласие было получено только 26 сентября того года, и Закон №43/2017 был опубликован[5].

Реформа предусматривала изменения как материального, так и процессуального права и содержала поправки в законы «О детях, молодежи и семьях» 2005 года, «О вынесении приговоров» 1991 года, «Об уголовном процессе» 2009 года, «Об исправительных учреждениях» 1986 года, «О залоге» 1977 года, «О преступлениях, преследуемых в порядке ускоренного судопроизводства» 1966 года. Однако ключевая в ракурсе нашего исследования поправка была внесена в Закон «О преступлениях» 1958 года и предусматривала возникновение нового раздела 11А части 1 указанного Закона.

Таким образом, введенным в действие разделом 11А вышеупомянутого закона была установлена ответственность за вербовку детей, то есть лиц младше 18 лет, для участия в преступной деятельности. Хотя законодателем используется такая формулировка, как «вербовка», речь идет именно о вовлечении в преступную деятельность, поскольку в пояснительной записке достаточно развернуто уточняется, что именно следует понимать под вербовкой. Так, законодатель рассматривает упомянутую конструкцию как «подстрекательство, направление или побуждение», что очевидно находится за границами вербовки в понимании отечественного законодательства. Также в пояснительной записке указано, что под преступной деятельностью необходимо понимать «поведение, которое представляет собой преступление, наказуемое в соответствии с первым приговором лишением свободы пожизненно или на срок 5 лет и более», то есть вербовка для совершения не всякого преступления будет наказуема. На наш взгляд, подобный подход крайне непрактичен: «вербовка» подростка для совершения преступления, наказание за которое предусмотрено в пределах до 5 лет лишения свободы, по-прежнему остается безнаказанным деянием.

В разделе 321LB законопроекта уточняется, что лицо может быть признано виновным в совершении преступления вне зависимости от того:

а) занимается ли ребенок преступной деятельностью;

б) преследуется ли ребенок судом, или признан виновным в совершении какого-либо преступления.

Таким образом, для приведения виновного лица к уголовной ответственности в соответствии с положениями раздела 11А необходимость доведения преступного умысла до конца отсутствует. То есть фактически не имеет значения, совершил несовершеннолетний преступление под воздействием взрослого «наставника» или нет. Логика в регламентации именно такой конструкции действительно прослеживается. Бывший прокурор Виктории Мартин Пакула с принятием законопроекта уточнил, что «в Виктории уже есть наказание за подстрекательство, но полиция и прокуратура должны доказать, что конкретное преступление было совершено»[6], но с введением нового состава преступления такая необходимость отпала.

Организованная преступность в Ирландии, в отличие от Австралии, имеет преимущественно клановый характер. Как справедливо указывает Дж. Виндл в контексте исследования особенностей ирландской организованной преступности, «в Ирландии существуют разнообразные криминальные структуры; однако структура ‘‘семья-банда’’ чаще всего упоминается в научных, медиа- и политических документах» [2, p. 137]. Разумеется, вовлечение несовершеннолетних в группировки, члены которой зачастую связаны между собой кровными узами, также представляет собой серьезную угрозу.

Еще в 2015 году Министерством юстиции и Департаментом по делам детей, равенства, инвалидности, интеграции и молодежи Ирландии

[3] Sweeping reforms to crack down on youth crime // Official website of the Premier of Victoria. 05 Dec. 2016. URL: https://www.premier.vic.gov.au/sweeping-reforms-crack-down-youth-crime (дата обращения: 10.06.2024).

[4] Fagin's Law: New Victorian offence to target adults procuring kids to commit crimes // ABC News. 05 Dec. 2016. URL: https://www.abc.net.au/news/2016-12-05/fagins-law-targets-adults-getting-kids-to-commit-crime-victoria/8091696 (дата обращения: 10.06.2024).

[5] Children and justice legislation amendment (Youth justice reform) Act №43/2017, enacted 26 Sep. 2017 // Official website of the Victorian Government's Victorian Legislation. URL: https://www.legislation.vic.gov.au/bills/children-and-justice-legislation-amendment-youth-justice-reform-bill-2017 (дата обращения: 10.06.2024).

[6] Fagin's Law: New Victorian offence to target adults procuring kids to commit crimes // ABC News. 05 Dec. 2016. URL: https://www.abc.net.au/news/2016-12-05/fagins-law-targets-adults-getting-kids-to-commit-crime-victoria/8091696 (дата обращения: 10.06.2024).

в партнерстве с юридическим факультетом Университета Лимерика был запущен так называемый «Гринтаунский проект»[7], целью которого стала индикация преступных сетей и их воздействия на подростков. Этап подготовки и сбора материалов для проведения исследования берет свое начало еще раньше – с 2010 года. Сущность исследования состояла в обнаружении устойчивых связей между подростками, неоднократно попадавшими в поле зрения полиции, и взрослыми преступниками, а также закономерностей и характера подобных связей. В представленном отчете об исследовании указано, что «криминальная сеть, существовавшая в Гринтауне в 2010–2011 годах, носила иерархический характер и управлялась «ядром», основанным на семейно-родственных отношениях» [3, p. 6]. Указанное исследование позволило составить схему взаимосвязей между членами преступной сети, затем во взаимодействии с местными правоохранительными органами, сотрудники которых использовали «полицейский» вариант схемы взаимосвязей преступной сети, эксперты, имея вариант схемы, включавший в себя лишь возраст и идентификационный номер члена данной сети, выявили уязвимости сети и преимущества, которые членство в ней несли для подростков.

Исследование «Гринтауна» поставило серьезный вопрос перед национальными властями: «предположение о том, что взрослые в сети, по-видимому, активно вербуют и подталкивают некоторых детей к преступной деятельности в сочетании с отсутствием воспитания и защиты заставляет власти задуматься о том, требуются ли в таких случаях законодательные меры правовой защиты» [3, p. 50].

После принятия «Закона Феджина» в Австралии позиция о необходимости внесения подобных изменений в ирландское законодательство получила не только внешнюю аргументацию, но и укрепилась внутренними доводами. Так, 7 декабря 2017 года был опубликован 10-й ежегодный отчет Специального докладчика по вопросам защиты детей профессора Джеффри Шеннона, в разделе 4.3 которого профессор Шеннон упоминает австралийский опыт, подчеркивает наличие уязвимостей национального законодательства и рекомендует разработать и ввести собственный «Закон Феджина»[8].

Спустя 3 месяца, 7 марта 2018 года, на рассмотрение в Палату Представителей Национального Парламента Ирландии одним из членов Парламента Энн Рэббит был внесен Законопроект № 27 в области уголовного права, предусматривавший разработку состава преступления, регламентирующего ответственность за вербовку несовершеннолетнего для совершения преступления. Законопроект практически в точности дублировал положения австралийского «Закона Феджина». Единственное значительное отличие состояло в том, что, помимо составляющих «подстрекательство», «направление» и «побуждение», понятие «вербовка» охватывало еще и «обеспечение»[9]. Как нам кажется, речь идет об обеспечении средствами или орудиями совершения преступления.

Ввиду того что в январе 2020 года Парламент Ирландии 32-го созыва был распущен президентом Хиггинсом, планы по реализации законопроекта №27/2018 не состоялись.

В этом же году исследователи, пролонгировавшие соглашение на проведение дальнейшей работы в рамках серии «Гринтаунского проекта», публикуют сразу два исследования, раскрывающие закономерности формирования и функционирования, а также структуру местных преступных сетей в «Рэдтауне»[10] и «Блютауне»[11]. Акцент в обоих исследованиях был сделан на более серьезных и систематических преступлениях, нежели в первом исследовании серии.

Так, при исследовании преступной сети «Рэдтауна» команда ученых под руководством доктора Шона Рэдмонда на основании количества связей и совершаемых преступлений выявила трех 16-летних мальчиков, члены семей которых также состояли в структуре местной преступной сети [4, p. 19]. Кроме того, в контексте данного исследования ученые выявили комплекс факторов, влияющих на участие подростков в деятельности преступной сети. К таким факторам, в частности, относятся неблагоприятный опыт, нормализация преступного поведения и отверженность от общества. К. Нотон, Ш. Рэмонд и Э. О'Мира Дэли указывают, что «некоторые дома молодых людей назывались "домами открытых дверей" – с частым вовлечением в преступную деятельность» [4, p. 20].

Исследование криминальной составляющей одного из районов Дублина, названного «Блютаун», позволило выявить сразу четыре взаимосвязанные, но относительно автономные преступные сети. Одно из ключевых предположений, по мнению ученых-исследователей, состоит в том, что «молодые люди, вовлеченные в преступные сети, начинали с мелких правонарушений, а затем стали участвовать в более серьезных преступлениях против собственности, таких как кражи со взломом в Сетях 1, 2 и 3 и торговля наркотиками в Сети 4» [5, p. 47]. Такое

[7] «Гринтаун» – вымышленное название существующего района одного из городов Ирландии, находящегося за пределами Дублина, с населением от 50 000 до 60 000 человек.

[8] Tenth report of the special rapporteur on child protection. Special rapporteur: Prof. Geoffrey Shannon: official text // Official website of the Government of the republic of Ireland. URL: https://assets.gov.ie/27443/7fbed34559d44634a31593372e47882c.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

[9] Criminal law (Recruitment of children to engage in criminal activity) Bill №27 of 2018, initiated 7 Mar. 2018 // Official website of the National Parliament of the Republic of Ireland. URL: https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2018/27 (дата обращения: 10.06.2024).

[10] «Рэдтаун» – вымышленное название существующего района одного из городов Ирландии, находящегося за пределами Дублина, с населением от 20 000 до 30 000 человек.

[11] «Блютаун» – вымышленное название существующего района Дублина с населением от 70.000 до 80.000 человек.

предположение ведет к выводу, что вовлечение подростка в преступную сеть со временем приводит к большей криминализации личности последнего.

Таким образом, криминальные связи, закономерности и специфика преступлений, в совершение которых чаще всего вовлекаются ирландские подростки, были тщательным образом проанализированы учеными из Университета Лимерика на примере наиболее репрезентативных административно-территориальных единиц, что, впрочем, сказалось на дальнейшей законодательной деятельности в этой области не сразу.

23 января 2023 года министром юстиции Ирландии Хелен МакЭнти на рассмотрение в Парламент Ирландии был внесен законопроект № 4, предусматривающий регламентацию ответственности за вовлечение детей в преступную деятельность. Совсем недавно, а именно 11 марта 2024 года, законопроект был подписан президентом Ирландии и вступил в законную силу.

Новый «Закон Феджина» был подвергнут терминологическим изменениям, а в частности:

1) используемый ранее термин «вербовка» был заменен термином «вовлечение»;

2) законодатель выделил следующие наказуемые действия, направленные на вовлечение ребенка в преступную деятельность:

1-я группа:

а) убеждение, принуждение или направление ребенка;

б) обман ребенка;

2-я группа:

а) подстрекательство или предложение (совершить преступление);

б) помощь, поощрение, дача советов, обеспечение (средствами или орудиями совершения преступления).

Кроме того, законодатель отметил, что взрослый может быть признан виновным в совершении указанного преступления вне зависимости от того:

а) принимал ли ребенок участие в соответствующей преступной деятельности;

б) намеревался ли ребенок принять участие в соответствующей преступной деятельности;

в) был ли ребенок привлечен к ответственности или признан виновным за совершение любого преступления, составляющего соответствующую преступную деятельность.

Кроме того, были подвергнуты корректировке и размеры наказания. Так, если изначально верхнюю границу наказания в виде лишения свободы предполагалось установить в размере 10 лет, то максимальный срок по принятому закону составляет всего 5 лет.

Законодатель обращает внимание на то, что в случае осуждения в порядке ускоренного производства виновное лицо приговаривается к уплате штрафа класса А, который в соответствии с Законом Ирландии «О штрафах» не превышает 6 тысяч евро[12], и (или) тюремному заключению на срок, не превышающий 12 месяцев. В случае если лицо было осуждено по обвинительному заключению, наказание установлено в виде штрафа, размеры которого не уточняются, и (или) тюремного заключения на срок до 5 лет[13].

Необходимо отметить, что на рассматриваемую нами проблему обратили внимание и в Швеции. В настоящий момент вовлечение несовершеннолетних шведов в преступную деятельность связано с активностью преступных группировок. Преступная деятельность, в которую вовлекаются шведские подростки, заключается в том числе и в участии последних в совершении убийств с применением огнестрельного оружия. По оценкам The Guardian, со ссылкой на статистические данные Шведского национального совета по предупреждению преступности, доля лиц в возрасте от 15 до 20 лет, подозреваемых в убийствах и непредумышленных убийствах с применением огнестрельного оружия, за последние 10 лет возросла почти вдвое: с 23,6 % в 2012 году до 45,1 % в 2022 году. Подобное «омоложение» преступников наблюдается и в общей структуре насильственной преступности в Швеции[14].

Зачастую в Швеции убийства совершаются подростками по заказу или по указанию опытных преступников в качестве ритуала инициации в члены криминальной субкультуры. В контексте заказных убийств один из собеседников информационного агентства Sky News и также участник одной из уличных группировок, чье настоящее имя не раскрывается, заявляет, что «теперь убивают все, поэтому цены настолько низкие»[15], имея в виду стоимость соответствующей услуги.

Правительство Швеции, на наш взгляд, вполне рационально оценивает существующие проблемы в рамках организации деятельности системы ювенальной юстиции. Так, Дж. Сандхолл, С. Хиллен в контексте анализа соглашения о борьбе с организованной преступностью, принятого в 2022 году политическими партиями шведского Парламента,

---

[12] Fines act of the Republic of Ireland №8 of 2010, Updated to 11 Jan. 2016 // Official website of the Law Reform Commission of the Republic of Ireland. URL: https://www.lawreform.ie/_fileupload/RevisedActs/WithAnnotations/HTML/en_act_2010_0008.htm#:%7E:text=AN%20ACT%20TO%20MAKE%20PROVISION%2CFINANCIAL%20CIRCUMSTANCES%3B%20TO%20PROVIDE%20FOR (дата обращения: 10.06.2024).

[13] Criminal justice (Engagement of children in criminal activity) Act №8 of 2024, enacted 11 Mar. 2024 // Official website of the National Parliament of the Republic of Ireland. URL: https://www.oireachtas.ie/en/bills/bill/2023/4.

[14] Sunnemark V. How gang violence took hold of Sweden – in five charts // The Guardian. 30 Nov. 2023. URL: https://www.theguardian.com/world/2023/nov/30/how-gang-violence-took-hold-of-sweden-in-five-charts (дата обращения: 10.06.2024).

[15] Robbins S., Neuhof F. Bombs and bullets: Sweden's deadly gang war // Sky News. 2 Apr. 2024. URL: https://news.sky.com/story/swedens-deadly-gang-war-has-turned-peaceful-country-into-murder-hotspot-13071608 (дата обращения: 10.06.2024).

отмечают, что «дискурс о том, что детям должна быть предоставлена особая защита в силу их возраста скоро будет заменен дискурсом, который не учитывает зависимое положение детей, а приравнивает их ко взрослым, тем самым делая незаметным дисбаланс сил между детьми и взрослыми» [6, p. 5], подчеркивая радикальность грядущих изменений. В частности, инициативы касаются создания специальных тюрем для подростков, перемещение их в общие тюрьмы при достижении совершеннолетия, повышение возраста уголовной ответственности и других аспектов, которые в Швеции на данный момент не урегулированы.

На фоне неутешительных показателей в сфере молодежной преступности ответственность за вовлечение несовершеннолетних лиц в преступную деятельность в форме самостоятельного состава преступления возникла в Швеции в прошлом году. 1 июля 2023 года вступили в силу положения Закона 2023:257 о внесении изменений в национальный Уголовный кодекс, принятые в мае того же года, в соответствии с которыми, в частности, появился совершенно новый и неизвестный ранее шведской юриспруденции состав преступления, ответственность за совершение которого на данный момент предусмотрена § 5a главы 16 («Преступления против общественного порядка») УК Швеции.

Виновным в совершении преступления, ответственность за которое установлена § 5a главы 16 УК Швеции, признается лицо, которое нанимает, платит, поручает или передает имущество любому лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста и тем самым или любым подобным образом вовлекает его или ее в совершение преступления или преступную деятельность. Наказание установлено в виде тюремного заключения на срок до 4 лет.

Кроме того, шведский законодатель традиционно для составов преступлений, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних лиц, уточняет, что в случае, если разница в возрасте или развитии между лицом, совершившим деяние, и другим лицом незначительна, такое лицо не подлежит ответственности.[16]

Детерминация возникновения уголовно-правовых новелл, регламентирующих ответственность за вовлечение несовершеннолетних лиц в преступную деятельность, сводится к следствию увеличения случаев подобного характера в рассмотренных государствах. Данное обстоятельство, не умаляя специфики детерминант таких изменений, не позволяет отнести наличие указанной проблемы к пробелам конкретной системы борьбы с преступностью, а позволяет лишь констатировать уязвимость всего современного общества.

На текущий момент за пределами постсоветского пространства редкий законодатель использует самостоятельное конструктивное обозначение действий, направленных на вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений. Дело в том, что по законодательству многих зарубежных государств, в особенности европейских, подобного рода действия признаются фактами торговли людьми. Целесообразно называть такой подход «Палермской моделью», поскольку он основан на положениях протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, также известного как Палермский протокол. Так, в ст. 3 Палермского протокола установлено, что торговля людьми означает «осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо»[17].

Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза «О предупреждении и противодействии торговле людьми, о защите пострадавших…», а в частности ст. 2, положения Палермского протокола уточняются в том, что «эксплуатация в целях совершения преступлений» также относится к преступлениям, связанным с торговлей людьми[18].

Ключевое отличие «Палермской модели» от самостоятельных уголовно-правовых положений, криминализирующих вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений или даже антиобщественных действий, заключается в том, что в первом случае воля лица, на которое направлено воздействие, подавлена – у него нет возможности отказаться от совершения соответствующих действий, во втором же случае такая возможность у него есть.

В таком контексте, помимо рассмотренного нами опыта законодательной регламентации в Австралии, Ирландии и Швеции, следовало бы упомянуть, например, опыт Германии (§ 233 УК ФРГ – «Эксплуатация рабочей силы») [7, с. 336–337], однако лишь в целях общего дискурса, поскольку «эксплуатация» в данном случае не является самостоятельной конструктивной формой,

[16] Lag 2023:257 om ändring i brottsbalken // Officiell webbplats för register över lagar och förordningar i Svensk författningssamling. URL: https://svenskforfattningssamling.se/doc/2023257.html (дата обращения: 07.06.2024).

[17] Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности: принят резолюцией 55/25 Ген. Ассамблеи 15 нояб. 2000 г. // ИПО «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12126240/ (дата обращения: 07.06.2024).

[18] О предупреждении и противодействии торговле людьми, о защите пострадавших и о замене Рамочного решения Совета ЕС 2002/629/ПВД: Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 5 апреля 2011 г. № 2011/36/ЕС // ИПО «Гарант». URL: https://base.garant.ru/70170068 (дата обращения: 07.06.2024).

обеспечивающей охрану общественных отношений в исследуемой нами области.

Т. Барч и другие, оценивая положения § 233 национального уголовного кодекса, подчеркивают, что «она криминализирует тех преступников, которые находятся на конце цепочки (торговли людьми) и которые эксплуатируют труд жертв и таким образом получают прибыль от торговли людьми», а также отмечают ключевое отличие от состава преступления, сконструированного в соответствии с Палермским протоколом: «...поведение, предусмотренное статьей 233, в отличие от статьи 232b, не представляет собой несправедливого воздействия на желание потерпевшего начать или продолжать такую деятельность в первую очередь» [8, S. 21].

Э. Кокбейн, К. Бауэрс и Г. Димитрова, рассуждая о несогласованности законодательства государств в области торговли людьми, справедливо указывают, что «существуют особые расхождения в том, охватывает ли этот термин эксплуатацию в криминальной сфере (например, карманные кражи, выращивание каннабиса) и/или в домашней сфере (домашний подневольный труд)» [9, p. 322].

Очень точно, как нам кажется, подобное положение дел отражено в позиции Министерства юстиции Швеции. Так, в пояснительной записке к законопроекту 2022/23:53 указано: «Не существует более всеобъемлющей системы уголовного права, отвечающей интересам общества в том, чтобы молодые люди не были вовлечены в преступную деятельность, а есть лишь ограниченные возможности применения уголовных положений, касающихся торговли людьми и незаконного принуждения» [19].

Большинство зарубежных государств находится в аналогичном состоянии, выраженном в отсутствии какой-либо возможности привлечь к уголовной ответственности лицо, вовлекшее подростка в совершение преступления. Взрослый несет ответственность лишь за свое участие в противоправном деянии, если речь не идет о тех формах принуждения, которые фактически относятся к положениям о торговле людьми.

Вероятно, в Республике Ирландия при принятии так называемого «Закона Феджина» руководствовались приблизительно такими же доводами. Так, Эми Э. Хили в контексте сравнительного исследования правоприменения законодательства о торговле людьми в Республике Ирландия и в Северной Ирландии, отмечает: «В Республике Ирландия дети, эксплуатируемые в преступных целях криминальными группировками, не считаются жертвами торговли людьми, хотя эти дети могут быть признаны жертвами торговли людьми на основании Палермского протокола» [10, p. 7]. Это лишь подчеркивает преимущества принятых недавно поправок.

[19] Prop. 2022/23:53. Skärpta straff för brott i kriminella nätverk // Sveriges Riksdag. URL: https://data.riksdagen.se/fil/A409E0B0-B3B5-40F3-8D17-13D009BC6196 (дата обращения: 07.06.2024).

Так, проведенное нами исследование относительно изменений в уголовном законодательстве ряда государств (Австралия, Ирландия, Швеция) позволяет проанализировать их еще в сравнении с положениями ст. 150 УК РФ (см. таблицу).

Как следует из содержания таблицы, в отечественном законодательстве объект исследуемого преступления обозначен, как нам кажется, наиболее характерным для данного нарушения образом, тогда как в Швеции объектом выступает общественный порядок. В теории уголовного права Ирландии отсутствует понятие объекта преступления, ввиду чего оценить приоритетные общественные отношения, на охрану которых направлены соответствующие положения уголовного законодательства, мы не можем. В Австралии также не определен объект преступления, однако причиной тому выступает специальный характер положений о вербовке ребенка для участия в преступной деятельности по отношению к подстрекательству. Данное обстоятельство указывает на отличную от законодательства сравниваемых государств природу уголовно-правовой конструкции, используемой австралийским законодателем.

Субъектом преступления в Австралии выступает лицо, достигшее 21 года. Логика такого решения совершенно неочевидна, особенно учитывая тот факт, что дети старше 10 лет в Австралии уже несут уголовную ответственность, и это обстоятельство вызывает критику, в том числе и со стороны политиков. Во всех остальных случаях субъектом преступления выступает лицо, достигшее 18 лет, однако в исключительных случаях в Швеции предусмотрено изъятие из положений уголовного кодекса, что является достаточно традиционным правилом шведского законодателя для статей, потерпевшими по которым выступают несовершеннолетние.

Очевидно, что действия, составляющие объективную сторону преступления, не совпадают как минимум по причине безэквивалентности ряда терминов. В этом смысле наиболее состоятельным является, как нам кажется, подход сохранения открытого перечня наказуемых действий, как это представлено в законодательстве Швеции. При этом нельзя не отметить и широкий смысл, который могут нести формы выражения вербовки в Австралии, и достаточно исчерпывающий перечень наказуемых действий, предусмотренных в ирландском законе.

Отечественное понимание вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления по субъективной стороне ограничивается лишь прямым умыслом, что согласуется с пониманием австралийского законодателя, тогда как по законодательству Ирландии и Швеции совершение указанных преступлений возможно и по неосторожности. В данном случае неосторожность не является классической согласно теории отечественного уголовного права, то есть проявляется она не по отношению к содержанию последующей деятельности подростка, а по отношению к определе-

Таблица – Сравнительная таблица положений уголовного законодательства России, Австралии, Ирландии и Швеции, обеспечивающих охрану несовершеннолетних лиц от вовлечения в совершение преступлений

Table – Comparative table of provisions of the criminal legislation of Russia, Australia, Ireland and Sweden, ensuring the protection of minors from involvement in committing crimes

Страны	Россия	Австралия	Ирландия	Швеция
Положение законодательства	Ст. 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»)	Раздел 11а Закона о преступлениях 1958 г. («Вербовка ребенка для участия в преступной деятельности»)	Закон об уголовном правосудии (Вовлечение детей в преступную деятельность) 2024 года	§5а главы 16 УК Швеции («Вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность»)
Объект преступления	Общественные отношения, связанные с обеспечением нормального физического развития и нравственного воспитания несовершеннолетних	Объект не определен, поскольку преступление является разновидностью подстрекательства	В теории уголовного права отсутствует понятие объекта преступления	Общественный порядок
Субъект преступления	Физическое, вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста	Лицо, достигшее 21-летнего возраста	Лицо, достигшее 18-летнего возраста	Лицо, достигшее 18-летнего возраста, однако если причастность, принимая во внимание небольшую разницу в возрасте или развитии между лицом, совершившим деяние, и другим лицом незначительна, то такое лицо не подлежит ответственности
Объективная сторона	Действия, направленные на возбуждение желания совершить преступление, выражаемые как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иные действия	Действия, направленные на вербовку для участия в преступной деятельности, могут быть выражены в форме подстрекательства, направления или побуждения	Действия, направленные на вовлечение в преступную деятельность, могут быть выражены в форме: а) убеждения, принуждения или направления; б) обмана; в) подстрекательства или предложения (совершить преступление); г) помощи, поощрения, дачи советов, обеспечения (средствами или орудиями совершения преступления)	Действия, направленные на вовлечение в преступную деятельность, могут быть выражены в форме найма, оплаты, указаний, или передачи имущества и иных действиях подобного характера
Субъективная сторона	Прямой умысел (взрослый осознает, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления)	Прямой умысел (взрослый знает, что ребенок будет участвовать в преступной деятельности, которая является предметом вербовки)	Умысел или неосторожность (взрослый знает, что лицо является ребенком, или проявляет неосторожность относительно возраста вовлекаемого лица и осуществляет действия, предусмотренные объективной стороной с целью вовлечь ребенка в преступную деятельность)	Умысел или неосторожность (взрослый знает, что указанными действиями вовлекает несовершеннолетнего в преступную деятельность, или не имеет намерения, но проявляет неосторожность в отношении того, что другое лицо не достигло восемнадцатилетнего возраста)
Наказание	Лишение свободы на срок до 5 лет	Лишение свободы на срок до 5 лет	1) При осуждении в порядке ускоренного производства – штраф до 6 тысяч евро и (или) тюремное заключение на срок до 12 месяцев; 2) При осуждении в общем порядке – штраф и (или) тюремное заключение на срок до 5 лет	Тюремное заключение на срок до 4 лет

нию его возраста. Иными словами, лицо, которому не было достоверно известно о возрасте вовлекаемого им в преступную деятельность подростка, но которое должно было удостовериться в совершеннолетии последнего, несет ответственность на общих основаниях. Несмотря на неклассическую форму неосторожности, данное обстоятельство указано нами неноминально: согласно абз. 2 п. 42 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»[20], взрослый не может привлекаться к ответственности по ст. 150 УК РФ, если он не знал о несовершеннолетии вовлеченного лица.

Сроки основных наказаний при соотношении исследуемых положений отечественного и зарубежного законодательства примерно согласуются, хотя в Швеции верхняя граница продолжительности срока тюремного заключения предусмотрена на год меньше, чем в других государствах. С положительной стороны хотелось бы отметить тот факт, что законодательство Ирландии за вовлечение ребенка в преступную деятельность предусматривает денежное взыскание в виде штрафа как альтернативу наказанию в виде тюремного заключения, а также как дополнение к основному наказанию.

Правовые изменения, подобные тем, что были рассмотрены нами в данном исследовании, – совершенно закономерный процесс, поскольку область преступности, связанная с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, как становится ясно из анализа зарубежных научных исследований, информации в зарубежных СМИ и законотворческой деятельности, крайне актуальна в совершенно разных точках мира. Данное исследование позволяет сделать ряд важных выводов.

Во-первых, законодательные меры реагирования такого характера зависят от специфики и структуры местной преступности и принимаются вследствие совершенно разных предпосылок. При этом ключевые детерминанты, как нам кажется, в некотором смысле являются точкой нетерпимости системы правосудия. К таким посылкам, в

[20] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // ИПО «Гарант». URL: https://base.garant.ru/12182757 (дата обращения: 07.06.2024).

частности, относятся участие несовершеннолетних лиц в массовых беспорядках и насильственных преступлениях (Австралия), деятельности клановых преступных сетей (Ирландия) или даже совершение подростками заказных убийств и иных преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия (Швеция).

Во-вторых, хотелось бы с положительной стороны отметить вектор отступления от «Палермской модели» квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений. В современных условиях использование указанной модели ограничивается положениями о торговле людьми и является нецелесообразным в контексте правовой защиты несовершеннолетних лиц в исследуемой нами области. Разумеется, здесь следует говорить лишь об определенной категории стран. Данная позиция сводится к той части государств, ратифицировавших Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности и, собственно, протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, в законодательстве которых до сих пор не появился самостоятельный состав преступления, обеспечивающий охрану несовершеннолетних от вовлечения в совершение преступлений.

В-третьих, еще одним аспектом, который нельзя рассматривать однозначно – положительно или отрицательно, – является природа конструкции «вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность». Если в случае со ст. 150 УК РФ и §5a гл. 16 УК Швеции преступления самостоятельны в своем выражении, то раздел 11A Закона о преступлениях Австралии является специальной нормой по отношению к положениям о подстрекательстве. Такой взгляд имеет место и в отечественной науке, хотя «вовлечение» законодательно является обособленной от положений о подстрекательстве конструкцией.

В-четвертых, размышления о предпосылках принятия соответствующих законов позволяют нам отметить положительный опыт Ирландии в контексте проведенных исследований (серия исследований «Гринтаунский проект»). Учитывая, что в России по-прежнему имеют место не только частные случаи вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, но и деятельность преступных группировок, такой подход следовало бы заимствовать, более подробно изучив методологию и структуру деятельности исследователей и правоохранительных органов в рамках работы над «Гринтауном». Проведение исследования подобного характера позволило бы системе правосудия определить устойчивые связи между ключевыми звеньями молодежной преступности в пределах репрезентативных административно-территориальных единиц, специфические закономерности организации и функционирования преступных структур, а затем и более целенаправленно противодействовать преступности в данной сфере.

В-пятых, хотелось бы отметить, что правотворчество в этой области, по нашему мнению, на фоне отечественного законодательства содержит ряд недостатков. Например, в соответствии с австралийским законодательством лицо, завербовавшее подростка для участия в деятельности, наказание за которую предусмотрено в пределах до 5 лет, не будет нести уголовную ответственность. Другим недостатком можно считать особенности отражения объективной стороны, ее ограниченность (Австралия), закрытый характер (Австралия, Ирландия). Кроме того, повышенный возраст субъекта вербовки (21 год) в Австралии, учитывая возраст уголовной ответственности (10 лет) и возраст совершеннолетия (18 лет) в стране, как нам кажется, неоправданное решение национального законодателя.

В-шестых, вкупе с указанными недостатками зарубежного правотворчества, нельзя не отметить и особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, которые в Ирландии и Швеции предполагают неосторожность по отношению к возрасту вовлеченного в преступную деятельность лица. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее корректным, поскольку ответственность наступает в соответствии с фактическими обстоятельствами, то есть несовершеннолетнее лицо было вовлечено в преступную деятельность.

В-седьмых, следует выделить в качестве недостатка общего характера несогласованность терминологии, конструкции построения уголовно-правовых норм исследуемого характера. Налаживание связей международного сообщества по вопросам защиты детей от вовлечения их в преступную деятельность позволит унифицировать терминологию, сформировать устойчивое международное научное и политическое сообщество, специализирующееся на решении тождественных вопросов, и совместно разрабатывать стратегии противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность.

Библиографический список

1. Antolak-Saper N. The Adultification of the Youth Justice System: The Victorian Experience // Law in Context. 2020. Vol. 37, issue 1. P. 99–113. DOI: 10.26826/law-in-context.v37i1.118.

2. Windle J. Five Areas Which Make the Irish Organized Crime Milieu Distinctive // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2023. Vol. 39, issue 1. P. 133–152. DOI: https://doi.org/10.1177/10439862221138683.

3. Redmond S. Lifting the Lid on Greentown – Why we should be concerned about the influence criminal networks have on children's offending behaviour in Ireland. Dublin: Government Publications, 2016. 68 p. URL: https://greentownproject.wordpress.com.

4. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Redtown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020. 60 p. URL: https://www.drugsandalcohol.ie/33693/1/UL-Redtown-070520.pdf.

5. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Bluetown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020. 64 p. URL: https://www.drugsandalcohol.ie/33694/1/UL-Bluetown-070520.pdf.

6. Sundhall J., Hillén S. The Punishable Child in Sweden – The Tidö Agreement from a Children's Rights Perspective // Social Sciences. 2024. Vol. 13, no. 4. P. 215. DOI: https://doi.org/10.3390/socsci13040215.

7. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам: Издательство Университета Потсдама, 2021. 492 с. URL: https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf.

8. Bartsch T., Greven Nora L., Schierholt J. [u.a.] Evaluierung der Strafvorschriften zur Bekämpfung des Menschenhandels (§§ 232 bis 233a StGB) // Interdisziplinäre Beiträge zur Kriminologischen Forschung. 2022. Vol. 53. 215 S. DOI: http://doi.org/10.5771/9783748931386.

9. Cockbain E., Bowers K., Dimitrova G. Human trafficking for labour exploitation: the results of a two-phase systematic review mapping the European evidence base and synthesising key scientific research evidence // Journal of Experimental Criminology. 2018. Vol. 14, no. 3. P. 319–360. DOI: https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3.

10. Healy A.E. Identifying victims of human trafficking across the island of Ireland: Who counts? Who's counting? Who wants to be counted? // Criminology & Criminal Justice. 2024. DOI: https://doi.org/10.1177/17488958241252955.

References

1. Antolak-Saper N. The Adultification of the Youth Justice System: The Victorian Experience. *Law in Context*, 2020, vol. 37, issue 1, pp. 99–113. DOI: 10.26826/law-in-context.v37i1.118.

2. Windle J. Five Areas Which Make the Irish Organized Crime Milieu Distinctive. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2023, vol. 39, issue 1, pp. 133–152. DOI: https://doi.org/10.1177/10439862221138683.

3. Redmond S. Lifting the Lid on Greentown – Why we should be concerned about the influence criminal networks have on children's offending behaviour in Ireland. Dublin: Government Publications, 2016, 68 p. Available at: https://greentownproject.wordpress.com/.

4. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Redtown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020, 60 p. Available at: https://www.drugsandalcohol.ie/33693/1/UL-Redtown-070520.pdf.

5. Naughton C., Redmond S., Daly Eoin O'Meara. Lifting the Lid on Bluetown – A replication case study, which investigates the contribution of engagement in a local criminal network to young people's more serious and persistent offending patterns. Dublin: Government Publications, 2020, 64 p. Available at: https://www.drugsandalcohol.ie/33694/1/UL-Bluetown-070520.pdf.

6. Sundhall J., Hillén S. The Punishable Child in Sweden – The Tidö Agreement from a Children's Rights Perspective. *Social Sciences*, 2024, vol. 13, no. 4, p. 215. DOI: https://doi.org/10.3390/socsci13040215.

7. Golovnenkov P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniya: Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Research and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Izdatel'stvo Universiteta Potsdama, 2021, 492 p. Available at: https://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/05/Головненков-П.В.-Уголовное-уложение-ФРГ-научно-практический-комментарий-и-текст-закона-2021.pdf [in Russian].

8. Bartsch T., Greven Nora L., Schierholt J. [u. a.] Evaluierung der Strafvorschriften zur Bekämpfung des Menschenhandels (§§ 232 bis 233a StGB). In: *Interdisziplinäre Beiträge zur Kriminologischen Forschung*, 2022, vol. 53, 215 S. DOI: http://doi.org/10.5771/9783748931386.

9. Cockbain E., Bowers K., Dimitrova G. Human trafficking for labour exploitation: the results of a two-phase systematic review mapping the European evidence base and synthesising key scientific research evidence. *Journal of Experimental Criminology*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 319–360. DOI: https://doi.org/10.1007/s11292-017-9321-3.

10. Healy A. E. Identifying victims of human trafficking across the island of Ireland: Who counts? Who's counting? Who wants to be counted?. *Criminology & Criminal Justice*, 2024. DOI: https://doi.org/10.1177/17488958241252955.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ
REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале **«Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University»** принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный **элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку **в программе «Антиплагиат»** и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – **4 выпуска в год.**

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
• Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
• Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
• Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
• Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
• References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style.*

Графика

• Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
• Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

• Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
• В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
• Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
• Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2024
рецензирования: XX.XX.2024
принятия: XX.XX.2024

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № X. С. XX–XX. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Иванов В. В., 2024

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2024
Revised: XX.XX.2024
Accepted: XX.XX.2024

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA* (istoricheskii aspekt) [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2024, Vol. 10, no. X, pp. XX–XX. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-X-XX-XX [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Ivanov V. V., 2024

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)